

**100-летию Геноцида армян
посвящается**

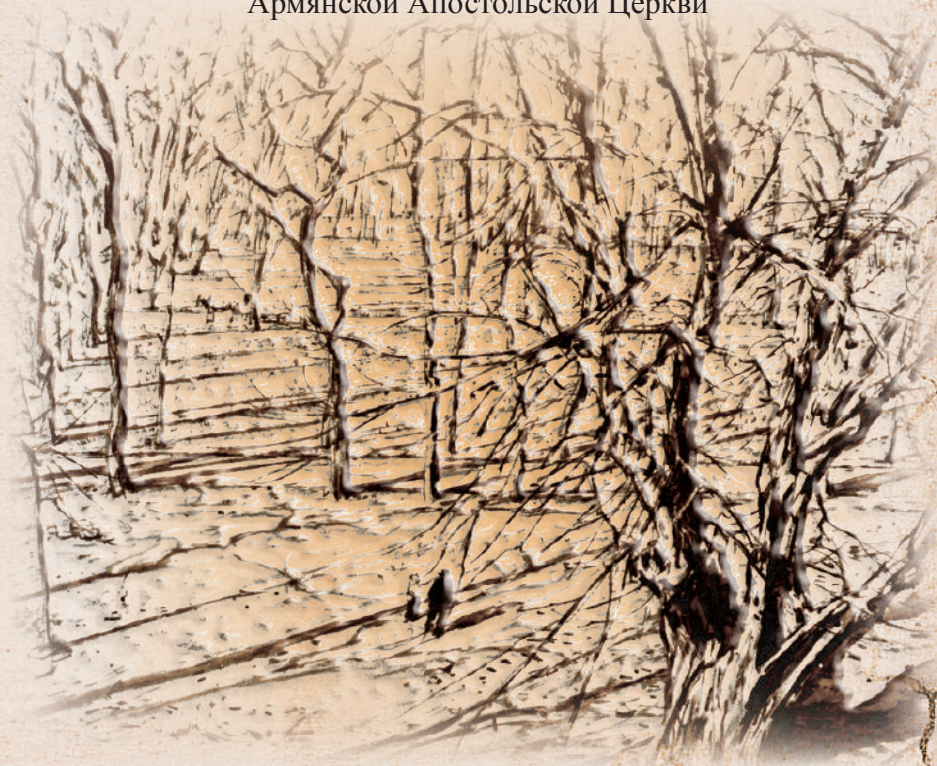
Ваге Кача

Кинжал в саду

Роман

Перевод с французского: Вагаршак Мхитарян

Роман издан с благословения
ЕПИСКОПА МОВСЕСА МОВСЕСЯНА
Главы Епархии Юга России
Армянской Апостольской Церкви

ББК 84 (2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1
К30

ISBN 978-5-904942-05-2

Кинжал в саду
К30 ВАГЕ КАЧА /Хачатрян/– Краснодар: Издательство АлВи,
2012. – 288 с.

Исторический роман «Кинжал в саду» рассказывает о Геноциде армян в Западной Армении. Автор дает панорамную и объективную картину трагических событий, начиная с погромов и резни в 80–90-х годах XIX века и заканчивая истреблением полутора миллионов человек в 1915 году. Геноцид армян, его идея, цели и методы исполнения – понятия, непостижимые для нормального человека. Только слова Гитлера, бросившего: «И кто сейчас помнит об армянах?», - можно рассматривать как слова ученика, «достойно» перенявшего и развившего идею об одновременном, быстром и массовом уничтожении целого народа.

Читателю будет непросто пережить события, описанные в романе, в которые он погружается вместе с его героями - обычными людьми, любящими и любимыми, в одночасье ставшими невинными жертвами, брошенными на заклятие безжалостному Молоху...

ББК 84 (2Рос:Рус)
УДК 821.161.1
К30

ISBN 978-5-904942-05-2

*Память о Геноциде -
наша общая боль,
и наш общий долг -
хранить эту память вечно...*

ВАГЕ КАЧА /Хачатрян/, армянский романист, писавший на французском языке (01.04.1928, Дамаск, Сирия – 14.01.2003, Париж, Франция). Роман «Око за око» (1957 г.), принесший автору премию Ривароль, открыл французской публике писателя сильного и строгого, придерживающегося классических традиций. Начиная с жестоких драм и кончая современной хроникой, писатель исследует культурную эволюцию и психологию новых поколений Ближнего Востока. «Не возвращайся», «Кипитан», «На крючке», «Воскресные окурки», – этими и другими произведениями французская литература обязана новым всплеском мирового читательского интереса к этой теме..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Жизнь в Константинополе

I

Выдавали замуж Агавни, гувернантку, которая воспитывала хозяйских детей. Сирота, подобранная Дурянами в шестилетнем возрасте, она была частью семьи. Тридцати восьми лет, хрупкая, чувствительная, она выходила замуж по настоянию Дуряна-старшего, который не одобрял безбрачие. Муж, Аведис, был обувщиком семьи. Он овдовел

несколько лет назад и скучал по женскому теплу. Маленький, коренастый, лет пятидесяти, он казался потерянным среди приглашенных. Порядком захмелевший, «жених» бродил с пустым бокалом в руке. Как только ему наливали, он сразу опустошал бокал. Потный, с блестящим лицом, Аведис не решался в таком виде показаться невесте. По натуре он был тихим и застенчивым человеком, но алкоголь искажал его черты и зажигал в глазах животный блеск. Наконец, кто-то увел его, чтобы не компрометировать перед гостями.

...В саду было сооружено большое застолье: десятки блюд на столе, стопки тарелок к услугам гостей. Чуть дальше, на большом мангале, жарились на вертелах два барашка, от которых тянуло та-

ким аппетитным дымком, что сводило скулы. Слуга окроплял мясо острым соусом. Капли жира падали на шипевшие угли. Празднично настроенные гости шумно беседовали, громко смеялись и чокались по всякому поводу. Они покинули свои кресла, стулья, чтобы перейти в тень деревьев, так как солнце припекало довольно чувствительно. Яблони и фиговые деревья занимали значительную часть сада. У ограды были разбиты грядки, на которых росли помидоры, горошек, клубника, и в большом количестве – ароматические травы...

– Тигран, мой сын!

Отец Тиграна, Бедрос, высокий, дородный, энергичный, положил руку на плечо подошедшего сына, в другой он держал бокал с вином. Черные, хорошо ухоженные усы двигались, когда он говорил.

– Приехал наш парижанин?

Тигран почтительно склонил голову. Рядом с отцом он казался хрупким и изящным.

– Да, отец, наш французский оптовик прибыл вчера вечером на пароходе и поселился в гостинице. Ему понравился Константинополь.

– Что ж, превосходно, завтра займемся им. Не забывай, что это один из лучших наших клиентов. Он всегда был точным и обязательным.

– Мы тоже, – парировал Тигран.

Взгляд Бедроса был чуточку удивленным.

– Мы – это естественно. Я вижу, что ты хорошо справился. Теперь можешь повеселиться. Иди же, поцелуй Агавни.

Невеста скромно сидела на краешке кресла рядом с матерью Тиграна. Она была в простом голубом платье и держала в руках цветы. Увидев Тиграна, она вскочила и в порыве чувств прижалась к его груди.

Тигран смущенно улыбнулся:

– Вот ты и замужем...

Глаза Агавни наполнились слезами. Она прошептала:

– Никогда не думала, что мне придется жить где-то...

– Перестань, не говори глупости, – вмешалась мать Тиграна. – Твой дом рядом, будешь часто приходить к нам.

– Каждый день! – вскрикнула Агавни и бросилась в объятия хозяйки.

Тигран отправился искать своего брата Азада. Поднялся на второй этаж и постучал к нему в дверь.

– Войдите!

Зашторив окна, Азад сидел за своим столом и что-то писал. Приятная свежесть царила в комнате. Тигран прошел половину просторного кабинета, улыбаясь, сказал:

– Я вижу, ты работаешь.

Азад не отвечал. Едва заметная тень нетерпения отразилась в его взгляде. Он продолжал сжимать в пальцах ручку.

– Сегодня семейный праздник, – продолжал Тигран беспечным тоном, чтобы разрядить обстановку. – Надо бы повеселиться, а не сидеть взаперти.

Пальцы Азада еще сильнее сжали ручку. Брат мешал, но он старался не показывать этого. Он принудил себя улыбнуться, но губы едва образовали щель на его костистом лице. Двадцатилетний, но загадочный и молчаливый, он слыл в семье интеллектуалом. Вот уже полгода Азад работал в армянской еженедельной газете, редактировал поэзию,

знался с писателями. Он мало ел, ложился поздно, часами мерил комнату шагами, о чем-то размышляя. Видно было, что внутренний огонь жжет его душу. Тигран восхищался братом и глубоко любил, ибо знал его слабости, свойственные поэтам, оторванным от прозы жизни.

– Ты свободен вечером? – спросил Тигран с таинственным видом.

– Я еще не знаю.

– Постарайся освободиться. Мы приглашены к мадам Кариопулос на день рождения, она устраивает небольшой праздник...

Лицо Азада оставалось бесстрастным. Он слышал об этой гречанке – богатой, снобствующей вдове тридцати лет, носившей экстравагантные наряды. Брат, по-видимому, спал с ней. Он не корил его за это, уважая свободу других.

Тигран подбросил для пущей важности:

– Она читала твои стихи, восхищена тобой и хотела бы познакомиться.

На губах Азада появилась слабая улыбка.

– Она читает по-армянски?

– Прекрасным образом...

Азад поднял голову. Хороший признак.

– Где она выучила язык?

– Здесь. Ты знаешь, она бывает только в армянских и греческих домах. У нее прекрасная библиотека.

Удивленный Азад отложил ручку. Тигран осмелел:

– У нее сегодня будут близкие друзья и несколько человек приглашенных, совсем немного... Красивые девушки...

Но Азада интересовало другое:

– Она знает наших поэтов, писателей?

– Ну, разумеется! Я тебе говорю, Азад, это интеллектуалка! Мы пойдем часам к восьми и пробудем недолго...

– Ты мне потом расскажешь.

Тигран, слегка разочарованный, потянулся:

– Ну что ж, ладно... – и перешел к другой стратегии. – Я хотел привести тебя туда, чтобы ты мог обменяться мыслями... Может быть, ты найдешь источник вдохновения. Никогда не знаешь...

Азад обмакнул перо:

– Источник моего вдохновения находится совсем в другом месте. Я тебя благодарю.

На этот раз Тигран не стал настаивать. Тем хуже для него!.. Ему преподносят на блюдечке самых лучших красавиц греческой колонии. Любой из его друзей подпрыгнул бы до потолка. Пусть теперь сидит один в своем кабинете...

II

К себе в газету Азад ходил короткой дорогой, которая вела через кладбище Галата. Голова гудела от поэтических видений, удачных рифм и сатирических тем. Каждое стихотворение, написанное для «Арарата», облегчало душу, давало передышку на несколько дней, после которых его вновь охватывали беспокойство и тоска, настойчиво заставлявшие взяться за перо. Армяне особенно любили стихи, и Азад старался в своем творчестве быть доступным, ясно выражал свои мысли, избегал лирических туманностей. Его целью было прокладывать дорогу к сердцу читателя через его разум.

Азад пришел к трехэтажному зданию. Внизу располагались

редакция его газеты и типография. На втором проживал еврей-маклер, третий этаж был занят под бюро турецким адвокатом, который вел мелкие дела: кражи, аферы и т.п.

Азад вошел в коридор, который начинался кофейней, занимавшей три смежные комнаты. В крайней, самой маленькой, пахнувшей керосином и кофе, готовил питье Ахмед, который и обслуживал жильцов в любое время, подавая кофе со стаканами воды. Веселый и проворный, он сновал по этажам босиком. Азад толкнул дверь и вдохнул привычный запах бумаги и типографской краски. Он прошел в типографию. Трое наборщиков, стоя за своими пюпитрами, отбирали пинцетами буквы и укладывали их в клавиатуру. Печатная машина была древней, тираж еженедельника составлял всего десять тысяч экземпляров и едва окупал расходы. Кроме издателя, который регулярно давал передовые статьи, остальные авторы были вольны в выборе тем. Печатались хроника, фельетоны, статьи об искусстве, стихи. Газета была сугубо литературной. Безобидные стихи, с которых начинал Азад, за три месяца сделались острыми, с перцем. Его поощряли на этом пути, были рады сотрудничеству...

– Здравствуйте, господин Азад, что вы нам принесли на эту неделю? – спросил старший наборщик Арам.

Разговаривая, он продолжал набор, держа окурочек в уголке рта. Его пальцы порхали над кассами. Он знал расположение каждой буквы и выхватывал их с невероятной легкостью, никогда не ошибаясь. Для ускорения он выучил наизусть небольшие куски текста рукописи, лежавшей от него слева. Кусочки свинца армянского алфавита проворно укладывались в клавиру. Когда газета была набрана, металл распускали, и рабочий возвращал в кассы все буквы – работа, требующая терпения и выдержки.

– Оставьте для меня полстраницы, – отвечал Азад. – На этот раз мое стихотворение будет особенно длинным. – И добавил без перехода:

– Редактор пришел?

– У него двоюродный брат, но вы можете войти.

Азад, помедлив немного, постучал в дверь и, услышав «да», вошел.

...Редактор Потукян был близорук и различал посетителя после того, как тот приближался. При виде Азада, лицо его озарила добрая улыбка. Он любил этого молодого человека и восхищался им. На письменном столе грудилась бумага: вырезки из газеты, оттиски.

Одно из окон выходило на улицу, слышались монотонный голос продавца фруктов и надоедливый лай собаки. На стене, в центре, висел большой портрет поэта Раффи и поодаль – карикатура полемиста Христофора Микаеляна.

Потукян разжег свою трубку и откинулся в кресле. Очки портили его лицо. Когда он их снимал, к удивлению, обнаруживались красивые, с хитринкой глаза. Трубка часто гасла, и тогда он коротко посащывал мундштук. Представляя своего кузена, он показал на молодого человека, тихого на вид, одетого как крестьянин:

– Агоп, приехал из Сиваса... Это большое армянское село, расположенное в семистах километрах от Константинополя.

Азад сел на стул и приготовился слушать. Агоп нахмурил лоб и начал свой невеселый рассказ:

– Везде у нас, в общем, одно и то же, но на этот раз положение серьезное, – сделав паузу, он продолжал: – Прискакали несколько десятков курдов, начали грабить... овцы, лошади... Спокойно погрузили на верблюдов зерно... Ранили нескольких крестьян, которые оказали сопротивление, и... изнасиловали двух девушек и трех женщин...

По-прежнему донимал лай собаки. Звонил колокольчиком стекольщик, давая о себе знать. Задребезжало окно от промчавшегося галопом экипажа. Агоп вытащил из кармана табак, завернутый в шелковистую кожу, оторвал бумажку и принялся скручивать толстую сигарету.

– Одна из девушек – моя двоюродная сестра Карин...

Он сказал это едва слышно. Азад вскипел:

– А турецкие власти? Где были полицейские?

– Недалеко. Но они не вмешиваются. Похоже, что они не будут больше мешать курдам.

– Какое лицемерие! Значит, эти бандиты спокойно удалились, как будто ничего не случилось...

– Они не торопились... Вооруженные, что вы хотите?! В то время как армянам, вы знаете, запрещено иметь оружие...

Потукян дал ему огня. Агоп прикурил, руки у него, как заметил Азад, дрожали.

– Если я правильно понял, – сказал Азад взволнованно, – эти бандиты не будут наказаны, и ничто не помешает им повторить набег!

– Ничто.

В комнате воцарилось тяжелое молчание. Слышалось жужжание мухи, бившейся о стекло.

– Это не первый раз они нарушают шестнадцатую статью Сан-Стефанского договора... – наконец процедил сквозь зубы Азад.

Потукян иронично скривил краешек рта, и послышался легкий свист из его потухшей трубки.

– Но, наконец, надо же что-то делать! – вскипел Азад. – И немедленно! Армяне платят непомерные деньги туркам! Если добавятся курды, наш народ не вытянет! И эти насилия!..

Глаза его горели, можно было подумать, что насилию подверглась его собственная сестра. Лицо его сделалось бледным, словно от потери крови. Он выхватил из кармана листки и разорвал их в клочья. Объяснил прерывистым голосом:

– Написал стишок на пустышную тему – о грязи на улицах Константинополя, о бродячих собаках... сущий пустяк. Я напишу об этом страшном событии, я хочу утопить в грязи этих курдов... Надо настроить армян против этих дикарей!

– Нельзя им это простить! Ни под каким предлогом! – Азад продолжал свою мысль: – Если мы покоримся, они завтра снова придут. Это так просто – наскокивать с оружием, угрожать, отбирать наше добро... и остальное... Нет, нет! Надо всколыхнуть общественное мнение. Потребовать от турецких властей, чтобы виновные были найдены и сурово наказаны.

Он вскочил, с шумом опрокинув стул.

– Представьте на минутку, что армяне насилуют турчанок!

В дверь постучали, и вошел Ахмед с тремя чашками кофе и тремя стаканами воды на подносе. Наполнив чашки из кофейника, который держал в другой руке, он быстро удалился.

– Когда вы собираетесь вернуться в Сивас? – спросил Азад.

– Через неделю. Я приехал только затем, чтобы сообщить вам эту весть. Не так-то легко пробираться из одной провинции в другую. Меня раз десять арестовывали, чтобы проверить документы.

Азад подошел к привставшему навстречу ему Агопу и твердо сказал, пожав ему руку.

– Передайте своим, что в Константинополе найдутся люди, способные изменить ситуацию...

III

...Отелло задержался немного на тексте, который держал в левой руке, он поднял голову, чтобы подать реплику, но заколебался. Его партнерша Гаянэ не отводила пылкого взгляда. Он продолжал размышлять:

– Ты еще не знаешь новости, которую я собираюсь сообщить, так что не смотри на меня с таким интересом, побереги этот взгляд, сейчас он тебе пригодится...

Они репетировали четвертую сцену первого акта мольеровского «Скупого», переведенного на армянский язык. Гарпагон готовился к выдаче дочери Элизы за старого Ансельма.

– Ситуация отвратительная, – сказал Отелло Гаянэ. – Но Мольер оттеняет характер Гарпагона комическими штрихами... легкий реверанс, повторение фраз, произносимых дочерью... Итак... Взгляни на меня свободно, раскованно для начала... В конце моей тирады: «Я отдам тебя за сеньора Ансельма», – у тебя отвисает челюсть от удивления, ты не в состоянии сдвинуться с места, и ты говоришь мне: «За сеньора Ансельма?». После моей второй реплики ты делаешь реверанс, но показываешь твердость...

Репетиция проходила в школьном зале, на маленькой сцене с пыльным полом, без декорации. Луч солнца, проникавший сквозь разбитый витраж в окне, освещал ряд стульев. Из соседнего класса доносились голоса учеников, повторяющих целые фразы, и время от времени – монотонная речь учительницы.

Отелло перевел пьесу стихами. Он читал где-то, что сам Мольер прибег к прозе из-за недостатка времени. На армянском каждая рифма звучала удивительно мощно в устах актера.

– Дорогая моя Гаянэ, повтори свою реплику так, как ты сама чувствуешь... по жизни... не играй. Перевари ее, прежде чем произнести, я тебя поправлю...

Девушка на минутку закрыла глаза, потом открыла и отчетливо произнесла:

– Я покорная слуга сеньора Ансельма, но, с вашего разрешения, я не выйду за него.

Она умолкла, ожидая приговора.

– Очень хорошо, моя сладкая... Но в первой половине твоей фразы я хотел бы услышать насмешку, а во второй – твердую решимость,

вызов отцу.

– Чтобы я – за этого старика?.. Вы шутите! Нет, тысячу раз нет! Я не выйду за него! Никогда!

От этой бурной реплики Отелло вытаращил глаза. Возмущение было уместным, она объявляла войну... Отелло кашлянул:

– Так, так, хорошо... но не забывай, что ты обращаешься к отцу.

– Ему бы только выдать ее!

Вот уже три дня Азад присутствовал на репетициях. Сидя в зале, он внимательно слушал указания Отелло. Театр сделался его страстью. В голове теснились сюжеты, слышались диалоги. Он чувствовал, что способен написать пьесу, но останавливало незнание законов сцены. Он приходил к Отелло за разъяснениями и советом. Написав драматическую сцену на четыре роли, он убедился тут же, что все его герои говорят на одном языке – на языке автора, что нет языковой характеристики персонажей. Ему хорошо был знаком этот убогий зал с голыми стенами, жесткие ивовые стулья, тяжелый запах школьных перемен, который освежался, благодаря выбитому стеклу в форточке. Но как только оживала сцена, казалось, он переносился в другой мир. Странное чувство охватывало все его существо от того, что три человека обменивались репликами на фоне занавеса, воспринимавшегося как подобие некой границы.

– На сегодня все. Продолжим завтра утром в это же время.

Отелло обратился к Азаду:

– Ну как? Извлек что-нибудь интересное?

Азад довольствовался улыбкой. Гаянэ поправила волосы и, спрятав текст роли под мышкой, спустилась по ступенькам со сцены. Проходя мимо Азада, улыбнулась чуть заметно и направилась к выходу. Голос Отелло остановил ее:

– Гаянэ, куда ты бежишь? Я еще не закончил с тобой. Посиди с моим другом Азадом, я сейчас вернусь.

Он прошел за кулисы.

Азад повернул голову в сторону Гаянэ, которая застыла на месте, и улыбнулся:

– Вы читали другие пьесы Мольера?

Она сделала шаг и села на расстоянии десяти рядов от него. Азад вынужден был встать. Закинув руки назад, оперся на спинку стула. Он как бы открывал для себя девушку, очень робкую вне сцены.

– Я читала пьесы, переведенные на армянский. Вот и все.

Азад покраснел самым дурацким образом. Посмотрел на нее внимательно. Она оказалась очень молоденькой – лет восемнадцати-двадцати, почти его возраст. Азад никогда не интересовался женщинами. Время, оставшееся после работы над стихами, он посвящал чтению, он знал, как много ему надлежит учиться.

В обществе этой девушки Азад чувствовал какую-то слабость, горячий вихрь в груди затруднял дыхание. Какое странное состояние! Целых три дня он видел Гаянэ на сцене в разгар репетиции, и теперь, словно впервые она предстала перед ним – тихая, руки скрещены на коленях. Обычно в общении он не чувствовал стеснения, был легок и ироничен. Теперь же не знал, как себя вести с этой незнакомкой, молчал, не находя нужных слов, и желал только одного – скорейшего возвращения Отелло. Они молча переглянулись. Испытывала ли она те же чувства, что и он? Но на устах ее печать...

Со звонком на перемену детвора бросилась во двор. Кто-то прилип носом к дверному стеклу, другой сначала постучал, потом показал язык. Азад и Гаянэ, избегая взаимных взглядов, изображали двух сфинксов. Она уставилась в потолок, закатив глаза до белков. Азад прогуливался пустым взглядом по голым стенам.

Наконец раздался голос Отелло:

– Если наш спектакль будет иметь успех у армянской публики, мы перенесем его в Пера, в зеленый театр, и вытесним оттуда европейцев и турок.

К Азаду вернулось потерянное самообладание, он с поклоном оставил свое место.

– Вы будете играть на армянском?

– Разумеется! – прогрохотал Отелло. – Мольер универсален, все знают пьесу. Для тех, кто не знаком, напечатает краткое содержание. Но я хочу тронуть элиту. Все остальные пусть довольствуются кафе-концертами... Ну, моя прекрасная Гаянэ, ты познакомилась с нашим поэтом?

Она стояла с застывшим лицом и, наконец, улыбнулась. Отелло достал из кармана флакон одеколona и, пофыркивая радостно, освежил лицо, потом обнял за шею Азада.

– Хороша наша крошка, а? Посмотри, она похожа на «Девственницу» Вольтера. Он увлек их обоих во двор, где шла обычная кутерьма перемены. Сбежались его ученики, он счастливо улыбался.

– Ну, все... Оставьте нас... Могу порадовать: сегодня никого не

буду спрашивать, и так верю, что все выучили урок...

Он пояснил Гаянэ:

– В школе я очень страдал от зубрежки, знания приходилось брать только головой. Теперь я хочу, чтобы у моих учеников оставалась работа и для сердца.

Он далеко отбросил попавший в ноги мяч, дети с криком бросились за ним. Азад и Гаянэ не разговаривали больше, каждый спрятался в свою раковину.

– У тебя есть какие-нибудь новости от брата?

Вот уже месяц Тигран был в отъезде. Он срочно отправился в Трапезунд, чтобы принять партию товара и переправить в Константинополь. Обычно этим занимался экспедитор.

– Новостей никаких, – нехотя отвечал Азад. – Скоро должен вернуться.

Прозвенел звонок, сломав ритм перемены. Двор, освободившись от детворы, казалось, стал больше.

– Я вас покидаю, – сказал Отелло. – Тебя, малышка, прошу прийти пораньше завтра. С тобой, Азад, не прощаюсь, зайду в редакцию после обеда.

На улице Азад и Гаянэ остались одни.

– Вам в эту сторону? – спросил Азад и показал на угол противоположной улицы.

– Я живу совсем недалеко.

– До свидания.

Азад хотел проводить ее, но повернул в противоположную сторону. Пока шел по улице, его не покидало странное ощущение, будто Гаянэ находилась рядом. Ему даже казалось, что он слышал легкий аромат фиалок – запах Гаянэ...

IV

Тигран открыл глаза. Он нащупал коробку спичек и зажег свечу. Комната наполнилась тенями, вперед выступил край ночного столика. Когда пламя остановилось, изменилась рельефность предметов, спальня показалась шире. Тигран отбросил одеяло и встал. Подошел к окну, отодвинул край гардины. На бледном небе редкие тучи проплывали мимо тусклой луны. На пустынной улице спали две тощие собаки. Их можно было принять за два мешка костей. Перед домом,

сложенным из камня, текла к морю речушка, служившая для слива нечистот.

Уже неделю Тигран жил в Трапезунде у своего дяди по матери. Он мог избежать этого долгого путешествия, но пересилило желание двигаться; мускулы атрофировались в Константинополе, где большую часть дня он проводил в конторе, отдавая приказания, принимая покупателей, занимаясь делами, связанными с таможенной, жонглируя бесконечными цифрами. Поездка соединяла приятное с полезным. Тысячекилометровая дорога по берегу Черного моря и – пересылка партии драгоценных ковров в столицу.

В Трапезунде дядя имел небольшое предприятие по продаже картин, честно зарабатывал на жизнь, но не более. Кузины, все трое, учились в армянской школе. Всю неделю его лелеяли, как принца, набивали всевозможными сладостями, перекармливали его любимыми блюдами. В доме были известны его вкусы, поэтому все желания предупреждались, как в сказке. Порядком надоели бесконечные расспросы о родителях и требование заверения, что он посодействует приезду сюда Ануш на летние каникулы. Он показывал им фотографии. Они с любопытством тянули каждый себе, – снимки видели впервые, Дуряны только начали импортировать фотоаппараты. Рассказывал также о Пьере Бонтане и о том, что тот признал Константинополь самым красивым городом в мире. Кузины добивались, не собирается ли он в Париж. Глаза их блестели при этом, а у дяди хмурились брови, он считал, что Тигран слишком молод для столь длинного путешествия в страну, известную свободными нравами. Кузины пожимали плечами и поощряли на подвиг, чтобы он мог потом порассказать им о своих впечатлениях.

Тигран покинул окно и бесшумно оделся. Накануне он сказал, что уедет рано, все нежно распрощались, и дядя дал ему письмо для отца. Обуваясь, он почувствовал силу в ногах и крепость во всем теле – готовность проделать немалый путь в Ангору. Оттуда он должен был погрузиться с товаром на поезд, который доставит в Скутари, в порты Константинополя. Надо было рассчитывать недели на две.

Он задул свечу, открыл дверь и тихо, чуть дыша, спустился на первый этаж. Пощипывало на сердце. За эту неделю он свыкся с болтовней сестриц, с их неожиданными и наивными вопросами, с неизменной нежностью дяди и тети. Он поклялся себе, что будет чаще наезжать в Трапезунд. И почему бы не привезти сестру на Черное

море? Трапезунд был армянским городом, и Ануш не чувствовала бы себя потерянной в массе, как в мусульманском Константинополе. В этом пленительном порту эхо турецкого говора едва слышалось, не мешая армянской речи. Здесь чувствуешь себя патриотом без усилия, но долго ли будет так продолжаться? Турки, заселившие Армению, прибывали каждый день...

Тигран толкнул дверь столовой и остановился в замешательстве. Вся семья ожидала его за сервированным столом. Девочки в халатах, родители – празднично одетые. В воздухе аппетитно пахло кофе с молоком. Свечи уже спорили с утренним светом, проникавшим сквозь раздвинутые гардины. Вся семья смотрела на него любящими и грустным взглядом. Тигран был тронут таким вниманием.

– Зачем вы встали так рано?

– Иди сядь, мой мальчик, – сказал дядя. – Что ты будешь пить? Чай? Кофе с молоком?.. Впереди длинная дорога, надо тебе набраться сил.

Не успел он сесть, как поплыли к нему разные сыры, варенье, хлеб, яйца, домашняя колбаса. Большая чашка кофе с молоком дымилась перед ним. Самая младшая из кузин, десятилетняя Мелинэ, протянула руку: на ладошке лежали кусочки сахара.

Он погладил ее по голове.

– А что, если я увезу тебя с собой в Константинополь?

– Мелинэ, оставь брата в покое... – напустил строгости дядя. – Послушай, мальчик мой, я думал ночью и решил проводить тебя. Теперь дороги небезопасные.

Тигран энергично запротестовал:

– Об этом не может быть и речи. Я не один. Завен и Берж охраняют меня, не считая двух турецких жандармов. К тому же все мы вооружены.

– Еще чего! С каких пор стали вооружать армян?

– Отец достал разрешение. У него много знакомств в Константинополе. Я думаю, что мы доберемся до Ангоры в целостности и невредимости.

– Да услышит тебя Бог! – вздохнула тетя.

Тигран обмакнул свой бутерброд в чашку. Ему не терпелось поскорее оседлать коня и вздохнуть полной грудью среди долин и гор. Он обратился к дяде:

– Я хотел бы, чтобы ты проводил меня до выезда из города.

Дальше – другой мир. Тебе пришлось бы ехать со мной до самого Константинополя.

– Как жаль, что мы живем так далеко! Я еще не ездил в поезде. Но похоже, что железные дороги распространятся по всей стране.

– Я не думаю, – ответил Тигран. – Англичане потеряли концессию. Теперь этим занимаются немцы, а они не думают спешить.

– Почему?

– Железная дорога – это цивилизация... У кайзера должны быть задние мысли на сей счет...

– Германия никогда не пойдет войной на Турцию. Вспомни визит кайзера в Константинополь в 1889-м... Всего несколько лет... Султан весь город перестроил, чтобы принять достойно немца. Я преувеличиваю немного, но сумма была огромная. Он рассчитывает на кайзера в случае нового конфликта с Россией. У Высокой Порты в задних мыслях недостатка нет, можно нагрузить целые караваны.

Маленькая Мелинэ, внимательно следившая за разговором, спросила:

– Караваны чего?

Отец пожал плечами.

– Караваны алчных законов! Вагоны принуждений армян... Если бы я рассказал о притеснениях армян, которым мы подвергаемся в Трапезунде...

– Оставь, Вардгес, – вмешалась жена. – Пусть у мальчика останутся только хорошие воспоминания...

– Какие притеснения? – спросил Тигран.

Дядя налил себе кофе и принялся отпивать мелкими глотками. Жена права. Он смягчил тон:

– У нас, как и везде, на христиан плохо смотрят. Существуют два веса, две меры. Армянин, укравший яблоко, преступник. Турок, укравший яблоко, ветреник... Будем надеяться, что с новым мэром дела пойдут к лучшему.

– Почему ты уезжаешь сегодня? – спросила вдруг кузина, которая за весь завтрак не проронила ни слова. – Останься с нами еще на неделю.

Глаза ее светились грустью и надеждой. Вся семья приняла ее слова близко к сердцу.

– Неделя пролетела незаметно...

– Мы познакомим тебя с семьей Овиян. У них красавица на

выданье...

Тронутый такой заботой, Тигран поднял руки:

– Надо ехать. Но я вам обещаю, что приеду на будущий год со всей семьей.

Послышалось ржание лошади. Тигран вздохнул:

– Караван готов в дорогу.

Все притихли на минутку, затем дядя обратился к своей семье:

– Он вернется. Не так ли, мой мальчик?

Тигран улыбнулся.

– Я обещал.

Он встал из-за стола. Тетушка вручила приготовленную корзину с провизией на дорогу. Дядя отодвинул засов на двери. В помещение пахло дыханием каравана, состоявшего из десятка верблюдов. Послышался стук копыт о твердую землю.

Тигран расцеловался со всеми. Они вышли на улицу. Турецкие жандармы держались в конце каравана. Два здоровяка – Берж и Завен – с ружьями за спиной выглядели внушительно. Берж держал за повод коня Тиграна.

Караванный путь пролегал через холмы, покрытые чахлым можжевельником. Голубая линия горизонта терялась в глубине неба. Дорога казалась лентой, втопанной в каменистую землю размеренными верблюжьими шагами.

Тигран укрощал своего коня слишком пылко и, почувствовав, что утомил его, замедлил шаг. Лишь временами он пускал темно-рыжего жеребца в галоп, и обогнав караван, снова возвращался в строй. Ветер обдувал лицо, и он с наслаждением полной грудью вдыхал терпкий воздух раннего утра. Верблюды, тяжело груженные коврами, мерно двигались, покачиваясь как на волнах. У турецких жандармов, нанятых охранять караван, грудь была перекрещена патронташами.

– В полдень сделаем небольшой привал, – сказал им Тигран.

Он догнал Бержа и Завена, которых знал давно. Они работали у отца на складе, на сортировке товара. Загорелые, с обветренными лицами, они скакали в охотку, распевали песни, всюю тратя энергию, которая буквально распирала их. Ружья у них были лучше, чем у жандармов, патронташи полны патронов. Далеко опережал их крепкий запах лука и чеснока, которые они уминали с маслинами и плоской

армянской колбасой.

– Ну как? – спросил их Тигран.

Завен поднял над головой кулак.

– В полной форме!

Этот день был похож на прогулку. Они прибыли в деревню, нашли небольшую гостиницу с конюшней для верблюдов и лошадей. Хозяин был вылитый разбойник. В широченных штанах, на красном шерстяном поясе висела кожаная сумка, из которой торчали пистолеты и ножи – целый арсенал. Под яркой короткой курткой – серая рубашка из грубой ткани, на голове – высокий черный тюрбан.

– Вам повезло, – сказал он властным голосом. – Я приготовил рагу из баранины и риса, попируете...

Они устроились за столом, который был указан хозяином. Жандармы поставили свои ружья в углу, Завен и Берж последовали их примеру, но последний оставил при себе пистолет. Три или четыре человека тихо обедали в другом углу

...Днем деревня казалась покинутой. Мужчины были в поле. Плуги, запряженные быками, вспахивали плодородную землю, опоясывающую деревню. Доносился монотонный шум водяной мельницы. Несколько женщин с детьми совершали свои обычные покупки в лавках, где можно было приобрести ткань, свечи, рис, табак, сушеные фрукты. Старики, армяне и турки, в тени огромной шелковицы играли в нарды. Мясник разделывал тушу барана, подвешенную к ветке дерева. Внутренности животного лежали на траве, крупные мухи кружились над лужей крови, от бараньей шкуры тянуло сладковатым запахом.

В полдень тени стали длиннее. Один из жандармов подошел к Тиграну.

– Мы знаем эту дорогу наизусть, попробуем сократить путь.

– Каким образом?

Жандарм показал направление.

– Мы выиграем не меньше двух часов.

Тигран задумался.

– Дорога не опасная?

– Абсолютно. Если даже нам встретятся курды, они никогда не посмеют напасть на нас. Мы – турецкие жандармы!

В горящих глазах и в тоне голоса было столько уверенности! Тигран посоветовался со своими, те согласились, и караван двинулся

новой дорогой, между двумя холмами. Этот короткий путь, должно быть, хорошо известен – им встретились караваны в сторону Трапезунда, которые возвещали о себе звоном колокольчиков на шеях верблюдов.

Жара сделалась нестерпимой. Они остановились у придорожного колодца. Берж окунул голову в ведро, потом принялся обливать Завена, они возились как мальчишки. Жандармы благодушно покуривали.

К вечеру Тигран, не видя признаков близкой деревни, забеспокоился.

– А почему бы нам не устроиться на воздухе? – предложил один из жандармов. – Одежда у нас есть, еда есть, и подходящая долина неподалеку.

И точно, они вышли на зеленую лужайку – восхитительный уголок!

Расседлав животных и освободив их от груза, они принялись за устройство ночлега, подвесили на ветвях фонари. Берж ликовал:

– Хоть клопы не будут жрать! Прошлую ночь глаз не сомкнул.

– Сдается мне, что ты похрапывал.

– Между двумя укусами.

Невдалеке пел водопад, каждый выступ, каждый камень которого звучал по-особенному. Свет ламп побледнел, когда взошли звезды. Ночь была жаркой, но около воды этого не чувствовалось.

Тигран задумался о доме, с нежностью подумал о сестре. Засыпая, прислушался к песне одного из солдат. Мелодия была на редкость тоскливая.

* * *

– Господин Тигран ...

Тигран открыл глаза наполовину, словно не желая прерывать нить своего сна. Он разглядел черты лица, нависшего над ним. Наконец узнал одного из жандармов.

– Господин Тигран, надо покинуть эти места, и как можно скорее. Я слышал лай собачьей своры, значит, неподалеку курды...

Тигран приподнялся, протер глаза. Пейзаж вокруг принял твердые очертания. Он увидел своих спутников, спавших напротив, но не слышал храпа, водопад перекрывал все шумы.

– Какие собаки?

– Может быть, я ошибаюсь, господин Тигран, но, по-моему, курды недалеко. Они всегда кочуют со своими собаками. Я разбуджу остальных...

На этот раз Тигран вскочил на ноги, проснувшись окончательно. Он видел, как охранник принялся будить Завена и Бержа. Их реакция была внезапной. Они оба схватились за оружие и приготовились к стрельбе. Удивленный турок отступил на шаг. Тигран подал голос:

– Спокойно. Никакой опасности. Мы продолжаем путь.

Оба опустили ружья.

– Что происходит?

– Пока ничего. Послышался лай собак, вот и все. Я разбудил вас, чтобы предупредить.

Берж отложил ружье на скалу, затащил кушак. Как и все остальные, он спал в одежде. Завен пошел к воде освежить лицо. Небо совсем побледнело, когда они пустились в путь. Из осторожности направились в сторону деревни. Просторная долина открылась перед ними. Верблюды двигались своим размеренным шагом, задавая ритм всадникам. Тигран гарцевал впереди. Лошадь вела себя спокойно. Он гладил ее, приговаривая ласковые слова.

К полудню они увидели село, десятка два домов, стоящих вдоль тихой речки. Солдат спросил крестьянина-турка, плевавшего на руки перед тем, как взяться за мотыгу.

– Сколько вас в селе?

Крестьянин отер грубым лоскутом пот со лба.

– Около сотни. Но мы ждем людей, семьи из Сирии. Они поселятся в этих местах.

– Армяне тут есть? – спросил Берж.

– Еще бы! Мы живем в Армении...

Берж подумал, не армянин ли перед ним. Но нет, трудно было ошибиться в турецком выговоре.

– Вы не встречали на днях курдов?

Он покачал головой.

– Мы слишком бедны, чтобы привлечь их. Похоже, грабят соседние деревни. Бандиты!

Он снова поплевал на руки и взялся за работу.

– Спасибо! – сказал жандарм и спросил: – Далеко до следующей деревни?

– Вечером будете там.

Караван вновь оказался в унылой каменистой местности. Удивительная страна! Только проходили по лесу, и вот уже подъем в гору, откуда спуск ведет вдоль каменистой ложбины к реке, а от нее – в цветущий сад...

Вдруг турок остановился, прислушиваясь. С самого утра он был чем-то озабочен. Вытянувшись в седле и оглядев горизонт, он остановился взглядом на вершине небольшой горы.

– Что-нибудь не так? – спросил Берж.

– Плохое предчувствие, не больше.

– У нас ружья, патроны. И деревня недалеко...

Жандарм не отвечал. Он поправил ремень, на котором висела через грудь винтовка.

Небо начало темнеть, менялся цвет камней, сужался, теряясь, горизонт.

– Я думаю, деревня недалеко, – сказал Берж, и нас ждет хороший постоянный двор.

– С хорошими курдами, – прибавил солдат.

Он показал рукой в сторону горизонта, где виднелась, если присмотреться, темная масса – всадники.

Тигран заметил сразу и определил: курды. Они стояли полукругом, не двигаясь. Караван должен был пройти совсем близко от них.

– Не будем менять дорогу, – сказал он. – Уже поздно. Будем идти тем же шагом. А главное – не показать, будто мы их боимся. Может, они не собираются нападать.

– Господин Тигран, я думаю, что моему товарищу надо бы поехать за помощью. – подал голос жандарм.

Тигран задумался. Берж и Завен готовили ружья к бою.

– Согласен. Но пока еще рано. Когда мы достаточно приблизимся, один из вас поедет в деревню. Надо, чтобы они определили, кто вы. Они опасаются турецких властей. Однако сохраним хладнокровие.

На душе стало тоскливо. По мере приближения, силуэты становились рельефнее. Было их человек двадцать, и все вооружены ружьями.

– Все. Вы можете отправляться...

Один из жандармов отделился от каравана и пустился галопом в сторону деревни. Курды не торопились с ответными действиями, это подействовало успокаивающе на Тиграна. Когда караван, поднявшись на возвышенность, поравнялся с курдами, один из всадников прибли-

зился к Тиграну:

– Добро пожаловать на нашу землю. Наш бек Джамал будет счастлив принять вас у себя на ночлег.

На нем была козья шкура, на голове тюрбан, на поясе – нож. Тигран поднял руку, приказывая своим остановиться.

– Скажите беку Джамалу, что мы очень торопимся и что ночь должны провести в деревне.

Курд покачал головой, изобразив на лице широкую улыбку:

– Вы его сильно обидите. Он вам оказывает гостеприимство, вы не можете отказаться.

Тигран переглянулся с турком, тот сделал знак согласия. Скрепя сердце, Тигран сказал:

– Хорошо, поехали...

Они держались метрах в ста – разбойничьи рожи, вооруженные до зубов. Бек Джамал встретил Тиграна горячо. Двухметрового роста, лицо хорошей гравировки, орлиный нос, огнеметные глаза, густая борода. Он один был одет в бурку, на поясе несколько ножей, за спиной – немецкая винтовка. Сапоги со шпорами были английского происхождения и говорили об удачном грабеже. Он, видимо, гордился ими.

– Вы, должно быть, устали, друзья мои. Надеюсь, вы не имели неприятных встреч на дороге... Здесь мы живем в мире, всем хватает места, земля просторная...

Взгляд его задержался на жандарме, но он не сказал ни слова, хотя вправе был спросить, по какой причине его товарищ отделился от каравана. Он был неглуп. Тигран подумал, что поступил верно, послав за возможной помощью. Турки не позволят сыграть с ними злую шутку.

– Мы идем из Трапезунда, – сказал Тигран, – и признаться, устали. Спасибо за гостеприимство. Спокойный ночной отдых восстановит наши силы.

Берж и Завен были начеку. Тигран чувствовал это. Турок тоже не спешил довериться гостеприимству, он хорошо знал хитрость этого племени. Тигран играл роль человека, уверенного в себе и в благожелательности хозяев. В конце концов, намерения Джамала ему неведомы. Почему бы им не быть мирными?

– Ну, и куда вы направляетесь с таким грузом, если не секрет?

– В Константинополь. Доставляем ковры во дворец, – ответил

Тигран и добавил: – Ковры ткались специально для султана.

Лицо Джамала вытянулось в почтительном восхищении:

– Мы все его верноподданные. Если у вас будет случай повидать его, передайте заверение в нашей верности.

– Мой отец знаком с ним лично, он сам должен передать эти ковры.

Какое удачное вдохновение! Он прикроется тенью великого султана.

– Давайте подкрепимся, – сказал Джамал.

На каменистой земле было разбито около двадцати палаток. Бродили полуголые дети, за ними присматривали женщины с открытыми лицами. Начинали раскладывать костры, керосиновая лампа висела только над одной палаткой, должно быть, Джамаловой. Какой-то здоровенный весельчак забавлялся собачьей потасовкой из-за костей, которые он им бросал. Два подростка, засучив рукава, боролись в кругу азартно подстрекавших их сверстников. Сидя у своей палатки, человек с длинными, грязными волосами играл на дудке, извлекая из нее пронзительные звуки...

Джамал спешил и отдал коня одному из своих людей. Тигран и его спутники тоже оставили седла. Верблюдов отвели за палатку. Тихая ночь опустилась над лагерем. Джамал позвал повара, который явился с длинным ножом в ножнах, и велел ему зарезать двух овец. Потом он повернулся к турецкому жандарму:

– У меня есть кое-что для вас.

Он пригласил Тиграна и остальных следовать за ним и привел к старой латаной палатке в самом конце лагеря. Он откинул полог. Сидевший в тени человек поднял голову. Трудно было различить черты его лица, на левой щеке был виден большой шрам. Джамал ткнул пальцем в его сторону:

– Завтра утром вы возьмете его с собой. Это грабитель и убийца, который был схвачен во время разбоя в армянской семье. Вы передадите его властям, и я надеюсь, что он будет повешен.

Удивленный жандарм возразил:

– Я думал, что вы сами свершите суд...

– В малых провинностях мы разбираемся сами, но тут случай особый.

Арестованный не выразил никаких чувств и повесил голову.

– В каких местах он совершил свое злодейство? – спросил

Тигран.

– В разных. Последний раз – около Трапезунда. Мы хотим избавиться от этой паршивой овцы. Не желаете допросить его?

Турок покачал головой:

– Правосудие займется им.

Он поднял глаза на Джамала. На его лице было написано презрение.

– Ну, теперь пойдем, поедим.

Они устроились на ковре, образуя круг. Женщины внесли большое блюдо с пловом, а когда подоспел зажаренный целиком барашек, повар с помощью мальчишки установил его посередине круга пирующих на серебряном подносе.

– Вы торгуете коврами? – неожиданно спросил Джамал.

Удивленный столь откровенным вопросом, Тигран ответил:

– Это – один из предметов торговли. Наше дело импорт-экспорт. Если будете в Константинополе, милости просим, счастливы будем вас принять.

Джамал поднял руку на уровень лица:

– Спасибо, спасибо...

Для пущей важности Тигран добавил:

– Мы часто выполняем заказы для дворца.

– Я признаю вещи, которые имеют долгую жизнь. Например, подносу, который вы видите, двести лет...

Тигран не рискнул спросить, каким путем достался этот поднос. Джамал угадал его мысль. Усмешка тронула усы.

– Всего лишь подарок. Как и ковер, на котором мы сидим. Он сильно износился, хочу заменить на днях... Скажите, вы случайно не сын почтенного богача Бедроса Дуряна?

– Да. Старший, – спокойно ответил Тигран.

– Вы удивлены? А если я вам скажу, что встречался с ним в прошлом году в Константинополе?

Тигран задумался. Возможно, почему бы нет? Только трудно было представить его разгуливающим по столице.

– Где вы его встречали?

– На таможене. Мы обменялись несколькими словами, и он мне показался любезным человеком.

– А как вы меня узнали?

– В наших горах мы знаем все! Мы встречаем множество караванов, у нас всюду друзья, и я надеюсь, вы тоже войдете в их число.

Тигран слушал, заинтригованный. С курдами не знаешь, по-каковски держать себя. Они могут быть одновременно жестокими и великодушными.

Неуловимый народ! Разбросанные в горах, они жили племенами и считались вне закона. Но с некоторых пор они сблизилась с султаном, вербовались в армию, образуя специальные батальоны. Султан Абдул Хамид ценил их смелость и придумал кличку, которая им льстила: хамидовцы.

– Удивительное совпадение, – сказал Тигран. – Обычно в Константинополе я занимаюсь оформлением бумаг в таможене, но в этот день, по-видимому, я был занят в другом месте.

– Не забудьте по возвращении передать ему привет.

Женщины внесли чай, он был терпкий и отдавал мятой.

– Очень хорош для живота, – заметил Джамал. – Через час забудете про обед и снова захотите кушать...

Он встал, все поднялись за ним. Их места заняли женщины,

чтобы прикончить остатки еды. Джамал привел Тиграна к довольно просторной палатке.

– Вы будете спать здесь, – сказал он и добавил, пристально глядя в глаза и улыбаясь, – так как ночи у нас холодные, я пришлю вам подкрепление...

Когда он удалился, Тигран оглядел жилье: тонкий матрас, покрытый козьей шкурой, кружка воды и несколько свечей. Какого подкрепления ему ждать? Повсюду гасили огонь. Он успел заметить своих спутников, входящих в соседнюю палатку. Только теперь почувствовал, как сильно устал. Лег, не раздеваясь, на матрас, закрыл глаза. Навалилась блаженная тяжесть. Уже засыпая, он почувствовал чье-то присутствие. Тигран открыл глаза и различил в темноте силуэт женщины, которая неслышно подошла и присела к его изголовью, приблизив молодое лицо. Он не шелохнулся. Все происходило словно во сне, в который Тигран уже почти погрузился: женщина сбросила с себя одежду и прильнула к нему своим горячим телом, источающим мускусный аромат...

* * *

Тигран проснулся оттого, что почувствовал спазм в горле. Он не мог нормально вздохнуть, рот был забит слюной, болезненной сухостью отдавала воспаленная гортань. Став на ноги, наклонился, выпустил тонкую вязкую нить слюны и почувствовал некоторое облегчение. Откуда это недомогание? Он не пил спиртного, спал в хорошо проветренной палатке. Тут он вспомнил девушку, которая скользнула к нему в постель, и чувственная дрожь прошла по всему телу, словно она все еще была в его объятиях, вспомнился запах мускуса, исходивший от эластичной кожи, легкие прикосновения и сочные губы. Он потянулся сладко и отбросил полог. Яркое солнце залило лагерь. Он увидел своих спутников возле оседланных коней. Похоже, они ожидали его. Разве уже так поздно? Его охватило странное предчувствие, словно что-то должно случиться.

Каменистая почва превратилась в цветущую лужайку на протяжении сотни метров, отделявших его от спутников: все сорок ковров были расстелены тесно друг к другу, словно ему предлагалось пройти по почетной дорожке. Что бы это могло значить? По какому праву распакованы тюки? Он искал глазами Джамала, но видел только несколько человек, хорошо вооруженных и с угрожающим видом

бродивших между палатками. Тигран приближался к своим, удерживая себя от спешки. Каждый шаг по драгоценным коврам отдавался болью в его сердце. Солнце било в глаза, и он поднял руку козырьком. И вот перед ним Завен:

– Что происходит?

Насмешливая улыбка исказила его открытое лицо:

– Происходит то, что наш вчерашний ужин обходится нам слишком дорого. Сорок ковров за двух баранов. Происходит еще то, что тот негодяй дал нам снотворного в своем чае, и мы ничего не слышали всю ночь.

Берж и жандарм, подавленные, стояли возле своих лошадей, с ружьями на шее.

– Но это подло! – вскрикнул Тигран. – Вы верите, что он забрал ковры?

– Вместе с верблюдами...

Негодование исказило черты лица Тиграна. Он задыхался. Он вертелся в поисках Джамала, но не видел никого, кроме все тех же вооруженных типов да женщин, которые занимались детьми. За расположением лагеря – пустыня. Ни души. Он обратился к жандарму:

– А как же посланец за помощью?

– Он, должно быть, дал себя схватить. Или заблудился.

– Я думал, что эти бандиты уважают власти.

– Мы им отомстим! – пригрозил турок.

Берж улыбнулся:

– Ищи ветра в горах! Смотрите, они уже сворачивают палатки. Затеряются так, что никакая армия их не найдет. В своих владениях они знают каждую скалу.

Тигран задумался. Какой он был наивный, поверив ложному гостеприимству курдов. Хорошо еще, что они живы, и им дают возможность ободранными идти своей дорогой.

– Вот он...

Джамал шел им навстречу в сопровождении человека, нагруженного тяжелыми корзинами. Он был в хорошем расположении духа, широко шагал, размахивая руками, в бурке внакидку, из-под которой виднелась волосатая грудь. На нем не было никакого оружия. Поравнявшись с Тиграном, он приветствовал его широким жестом.

– Дорогие мои гости, надеюсь, вы хорошо провели ночь. Я велел принести вам на дорогу провизии.

Никакой насмешки, в голосе – одна теплота. И только в глазах сверкала издевка. Человек, который принес корзины, вручил их солдату. Это был тот самый «грабитель» со шрамом на лице. Турок насмешливо спросил вполголоса:

– Пойдешь со мной? Я сдам тебя полиции.

«Грабитель» нагло оскаблился и покачал головой.

Тигран наблюдал за Джамалом. Никаких намеков насчет расстеленных на земле ковров. Да и к чему они? И так все было ясно по поведению курда.

– Вы находитесь на хорошей дороге к следующей деревне. Полдня хода. Я так предполагаю, что вы собираетесь в Скютари сесть на поезд. Так будет быстрее и безопаснее.

Тигран молчал, он искал его взгляд.

Тот оскалился, напыжившись.

– Не забудьте передать мой привет господину Дуряну. Красивые у него ковры...

Завен едва сдерживался, чтобы не всадить пулю в подлого оскорбителя. Тигран хорошо чувствовал опасность. Бесплезно затевать схватку. Овладев голосом, сказал:

– Мой отец имел бы честь предложить вам один ковер, но раз вам понравились все...

Джамал прервал его:

– Все! Я долго думал. Хотел оставить один, но они так отличаются один от другого и такие красивые, что я, скрепя сердце, решил оставить все.

Тигран продолжал в том же тоне:

– Это ваше право. Тем хуже для султана. Он подождет следующего каравана.

Этот легкий намек развеселил Джамала. Он одарил Тиграна дружелюбным взглядом. Как он его понимал!

– Наш любимый султан достаточно богат, чтобы обойтись без этого каравана. Я слышал, что эти ковры предназначались для некоторых посольств, ну а те отправили бы их в свои страны. Лучше пусть они останутся в Турции. – Он протянул руку в сторону горизонта. Так будет короче всего. Остерегайтесь опасных встреч. С некоторых пор слышно, что появились какие-то дикие орды, которые не удовлетворяются тем, что грабят...

– Особенно, когда они нападают на армян... – Завен сказал это

сухим и вызывающим тоном. – Что вы имеете против армян? Не забывайте, что вы находитесь на их земле. – Он приподнялся в седле и простер руку, обводя горы и долины. – Тут каждый камень армянский, каждая пылинка, которой вы дышите. Мы живем на этой земле тысячи лет! Вы не станете учить меня истории.

Джамал слушал, сдвинув брови. Подошли несколько вооруженных курдов. Человек со шрамом уставился в небо отсутствующим взглядом. Напряжение нарастало. Джамал почесывал бородку. После небольшой паузы сказал примирительно:

– Курды, армяне, турки... Одно солнце нам светит. Но, скажем так, сейчас армянское солнце начинает бледнеть. Не знаю, я не силен в политике... Одно верно: скоро оно станет ледяным. – Джамал отступил на шаг, измерив со стороны надменным взглядом группку. – Идите с миром. Не вздумайте возвращаться. Бесполезно, нас уже не будет здесь. Ищите в горах вместе с ветром...

Он повернулся спиной и, сопровождаемый человеком со шрамом, направился к своей палатке.

Завен едва сдерживал бешенство. Последний раз взглянул на сиротливо лежавшие на земле ковры и догнал своих попутчиков. Тигран испытывал горечь и отвращение. Ковры стоили дорого, но разве дело только в деньгах? Хитрец Джамал красиво обобрал их. Разве можно доверять курдам?! Говорили, что в некоторых районах армяне ладят с этими дикарями. Ложь и легенды! Армянский народ не имеет ничего общего с этими варварскими племенами.

Турецкий жандарм глубоко затянулся сигаретой, чтобы как-то унять раздражение. Берж и Завен ехали молча, погруженные в свои горькие думы. Путешествие, которое началось так хорошо, закончилось самым плачевным образом, правда, без боя и без капли крови.

В какой-то момент мысль о том, чтобы вернуться с подкреплением, захватила Тиграна, но когда они, наконец, прибыли в деревню, он понял, что все пропало. Полицейский пост состоял из пяти человек. Они выслушали с сочувствием и сказали, что помочь не смогут. Турок, посланный за помощью, тоже оказался здесь.

Тигран решил послать отцу телеграмму...

V

Азад вместе с сестрой Ануш сидел в первом ряду. Зал заполнялся. Места занимали нарядные ученики и их родители. Для них давалось первое представление «Скупого». В воздухе плавал легкий запах духов. Негромкие разговоры в партере, обрывки фраз и возгласы – все это терялось в общем шуме.

Азад устался в занавес; он был далек от гвалта, шуршания новых платьев, нестерпимой жары. Полуоткрытые окна пропускали малую дозу влажного воздуха. Какой-то мальчишка гонял во дворе мяч в одиночку, радуясь простору.

Что происходило за этим пыльным занавесом? Слышались приглушенные голоса, шум передвигаемой мебели, покашливание и проба голоса. Азад, присутствовавший почти на всех репетициях, волновался наравне с актерами. Нежный силуэт Гаянэ преследовал его уже несколько недель. Она была единственной дочерью в семье скромного достатка, отец служил клерком в «Банк Оттоман». Девушка проводила почти все дни дома, редко выходила, играла на пианино и ждала замужества. Застенчивый или скорее диковатый Азад перекинулся с ней несколькими словами, но видеться с родителями не решался. Он продолжал публиковать свои сатирические стихи, черпая в зарождавшейся любви новый источник пылкого вдохновения, не свойственного его натуре. Читатели представляли его совсем другим. Время от времени отец советовал ему умерить себя, но Азада горячило эхо, доносившееся из провинции: несправедливость, беззаконие заостряли его перо. Азада глубоко задело происшествие с братом, который вернулся неделю назад. Он не мог простить турецкому правительству волю, которую взяли курды, и то, что оно закрывало глаза на оскорбления и акты варварства по отношению к армянам. Более того: говорили, что оно науськивало курдов.

Ануш, чувствуя, как беспокоен брат, тронула его руку.

– Что с тобой? О чем ты думаешь?

Это прикосновение расслабило немного, он вытянул ноги, откинувшись на спинку стула, скрестил пальцы и сказал с улыбкой:

– Ничего. Я переживаю, вот и все.

– Почему? Ты же не на месте Отелло?

– Я за него переживаю.

– Не верю. Наверное, ты сейчас мысленно макаешь свое перо в

кровь...

Азад удивленно посмотрел на сестру, но промолчал.

Он стал думать о Гаянэ. Справится ли с эмоциями? Не запутается в тексте? К счастью, Отелло рядом, на сцене или за кулисами, всегда прикроет своей мощной тенью.

Три удара. Шум перешел в шепот, и когда занавес поднялся, с последним покашливанием установилась и тишина.

Гаянэ-Элиза и Валэр стояли в середине сцены. На ней было величественное и в то же время скромное белое платье. Волосы собраны в шиньон. Было заметно смятение девушки, и Азад, знавший ее первую реплику, разволновался не на шутку. Декорацию составляла старинная мебель, позаимствованная у антикара. Стены были украшены картинами, изображавшими английских скакунов. Когда Валэр закончил свое небольшое вступление, последовала пауза, показавшаяся Азаду бесконечной. Волнение не давало ей говорить. Наконец губы ее раскрылись, и полилась речь мягкая, без нажима на рифмы, очень эффектная. Женщина, сидевшая за спиной Азада, прошептала: «Какая она красивая!». У него забилось сердце, в эту минуту, на публике, она была по-особому обаятельна.

Наконец на сцену вступил Гарпагон, и публика зааплодировала. Великолепный Отелло состарил себя гримом. Одет он был в латаную куртку, а в пальцах вертел шапочку, напоминая всем обликом старого турецкого брюзгу. Несколько раз, к большой радости зрителей, он вставлял словечки из обихода турок, а также копировал султана как известного всем скрягу.

Спектакль то и дело прерывался смехом гостей. Даже Азад, знавший пьесу наизусть, испытывал такое чувство, словно впервые присутствовал на представлении. Сцены сменяли друг друга, Отелло не надо было вмешиваться в ход событий, как на репетициях, все шло как по маслу. Красавица Гаянэ набиралась уверенности, ее реплики текли как из неиссякаемого источника. Отелло, разумеется, блистал больше других. Его мизансцены вызывали у публики ассоциации, которых он добивался своей трактовкой пьесы. Он не стремился вызывать смех ужимками или забавными гримасами, он обращался прямо к залу, который отвечал ему пониманием и аплодисментами. Будучи автором перевода, Отелло позволил себе определенные вольности, отчего теперь некоторые сцены словно бы разыгрывались при дворе султана. Он намекал на гарем, где четыреста женщин объедались

сладостями; на самого султана, подозрительного по натуре и крайне болезненного.

В пятом акте Валэр, подавая реплику Гарпагону, вдруг замолчал, став жертвой провала памяти. Суфлер, почти совсем не вмешивавшийся в ход спектакля, был застигнут врасплох и стал бешено листать рукопись. Пауза затягивалась. Отелло, взволнованный в свою очередь, ушел за кулисы, вырвал рукопись из рук суфлера, нашел нужное место и, вернувшись на сцену, произнес, подражая голосу Валэра:

– Я так хотел вам об этом сказать...

Валэр сразу ожил, подхватил реплику и легко повел роль дальше. Инцидент был вскоре забыт, и занавес закрылся под гром аплодисментов. Азад повел сестру за кулисы. Отелло огромной салфеткой стирал с лица грим, но сохранял еще образ своего героя, его жесты и голос. Родители школьников наперебой поздравляли его, а один старый коммерсант, повидавший мир, без конца крутил головой, повторяя: «Нет, его место не здесь. В Европе он сделал бы грандиозную карьеру!».

Азад нашел Гаянэ в кругу ее родных. Он не был с ними знаком и не решился подойти, но девушка сама подошла и представила их семье. Этот жест тронул до глубины сердце Азада.

– Это господин Азад Дурян и его сестра Ануш...

Казалось, она гордилась знакомством с ним. Отец Гаянэ, пятидесятилетний, темнолицый, с грустными глазами, протянул руку и поблагодарил за статьи в газете. Мать была похожа на дочь.

– Какой чудесный спектакль! – воскликнул с жаром Азад. – Никогда в жизни столько не смеялся. На репетициях вы боялись. Видите, как все хорошо прошло.

Гаянэ покраснела от удовольствия. Мать вздохнула:

– Я себя спрашиваю, откуда у нее этот дар? Никто у нас не поднимался на подмостки. Как она смогла выучить весь этот текст наизусть?

– Она много работала, – сказал Азад.

– И запустила музыку, – вставил отец. – Вы слышали, как она играет?

– Нет, не имел чести.

– Доставьте нам удовольствие, позавтракайте с нами в одно из воскресений.

У Гаянэ от радости засверкали глазки. Она знала диковатый характер Азада. Примет ли он приглашение?..

Ануш с любопытством оглядывала каждого из говорящих. Она впервые видела Гаянэ и ее родителей и была удивлена, услышав, что брат принял приглашение незнакомых людей. Обычно он проводил воскресенья, запершись у себя, даже на обедню не ходил.

Появился Отелло:

– Хорошие новости, друзья мои. Все билеты проданы. Мы будем играть спектакль две недели. И это только дебют...

– Bravo! – воскликнул Азад.

– Сегодня вечером я ужинаю с одним владельцем зала, – продолжил Отелло. Он был возбужден и счастлив. – Наша аудитория не должна ограничиваться только армянскими семьями. Мы привлечем и других зрителей – иностранцев из посольств, турок. Мы должны показать, на что способны!.. Моя дорогая Гаянэ, ты была прекрасна, но если ты прибавишь голоса, будешь превосходна. Это первое представление я рассматриваю как пробу сил, есть у меня и некоторые замечания, маленькие детали...

Все актеры окружили Отелло, переполненные общим чувством душевного подъема, словно ученики после хороших оценок. Новость, которую сообщил Отелло, свалилась на них как огромная радость. Все они, занятые своим основным делом, находили в театре отдушину от монотонных будней, а несколько недель театральной жизни представились сплошным праздником для их складывающегося содружества. Азад близко принимал дела труппы, словно сам состоял в ней. Он не был способен подняться на сцену, но он мог написать пьесу, мысль о которой не покидала его в последнее время.

Он испытывал желание сейчас же остаться одному, чтобы поразмыслить над темой, которая зрела в нем. Раскланявшись со всеми, взял руку сестры. На улице тянулась нить экипажей, лошади нетерпеливо перебирали ногами, кучера выкрикивали цену и маршруты, зазывая седоков.

Азад шагал торопливо, сестра едва поспевала за ним.

– Оставь меня, – не выдержала Ануш. – Я возьму извозчика и поеду одна.

– И тебя заберет какой-нибудь евнух для гарема, – пошутил брат. Он посмотрел с нежностью на ее горящие от жары и переживаний щеки и умерил шаг.

– Кто эта Гаянэ? Ты давно ее знаешь? Чем она занимается?

Он остановился, удивленный потоком вопросов. Бродячий

торговец выставил на треугольную подставку поднос со сладостями. Толстый турок впихивал в себя огромный кусок миндального пирога, с которого стекал мед. Мальчишки смотрели на него с завистью. Когда торговец отворачивался, они норовили сунуть палец в пирог и облизнуть его. Мухи и пчелы тоже трудились без устали.

– Ты пойдешь завтракать с родителями Гаянэ?

– Сестрица, сегодня ты не очень скромна. Ты хочешь все знать. – Заметив, как от любопытства засветились у нее глаза, он улыбнулся. – Это знакомая Отелло, я нахожу ее прелестной, вот и все.

– Обманщик! Ты пожирал ее глазами. Хочешь жениться на ней? Ты почти не знаком с ее родителями.

– Вот позавтракаю с ними – и познакомлюсь поближе.

Она нахмурила брови, но тут же улыбнулась.

– Какая она красивая, эта Гаянэ! Я хоть чуточку похожа на нее?

Азад серьезно посмотрел на сестру. Лицо гладкое и чистое, еще не успевшее расцвести в полную силу женской красоты.

– Ты будешь такая же прекрасная, как Гаянэ. Надеюсь, ты не торопишься?

Такой ответ смутил ее:

– Значит, ты находишь меня несовершенной? Но не будем обо мне. Ты, конечно, завтра снова собираешься в театр?

– Я очень люблю Мольера.

– Так я и знала! Ты будешь в театре. – Она надула губы и поскучилась. – А что если она помолвлена?

Азад почувствовал ком в горле. Он никогда не думал о такой возможности.

– Я ей пожелаю дюжину детей.

Ануш улыбнулась. Она любила находить у братьев слабинку, чтобы потешиться над ними. Они шли молча, когда фаэтон, обогнав, остановился неподалеку. Из-за портьеры показалась голова Тиграна. Лицо его выражало нетерпение, и Ануш не заставила себя ждать. Азад, приблизившись, сказал, что пойдет пешком.

– Хороший был спектакль? – спросил Тигран.

Ануш, поднимаясь в экипаж, предвосхитила речь Азада:

– Особенно хороша была одна прелестная исполнительница! Глаза черные, волосы шелковые, кожа белая и гладкая. Боже, какая она красавица! – И переменив тон, добавила: – Зовут Гаянэ. Ты ее знаешь?

Тигран порылся в памяти, но ничего не нашел.

– Нет. Что за Гаянэ?

– Гаянэ Мольерян. Клянусь, если ты ее увидишь, потеряешь покой.

Азад слушал сестру. Какая, однако, ведьмочка!

– Если ты хочешь познакомиться с ней, надо завтра пойти с Азадом в театр.

Она весело и от души рассмеялась. Азад сделал знак кучеру трогаться и заметил улыбающееся лицо сестры. Он не торопился. Он обожал ходить пешком.

VI

Бедрос Дурян чувствовал легкое недомогание, направляясь в карете, запряженной четверкой лошадей, во Дворец Ильдиз. Султан давал обед в честь французского посланника Поля Камбона. Были приглашены человек десять армян: банкир, писатель, служители церкви, архитектор, промышленник, врач, коммерсант... Бедрос был знаком с султаном Абдул Хамидом. Несколько лет назад он в компании архитектора, который проектировал дворец, был принят султаном, чтобы оговорить поставку мебели. Ильдиз был настоящей крепостью, целый город со своей рощей, озером, с бесчисленными домиками, конюшнями, фермами и хозяйственными постройками. Султан был боязлив и мнителен, он покидал свой дворец раз в неделю, по пятницам, чтобы посетить мечеть. Десять тысяч человек – солдаты, слуги, советники, евнухи – населяли дворец. Преследуемый мыслью об измене и убийстве, султан редко проводил ночь в одной и той же комнате. Он постоянно носил с собой револьвер и тренировался в стрельбе по манекенам. Он страдал желудочными болезнями и пользовался услугами десятка аптек. Воду он пил только из своего источника, в запечатанных бутылках. Дверь его личной кухни была бронирована. Ел он рис и йогурт только после того, как пробу снимал камергер. Только в гареме чувствовал он себя вольготно и в безопасности.

Бедрос Дурян был не один в карете. Рядом сидел Сурен Далян, известный банкир.

– Я все спрашиваю себя, зачем это султан пригласил нас? – сказал Бедрос. – Особенно с французской делегацией.

Сурен Баян попыхивал сигаретой. Карета пересекла предместье Панкальди и спустилась в Топ-Хане, перед тем как подняться на высоты Ильдиза.

– Французы всегда были за нас, – отвечал банкир. – Мы можем рассчитывать на них, и султан это знает. Он приглашает нас, чтобы доставить им удовольствие и показать свою добрую волю. В своем донесении правительству посол не преминет отметить кажущийся или мнимый интерес, который проявляет к нам Высокая Порта. Других объяснений я не вижу.

Бедрос не успокоился. Он всегда опасался проявления добрых намерений со стороны султана.

– Воздержимся от разговоров о политике, даже между нами, и особенно с французами: в такого рода собраниях все наши слова будут тут же известны султану. Делегация французов насчитывает человек пятнадцать. Нас – десять. Добавим десяток турецких сановников. Остальные...

– Гости-зрители, это же ни для кого не секрет.

Карета замедлила бег, проезжая «Золотые Ворота», охраняемые вооруженными солдатами. Подъехали еще пять экипажей, все они пересекли сад, улицу и остановились перед дворцом. Солдат бросал быстрый взгляд вовнутрь и разрешал ехать дальше. Ильдиз охраняли солдаты-албанцы – brave парни с хищными взглядами, очень видные в своих белых униформах со шнуровкой и золотыми позументами. Албанцы составляли особую гвардию султана.

У входа во дворец приглашенными гостями занималась целая туча адъютантов. Французы были в парадной форме с оттоманскими орденами. Они поднимались по величественной мраморной лестнице и попадали в салон, весь золоченый, уставленный креслами и стульями, обитыми красным дамасским шелком. Здесь их окружали знатные сановники двора в своих неизменных атласных фесках. После представлений начался ритуал ожидания. Все говорили вполголоса. Армяне смешались с французами. Разговор шел о пустяках.

Наконец открылись обе половины парадной двери, и Его Величество Абдул Хамид, тень Бога на земле, появился.

Он был одет в форму дивизионного генерала с редкостными вышивками, на шее – орден Почетного легиона, под рукой – извечная кривая сабля, которой он пользовался как тростью. Среднего роста, чуть сутулый, хрупкой внешности, но пропорционально сложенный,

с монаршим достоинством и каким-то нервным смятением на лице. Уходящий назад череп, лоб, полый на висках, длинный горбатый нос, большой чувственный рот, желтоватый цвет лица, черная крашенная борода и ко всему – легенда: «Человек, который постоянно болеет»...

Султан не сводил с собеседника пронизывающего взгляда. Очень старался придать своей персоне выражение изысканной простоты. Походка его была трудной, замедленной. Несколько секунд султан разглядывал всю массу гостей, затем подошел к ним. Турки простирались до земли. В сопровождении великого визиря Фериды, какого-то рослого албанца и посольского переводчика Ибрагим-паши, он подошел к послу Полю Камбону, пожал ему руку и довольно любезно улыбнулся. Казалось, был рад видеть его, вскользь сказал несколько слов – французским языком он владел в совершенстве – и отошел к другим приглашенным. Каждый называл свое имя. С лувачинкой во взгляде султан пожимал руку армянам, словно те были частью семьи. Потом все перешли в столовую: просторное прямоугольное помещение было занято во всю длину столом в пышном убранстве, особенным великолепием блистал столик из массивного золота – подарок короля Луи-Филиппа. Вся сервировка была из золота – тарелки и блюда, солонки, вилки и ножи, даже маленькие подносы в виде раковин для подачи мороженого.

Хрусталь был ослепителен. Освещение, как во всех турецких дворцах, состояло из множества люстр, канделябров, бра, уставленных восковыми свечами.

Султан сел во главе стола, по бокам – посол Франции и камердинер. Остальные гости сидели попеременно с турецкими сановниками.

Обед обслуживала целая рать слуг, усердных и ловких. Закуски, овощи, горячее, французские блюда, вино рекой... Мусульмане довольствовались тем, что пили воду. Атмосфера сделалась вольнее, и чиновники стали переходить от стола к столу, завязывали разговор, держа, однако, ухо остро.

Бедрос Дурян оказался рядом с генеральным директором казенных конезаводов. Образование этот господин получил в Сомюре.

– Я храню ослепляющее впечатление о Париже, – сообщил он. – Вам надо бы побывать там. Люди приветливые, остроумные, а когда прогуливаешься по бульвару, такое впечатление, что никто не работает. Вечером все кафе забиты, и чтобы заполучить свободный столик, надо быть знакомым с самим хозяином. Парижане страстно любят

всякие зрелища, театр и поздно ложатся.

Он выпил стакан воды и вытер салфеткой усы. Его глаза излучали грустный свет ностальгии.

– Мечтаю однажды вернуться туда. Но когда?..

– Мы и в Константинополе имеем все, что надо, – отвечал простодушно Дурян. – Лучшие в мире фрукты, умеренный климат, развлечения...

Сосед поглядел на него, прищурясь. Уж не насмеются над ним? Да нет, не похоже. Дурян был богат и смотрел на жизнь по-другому. Или, может быть, осторожничал? Он не стал настаивать и поднял бокал в его честь.

Бедрос Дурян наблюдал за султаном, который, в зависимости от настроения, дожидался, пока переведут слова посла или отвечал напрямую. О чем они говорили? Напротив него сидел его приятель-архитектор. Дурян вспомнил о подробностях, касавшихся Ильдиза, на которые проливали свет рассказы архитектора. Десятки беседок были разбросаны по парку. Все передние особнячков, предназначенных для гарема, охранялись попугаями в клетках, которые были преданнее евнухов сераля. Своими истошными криками они оповещали о каждом, кто дерзнул бы войти. Один из таких домиков, который возвышался над садом, выходил на Босфор, оттуда султан разглядывал в бинокль жизнь порта...

Слуги подали фрукты и мороженое. Движения их были поспешными, так как султан уже терял терпение. Армяне в окружении турок вели фамильярную беседу. Говорили об урбанизме, архитектуре, телефоне, недавно установленном во дворце и в посольствах. Армяне прекрасно говорили по-турецки. Французы прибегали к помощи переводчиков, но чувствовали себя вольготно и охотно смаковали дворцовые вина. Султан поднялся, и разговоры затихли. В сопровождении посла он направился к парадному салону. Турецкие чиновники были постоянно начеку. Они боялись султана, не было границ раболепству, когда тот поднимал глаза на кого-нибудь из них.

Султан увлек Поля Камбона в дальний конец зала к окну, выходящему к одному из прелестных уголков сада. Он любил цветы и животных. В его зверинце водились тигры, львы, пантеры...

Сегодня он был особенно желчным:

– Господин посол, незачем говорить о том, как в данный момент меня занимают англичане...

Он умолк и взглянул на собеседника, чтобы уловить его реакцию. Камбон сдвинул брови, показывая готовность слушать дальше. Он остерегался Абдул Хамида, особенно, когда тот хотел казаться искренним, что с ним иногда случалось.

– Ваше Величество, мне известно, что вы отказались принять специального посланца лорда Солсбери...

– По очень простой причине. Британцы не хотят эвакуироваться из Египта, и тем не менее, я делаю невозможное... Это не все. Меня бомбардируют нотами, в которых Даунинг Стрит изводит меня по поводу неотложности армянского вопроса. Почему такая срочность? Никто иной не поддерживает враждебность армян к их соседям курдам как англичане. Армяне, по природе своей, смиренные. Они живут и процветают среди нас... Посмотрите на них... – Он показал на группу, где стояли Дурян, Баян, Коджян, все известные богачи, и продолжал глухим, усталым голосом. – Именем свободы Европа подстрекает эмигрантов-армян финансировать противозаконное дело их единоверцев в Силесе и Курдистане. Что это была бы за Армения? Когда горстка русских либералов предлагает создать армянское государство в границах России и Турции, они что, действительно воображают, что ростовщики и банкиры Константинополя, богатые торговцы хлопком Смирны и Адена согласятся похоронить себя в диких холмах, чтобы жить среди пастухов, с которыми у них нет ничего общего, кроме религии?

Он умолк и достал из кармана табакерку, усыпанную драгоценными камнями. Взяв щепотку, сунул в ноздри и глубоко вдохнул. Вокруг снова слуги с подносами. Между султаном и гостями образовалась пустота, которую никто не смел нарушить.

– Проармянское движение – результат революционной пропаганды не только Европы, но и Америки. Мой дед Махмуд был слишком великодушным ко всем этим миссионерам и позволил открыть школы и колледжи в разных концах империи. Я остерегаюсь их как чумы, на мой взгляд, они связаны с тайным армянским обществом Хинчак, которое проповедует политику насилия, чтобы заставить Европу вмешаться в качестве покровителя Армении... Что вы думаете об этом, господин посол?

Поль Камбон досконально знал армянский вопрос, но так как султан был явно не в духе, счел за благо разговор не обострять. Он улыбнулся.

– Мы, французы, не стану скрывать, Ваше Величество, мы интересуемся исключительно армянами-католиками, а их – меньшинство...

Абдул Хамид пристально смотрел своими большими темными глазами из-под густых бровей.

– Ну что ж... Я думаю, что у меня только один союзник – принц Бисмарк. Он заявил англичанам: «Германию ни с какой стороны не затронут реформы, касающиеся Армении, и она того мнения, что вопрос этот отныне следует оставить в стороне». Это его собственные слова.

Я хотел бы, чтобы наше правительство сделало подобное заявление. Отобрав у меня Грецию и Румынию, Европа перебила мне ноги. Потеря Болгарии, Сербии и Египта лишила нас рук. Теперь этот ажиотаж вокруг Армении. Они хотят вырвать у нас внутренности?

Он подал знак слуге, Поль Камбон взял чашку кофе, то же самое сделал султан, но не коснулся чашки, пока посол не ополовинил свою. Француз решил переменить тему разговора:

– Ваше Величество, как обстоят дела с концессией на постройку железной дороги? Вы не забыли, что мое правительство желает контролировать линию Смирна – Кабасса...

Султан рассмеялся над чашкой. Потом поднял голову и сказал насмешливо:

– Я-то не забыл, но концессия принадлежит Британии. Сэр Эдгар Винсент, президент «Банк Оттоман», занимается ею... но это будет недолго, ибо я имею интересное предложение со стороны немцев.

Поль Камбон, который боролся против господства немцев на Ближнем Востоке, запротестовал:

– Я не знаю, что это за предложение, Ваше Величество... Британские финансисты предложили вам более выгодные условия, чем Немецкий Банк. Мы, французы, готовы к новым предложениям...

Абдул Хамид оперся на свою саблю и молчал. Гости надеялись, что он направится в их сторону, но, не сделав и шага, султан смотрел отрешенно, издалека, словно их там не было. Похоже, его занимал все тот же армянский вопрос. Камбону он ответил сухо:

– Ничего еще не решено окончательно, господин посол. Россия косо смотрит на проект «немецкой» дороги, связывающей Ангору с Диарбекиром и впоследствии – с Багдадом.

Посол воспрянул духом – не все потеряно. Султан продолжал в том же тоне:

– Если я уступлю России, она перестанет поддерживать Лондон

в его требовании образовать комиссию по изучению условий жизни в армянских селах. Она не будет пытаться вмешиваться во внутри-территориальные турецкие дела. Я ставлю вам вопрос: Вы согласны опровергнуть эту комиссию?

Камбон задумался. Султан искал способы исключить все государства, которых интересовал армянский вопрос. Он хотел иметь свободные руки.

– Армяне – христиане...

Султан прервал его:

– Мы не запрещаем им придерживаться своей веры! Чего добивается Европа? Нового Крестового похода? – Он закашлялся, перевел дыхание, взгляд его сделался ледяным. – Я желаю мира. Я не допущу никакого беспорядка, откуда бы он ни шел! Мы уже стали страной, отягощенной долгами...

«А кто виноват?» – подумал Камбон. Султан присваивал все богатства страны. Он собирал баснословные суммы, строил дворцы, содержал миллионы шпионов, но не платил чиновникам. Самые большие подати он собирал с армян.

Султан вздохнул:

– Я вас покину, господин посол, меня ждет работа. Надеюсь, вы хорошо пообедали...

Он прошел перед гостями, которые кланялись ему. Камбон присоединился к членам своей делегации. Армяне были разочарованы. Султан обошелся с ними вежливо, но не нашел нужным обменяться словом. Ну что ж, все-таки он взял на себя труд пригласить их, не игнорировал, а это – главное.

Когда Бедрос Дурян вернулся домой, он застал всю семью в ожидании, несмотря на поздний час. Они задавали тысячу вопросов, и он их всех успокоил. Вечер прошел прекрасно. Что касается реформ, выдвинутых армянами, то высокопоставленные чиновники показали себя оптимистами: ими скоро займутся.

VII

Только что началось второе действие, когда Азад пришел в сад гостиницы на острове Принцев в Мраморном море. На представлении присутствовало человек пятьдесят, в большинстве французы. Женщины были в легких платьях и в замысловатых шляпах. На обнажен-

ных руках сверкали многоцветные браслеты.

Пьеса шла на крохотном помосте, между двумя деревьями с густыми кронами. Прозрачный занавес, сквозь который виднелись силуэты актеров, заменял кулисы.

Азад остался стоять в стороне. Он увидел в последнем ряду мать Гаянэ, которая внимательно следила за развитием пьесы, хотя уже раз пять присутствовала на представлении «Скупого». Как только на сцене появлялась дочь, глаза ее загорались, и она слегка приподнималась, вытягивая шею. Когда же девушка уходила, мать опускалась на стул, и еще какое-то время на лице ее блуждал восторг. Если случалось, что аплодировали, она краснела от удовольствия. Азад находил ее трогательной.

А что же Отелло? Он был просто великолепен. Каждое его появление вызывало смех. Он придумал забавную деталь: носил на поясе кривую саблю, опираясь на рукоять – совсем как султан. Образ Гарпагона ложился на него как нельзя лучше...

Азад, основательно уже знавший текст пьесы, не мог отказать себе лишний раз насладиться магией Мольера. Он смеялся вместе с публикой. Отелло напечатал на французском языке краткое содержание каждой сцены, чтобы приглашенные могли следить за нитью сюжета. Оглушительными «браво» закончился пятый акт. Долго аплодировали Отелло и его труппе. При виде Азада лицо Гаянэ озарилось радостью, она бросилась к нему, встревоженная и счастливая.

– Я подумала, что ты вернулся в Константинополь. Ты был на спектакле? Здорово, правда? Видел, как аплодировали французы?

Слова, толкаясь, срывались с ее губ. Она пожирала молодого человека глазами, едва сдерживая желание броситься к нему, обнять, запустить руки в его волосы. Но она не смела. Азад не поощрял пока никакого сближения. Он был горяч в своих желаниях, но сдержан в поступках. Мог часами говорить с ней, но – никаких объятий, никаких внешних проявлений чувств, хотя любил ее все сильнее.

– Ты видел, какая смешная обновка у Отелло? Кажется, что его сабля принадлежала султану. Он купил ее на базаре...

На лоб упал локон, она поправила волосы. Малейшее изменение в прическе или макияже отражалось на ее лице, оттеняя ту или другую черту. Сегодня она напоминала студентку, заслужившую высокую оценку и с нетерпением жаждущую поделиться своей радостью. Лицо ее пылало, необычно горячим был взгляд, который она не

сводила с Азада. Не в силах сдерживаться, она коснулась его руки.

– Посмотри, как мне жарко. Пойдем, выпьем что-нибудь в буфете.

– Не люблю околачиваться среди незнакомых людей, – возразил он. – Мы найдем лимонад и в гостинице.

Гаянэ обернулась в сторону матери, болтавшей с какой-то девушкой.

– Увидимся за обедом, я пойду, прогуляюсь по пляжу.

Мать не возразила и проводила молодых долгим взглядом.

В просторном холле гостиницы царила приятная прохлада. Здесь же был Отелло, не успевший разгримироваться, он продолжал о чем-то беседовать с окружающими его французами. Несколько человек в углу салона играли в карты. Гаянэ позвала молодую служанку и заказала лимонад. Устало опустившись в кресло, она пристально смотрела на Азада, который продолжал стоять. На пиджаке его были следы пыли.

– Какие у тебя проблемы, Азад? Иногда у меня такое чувство, что ты их сам ищешь. Можно подумать, что ты зол на весь мир.

Он покачал головой.

– Нет, я их не ищу, они сами возникают передо мной каждый день.

– Похоже, это твой талант заставляет тебя смешивать небо с землей.

Он отставил стакан и взглянул на нее внимательнее.

– Скажи мне: только что, на сцене, что ты чувствовала, находясь в шкуре своей героини?

Гаянэ задумалась:

– Я сознавала, что играю комедию и вживаюсь в роль. Но как только опустился занавес, я снова стала самой собой.

– Значит, ты почувствовала что-то вроде опьянения? Факт перемены обличья должен склонить тебя к побегу от действительности... Ты стала дочерью старого скряги, ты ненавидела отца, ты жалела его и смеялась над ним... Со мной происходит что-то похожее. Я пишу, чтобы освободиться от тоски, чтобы вновь обрести ясность и трезвость ума, ты понимаешь?

– А что, все поэты пишут, пребывая в тоске?

– Я им этого желаю, – сказал Азад, туманно улыбаясь. – Жить блаженно – это не для меня. Соль жизни – нервы, они как плеть, готовая ужалить при малейшем сигнале тревоги: вставай, защищайся!

Она живо возразила:

– Но ведь тебя никто не трогает, Азад!

Он переменил тон:

– Сегодня я не собираюсь размахивать плетью. Пойдем, прогуляемся по пляжу.

Они отправились к морю. Небо хмурилось, и не видно было купающихся. Пароходы и ялики бороздили Босфор. Откуда-то издали слышалась тоскливая турецкая песня. Гаянэ опустилась на песок и потянула за руку Азада, который по своему обычаю продолжал стоять. Молодой человек невольно оказался в объятиях у девушки и, прижавшись тесно, почувствовал, как билось ее сердце – часто-часто. У нее было гибкое податливое тело, горячее и нежное. Наконец Азад освободился и взял ее руку, чтобы не прервался ток. Каждый из них оставался на краю своих чувств, задерживая желание броситься в пучину... Они сидели так, боясь пошевелиться, вне времени и пространства, и вернулись в гостиницу, только когда незаметно опустившаяся ночь зажгла низкие и яркие звезды прямо над головами влюбленных...

VIII

Сам воздух типографии воодушевлял Азада. Он чувствовал себя как на другой планете, здесь все повседневные проблемы находили свое решение. Каждую неделю Азад публиковал стихотворение. На этот раз он говорил о любви. Никаких требований и политических намеков. Чистое любовное стихотворение: нежное, ироничное, с юмором.

Дверь открылась – появился Отелло. Ему не хватало воздуха, он задыхался. Некоторое время он стоял молча, все повернули к нему головы. Наконец, сделав глотательное движение, тихо сказал:

– Только что полиция запретила показ «Скупого».

Азад приподнялся:

– Почему? По какому праву?

Отелло порывлся в карманах в поисках платка и, не найдя, скомкал свежую газету, промокнул бороду, щеки, лоб.

– Приказ Высокой Порты. Его Величество почувствовал себя оскорбленным героем Мольера.

– Но он не присутствовал ни на одном спектакле! – воскликнул Азад.

– Зачем? Их Величество посещение представлений паяцев оставляет своим шпионам, которые снуют повсюду. Для них ничего не значат аплодисменты послов. Их Величество увидели только то, что герой целится в него. – Отелло едва заметно рассмеялся и продолжил: – И не ошиблись! Мольер был метким стрелком.

Он бросил газетный ком в корзину. Типограф Арам с сожалением покачал головой:

– Я так хотел повести семью на спектакль.

– Не расстраивайся, мой друг, мы еще воспрямем!

Он это сказал не очень уверенно, как будто знал, что больше не играть им «Скупого».

Азад подумал о Гаянэ, и его охватила глубокая печаль. Она очень дорожила ролью Элизы, ее игра совершенствовалась с каждым спектаклем, и она трепетно мечтала о новых успехах перед публикой.

– Что можно сделать? – неуверенно и тихо проговорил наборщик Арам.

– Я всего лишь скромный артист. – сказал Отелло.

– Вы не просто артист, – возразил Азад. – Армянская община очень нуждается в вас.

Слова эти растрогали Отелло, но он был не из тех, кто бы мог разнежиться от самодовольства. Стукнув по столу так, что с него слетела «свежая» газетная полоса, он воскликнул:

– Я пойду к губернатору, пусть он даст мне объяснение! Нельзя запрещать пьесу только потому, что какой-то невежественный шпик не оценил Мольера!

– Вы знакомы с губернатором? – спросил Азад.

– Друг деверя двоюродной сестры знает его, – посмеялся Отелло. – Он меня примет, это точно,.. но когда? Рвение моих артистов угаснет, они забудут роли, это не профессионалы.

– Почему бы вам не поставить новую пьесу?

– Поздно. Через месяц начнутся занятия в школах, мне не успеть.

Плечи его опустились, и шея показалась длиннее. Он взял свежий номер газеты, рассеянно просмотрел ее и вдруг остановил взгляд на стихотворении Азада. Поднял на него глаза, задержался на минутку и продолжил чтение.

– Чудесно, – сказал он искренним голосом. – Где это вы научились писать таким образом?

Стихотворение было непривычным для пера Азада. Впервые он

вдохновился на любовную лирику. Отелло без труда истолковал его молчание и хитро улыбнулся:

– Вижу, вижу источник вашего вдохновения...

Продолжайте черпать из него.

Наборщик, не знавший об отношениях между Азадом и Гаянэ, смотрел недоуменно. Азад невольно покраснел и переменял тему.

– Как вы думаете, если позолотить ручку комиссару, это даст что-нибудь?

Отелло пожал плечами.

– Приказ поступил сверху, полиция только исполнитель. – Он запустил руку в волосы. – Я знаю, что в этой стране все покупается... Но я пессимист. Нам больше не играть «Скупого».

Азад не мог принять запрет как нечто решенное. Отелло и его труппа работали два месяца, вкладывали все силы. Нет, спектакль надо восстановить.

– Я пройдуся. Мне надо подумать.

На улице царило обычное оживление. Азад пришел на кладбище Галата и влился в толпу, прогуливавшуюся в тени кипарисов, затем опустился на могильный камень. Кто покоился под этим безымянным камнем? Мужчина? Женщина? Какая разница. Стоял, теперь лежит. Эта примитивная мысль вызвала горькую улыбку. Он поднялся и пошел без определенной цели, занятый своими невеселыми думами.

Редактор газеты «Арагат» Потукян снял очки, подышал на стекла и, вытерев их тщательно, водрузил на нос. Он взял листы, исписанные Азадом, который стоял тут же, перед столом, и не двигался, ожидая суда редактора, у которого не дрогнул ни один мускул на лице за все время чтения. Затем он молча отложил листки и задумался.

– Необычно... – сказал редактор, подняв голову. – Прекрасная работа. Давно уже не читал я такого злого памфлета. В какую чернильницу макал ты свое перо?

Азад стоял, сомкнув губы. Нервная дрожь пробежала по телу. Он попытался расслабиться, но лишь почувствовал покалывание в сухом горле. Потукян оставил свое кресло и прошел к окну. Он пощипывал бородку, отдавшись противоречивым мыслям. Превосходная вещь! Какое вдохновение!.. Редактор всегда верил в талант Азада, но сегодня он превзошел себя.

Потукян улыбнулся Азаду своей близорукой улыбкой:

– Прекрасная работа, Азад, очень хорошая...

Лицо Азада осталось неподвижным, он чувствовал сдержанность со стороны собеседника.

– Вы опубликуете памфлет в следующем номере?

Потукян закивал утвердительно, его улыбка стала еще приветливее:

– Какой может быть вопрос, мой друг? Конечно, я его опубликую!

– Господин Потукян, разрешите открыть вам мои сомнения... Вам нравится мой памфлет, но вы не решаетесь его опубликовать. Так?

Потукян вернулся к своему столу, взял в руки листки, просмотрел их снова.

– Что вас смущает? – спросил Азад.

– Да ничего... Я буду гордиться, что напечатал, даже если они прикроют мою лавочку.

– Как это «прикроют»?

Потукян не ответил. Он вызвал наборщика и, когда Арам вошел, протянул ему листки:

– Набери этот маленький шедевр. Мы дадим его не первой полосе.

Арам взял листки и молча удалился.

– Как видишь, он отправился, – сказал Потукян. И помолчав, добавил с оттенком обреченности: – Дело сделано...

Азад придвинул стул и сел:

– Вы уверены, что после публикации моей статьи у вас начнутся неприятности?

Потукян возвел руки к небу:

– Я не знаю, я предполагаю...

– Но это очень серьезно...

– Да, серьезно, но я не намерен отступать. Посмотрим.

Азад размышлял вслух:

– Что может быть в худшем случае для вас? Отвечать придется мне. Да, напечатал «Арарат», но...

Они посмотрели друг другу в глаза. Потукян закурил сигарету и, откинувшись на спинку кресла, сказал:

– Скорее всего, газета будет закрыта на некоторое время... Но потом вернется прежний порядок. За нами поддержка всей интеллигенции Константинополя. Мы будем бороться. Дерево не рубят

за то, что оно дает хорошие плоды. Я повторяю, твоя статья великолепна, и я буду поддерживать ее, что бы ни случилось. – Он лукаво улыбнулся. – Да и поздно уже. Арам набирает... Ты влез в шкуру Гарпагона, но это Мольер обращается к султану.

Азад не знал, что делать: отозвать статью и уничтожить или все же напечатать? Впервые он ставил Потукяна в затруднение, он это хорошо чувствовал. «Скупой» был запрещен, значит, все стрелы цензуры будут направлены на «Арат». Что делать? Все-таки он является истинным виновником...

– О чем ты думаешь? – спросил редактор.

Азад поднял голову:

– Не буду скрывать, меня мучает совесть. Если с вами что-то случится, я буду чувствовать себя виновным.

Потукян с силой сцепил пальцы:

– Я знаю, что очень рискую. Двор стал обидчивым в последнее время, но отказаться от такого памфлета было бы подлостью. – Так как Азад сидел, словно застывший, он добавил: – Не переживай. Рано или поздно цензура должна навалиться на нас. Лучше, если будет по такому случаю. Мы вытащим газету. Да, нас закроют на некоторое время, а может, и обойдется...

Азад встал. Хотелось двигаться, дышать полной грудью, размышлять. Он крепко пожал Потукяну руку и тихо покинул кабинет.

В соседней комнате Арам, стоя к нему спиной, пинцетом доставал из касс буквы и выстраивал их в строчки. Услышав, что вошел Азад, он обернулся. Лицо его выражало восхищение, а глаза, казалось, говорили: «Азад, друг мой, ты зашел слишком далеко!».

Азад направился к выходу, открыл двери и напоследок еще раз глянул на Арама, который, казалось, вытаскивал из касс маленькие кинжалы...

IX

Две роты солдат, одетых как зуавы, образовали живую изгородь перед мечетью Абдул-Меджит, по сторонам которой возвышались два легких минарета. Мечеть выходила на Босфор, где вперемежку стояли парусники, военные корабли, расцвеченные флагами, прогулочные катера. Сотни птиц носились над водой.

Как обычно в пятницу, султан отправлялся в мечеть, чтобы явить

народу доказательство своего существования. Фанатичные и подозрительные турки никогда не упускали случая оказаться на его пути, чтобы воочию убедиться в том, что он цел и невредим.

Тысяча любопытных ожидала появления султана, абсолютного суверена одной из обширнейших империй мира. Там и тут останавливались блестящие кареты с турецкой знатью высшего ранга, охраняемые могучими конными евнухами, застывшими у дверей карет, наемные открытые экипажи европейцев, различные группы путешественников с зачехленными биноклями. В толпе сновали лохматые художники с альбомами под рукой, пришедшие тайно запечатлеть черты султана, а также нищие, дервиши, турецкие женщины, которые держались в сторонке.

В назначенный час послышался звук трубы, грянул военный марш, солдаты изготовились, и вот возник отряд уланов, за которыми показался султан, сопровождаемый многочисленной свитой. Под ним был серый конь в золотой сбруе, которого вели два конюха, одетых в ослепительно-белые одежды. Султан был одет скромно: простая феска, длинное пальто темного цвета, застегнутое под горло, светлые брюки, сафьяновые сапоги. Он двигался очень медленно, глядя по сторонам с усталым видом. Мусульмане кланялись до земли, европейцы снимали шляпы. Он никому не отвечал на приветствие. За ним двигались паши, придворные высокого ранга с черными бородами, одетые также довольно просто, молчаливые и серьезные, словно это была траурная процессия. Затем следовала группа конюхов, которая вела превосходных коней, и завершали процессию пешие офицеры с золотыми лентами через плечо.

Султан вошел в мечеть, толпа схлынула. Он появился снова полчаса спустя и скрылся в закрытой карете. Группа офицеров побежала за ней вприпрыжку – совсем как толпа лакеев.

Среди лицезревших султана был и Азад. Перед тем как идти в газету, он решил посетить этот спектакль, чтобы, смешавшись с толпой, послушать, о чем говорят люди. Популярность Абдул Хамида падала с каждым днем. Все говорили о пышных празднествах во дворце, о его жадности к деньгам, о слабом здоровье, о том, что не любит свой народ, замкнулся в Ильдизе, окружив себя шпиками и придворными, которых некогда третировал с презрением, никому не доверяет. Боязнь быть убитым не покидает его ни днем, ни ночью. В молодости он вел себя совсем не так. Прекрасный наездник, он лихо

скакал по Константинополю в сопровождении нескольких улан, мог спешиться и зайти в простую кофейню. С возрастом он становился все более апатичным и подозрительным.

Люди вокруг Азада делились впечатлениями вполголоса, намеками, боясь султанских соглядатаев, которыми кишел город. Азад остановился перед будкой продавца соков, витрина сверкала разноцветными графинами, наполненными апельсиновым, гранатовым, виноградным соком. Увидев состоятельного клиента, продавец бросил горсть льда в стакан и посмотрел в ожидании заказа.

– Виноградного, – сказал Азад.

Холодная жидкость стянула горло. Расплатившись, Азад приготовился продолжать путь, как вдруг оказался между двух полицейских:

– Господин Азад Дурян?

Поодаль стоял человек в гражданском. Он поглядывал, улыбаясь уголками губ и спокойно перебирая четки.

– Да, это я. Что вам угодно?

Человек в штатском отстранил полицейских и сказал:

– Рад познакомиться с вами, господин Дурян. Я инспектор Камал. Не будете так любезны пройти со мной?

Он оказался вежливым и обходительным.

– По какому поводу?

Человек улыбнулся и поднял руки:

– Понятия не имею, господин Дурян. Мне дан приказ привести вас к комиссару Фетуку, это все.

Азад задумался. Очевидно, за ним следили. Но чего от него хотят?

– У меня свидание в редакции. Дайте мне адрес комиссариата...

Человек с сожалением покачал головой:

– Вы пойдете в свою газету после обеда, мы в двух шагах от комиссариата.

Полицейские не спускали с него глаз.

– Пойдемте, сказал Азад.

Четки ожили в руках инспектора, шагавшего сбоку. Полицейские держались на почтительном расстоянии. В течение всего пути не было сказано ни слова. Когда Азаду случалось встретиться глазами с инспектором, тот отвечал нагловатой улыбкой.

Они вошли в большое серое здание. Поднявшись по лестнице,

очутились в просторном коридоре.

– Извольте ждать здесь, господин Дурян.

Инспектор постучал в одну из дверей и вошел. Вскоре он показался и кивнул Азаду:

– Комиссар вас скоро примет. Всего хорошего.

Азад вошел в небольшой, плохо проветриваемый кабинет, недавно побеленный известью. На полках под стеклом пылились перевязанные веревочкой дела. Комиссар коротким жестом указал Азаду на стул и прошел за свой стол. Раскрытая папка лежала перед ним. Он продолжал, уткнувшись в бумаги:

– Господин Дурян, вы опубликовали в последнем номере «Арарата» очень обидный памфлет, направленный против султана Абдул Хамида. Статья клеветническая. По этой причине судья Хикмет попросил меня вызвать вас и выслушать. Он поднял глаза на Азада, в них не было злобы, только равнодушие. Азад скрестил руки. Он не ошибся, предположив, что вызван в это место из-за статьи. В общем, он ждал этого.

– Я не согласен с судьей Хикметом. Моя статья не клеветническая. Я написал ее с той целью, чтобы защитить интересы одной театральной труппы, только и всего.

Комиссар пробежал глазами раскрытое перед ним дело.

– Это любительская труппа. В спектакле главное действующее лицо очень неприличным образом копирует султана. Представления были запрещены. Принимая труппу под свою защиту, вы бросили вызов правосудию, – заключил он все также монотонно.

– Я уважаю правосудие при условии, если оно не попирает меньшинство.

Азад перенял тон комиссара, говорил бесстрастно. Комиссар молча перевернул страницу.

– Вы совершили проступок, господин Дурян. Не мне вас судить, я всего лишь посредник правосудия. Не угодно ли вам подписать вот эту бумагу?

Он протянул листок. Азад взял его и просмотрел короткий текст. В нем говорилось об отказе от статьи, напечатанной в «Арарате». Как можно отказаться от того, что опубликовано и скреплено подписью? Он чувствовал какую-то ловушку.

– А если я не подпишу?

Комиссар указал на дверь в коридор:

– Подписав, вы выйдете через эту дверь, а если нет, так через ту...

Это была дверь справа от его стола. Азад не удержал улыбки:

– Куда ведет эта дверь?

– Лишние сложности, господин Дурян... Я не желаю давить на вас. Подумайте несколько минут, прежде чем принять решение.

Он закрыл папку, отодвинул стул и уставился в потолок. Азад перечитывал текст, который ему предлагали подписать. Невозможно! Тут и думать не над чем.

– Я не согласен, господин комиссар.

Комиссар вскочил, как на пружине:

– Соблаговолите следовать за мной. Судья Хикмет займется вами. Азад поднялся, в свою очередь. Комиссар открыл дверь справа, выходящую в узкий коридор, где, опершись спиной о стену, ожидал полицейский.

– Отведите господина Дуряна к судье.

Полицейский подтянулся.

– Всех благ, господин Дурян, – бросил комиссар, прежде чем войти в кабинет.

Азад не ответил. Он следовал за полицейским. В голове созрел план защиты. Каков статус этого Хикмета? Имеет ли он право судить без присутствия адвоката?

Полицейский пересек коридор и начал спускаться по лестнице. В воздухе запахло сыростью. Полицейский обернулся и сказал с улыбкой:

– Мы прибыли...

Улыбка была лицемерной. Расстроенный Азад замедлил шаги. Еще несколько ступеней. Наконец, полицейский толкнул дверь и пропустил его вперед.

Азад удивленно огляделся: длинный коридор, с обеих сторон которого - десяток камер без решеток и дверей. Мужчины, разбившись на группки, о чем-то беседовали. Он находился в тюрьме.

– А где судья Хикмет? – спросил он полицейского.

– Нездоров. Примет вас завтра...

Легкая паника охватила Азада, когда он осознал, что находится среди заключенных. Полицейский, который привел его сюда, ушел. Устроившись в сторонке, Азад пытался проанализировать ситуацию, его взгляд охватил разом все группки мужчин, один из них играл

в карты, другие о чем-то спорили. Он должен держаться проще: вокруг него нищие люди в лохмотьях, босые. Они курили, плевали, сморкались с помощью пальцев. У него не было ничего общего с этими несчастными, они вызывали отвращение. К счастью, никто не интересовался им. Он сделал несколько шагов и увидел двух полицейских, игравших в нарды на расшатанном столе. Два или три арестанта следили за игрой. Азад подошел в момент, когда толстяк полицейский бросил кости, после того как потряс их в горсти.

– Я хочу поговорить с начальником этой тюрьмы.

Полицейский, крайне удивленный, поднял голову. Жирное, потное лицо с круглыми, в красных прожилках глазами, огромный нос, отвисшая губа, открывавшая ряд золотых зубов.

– Здесь нет начальника. Что вы хотите?

Возмущение сдавило горло. Десяток вопросов теснили грудь: сколько времени пробудет он здесь? кто этот странный судья Хикмет? как оповестить родителей? Полицейский слишком был занят игрой, чтобы ответить ему. Только раздражишь своими вопросами. Надо подождать. И он отошел.

Какой-то жалкий тип, тощий, небритый, в дырявых штанах и в новой куртке, никак не шедшей к остальному наряду, подошел к Азаду.

– Вы только что прибыли? Не расстраивайтесь. Здесь больше недели не задержат.

– А вы сколько времени здесь?

– Третий день. Но думаю, что вылезу, хотя второй раз... Я украл куртку.

Казалось, он носит ее с гордостью.

– Сюда сажают мелких воров, схваченных на месте преступления. Скоро придет судья, все от него зависит. Проведет допрос и отпустит.

– Это точно?

– Что еще делать с этими жалкими людьми? Не посылать же их в настоящую тюрьму? Один украл курицу, другой – горсть табака, третий – связку фруктов или бутылку вина...

Взгляд его остановился на костюме Азада:

– Вы что взяли? Одежный ларь?

Азад улыбнулся.

– Да нет... Так, по мелочи...

– Вы грек или армянин?

– Армянин.

– Слышится акцент. Тут не видно армян... Они слишком умные...

Он направился к группке игравших в карты. Азад снова впал в раздумье. Сколько дней придется ждать? А вдруг не один и не два... От этой перспективы кровь ударяла в голову. Он не представлял себе, как будет жить среди этой публики. Дома волнуются, надо как-то оповестить. Но как передать весточку? Через этого толстяка полицейского, может быть? Дать ему побольше...

Азад насторожился, когда увидел полицейского, приближающегося к нему. Мелкие шажки, не в такт болтающиеся руки, отвислый живот затянут в униформу... Он заговорил на подходе:

– Азад Дурян, так называемый поэт... По какому это праву вы оскорбляете нашего горячо любимого султана? Вы должны лизать ему ноги, паршивый армянин, он оказывает вам милость, терпя в своих владениях. – Полицейский приблизился вплотную и попытался скрестить грозно руки на груди, но ему помешал слишком жирный бюст. – Вы все разбогатели на горбу у турок. Ваш отец, кажется, самый богатый армянин Константинополя. Чего вам не хватает? Может, хотите и власть захватить? Посмотрите, во что вы одеты, и сравните с тем, что носят другие арестованные, сплошь турки... Он выдохся и умолк. Можно было подумать, что он гордится числом воров турецкого происхождения. У Азада возникло желание улыбнуться. Он знал таких моллюсков: ничего в голове, все в живот.

– Вам объяснили, надеюсь, что вы здесь временно. Скоро получите приговор и пойдете гнить в настоящую тюрьму. – Он продолжал своим злорадным тоном: – Судья Хикмет будет не раньше чем через три дня. Вам придется познакомиться со всеми этими обездоленными... Славный народишко, но придется поголодать заодно... Спать будете в общей камере, на соломе, а есть будете фасоль три раза в день. Это вам подходит?

Несмотря на ехидный голос, лицо его продолжало оставаться бесстрастным. Азад произнес, глядя ему в глаза:

– Сколько?

Можно было подумать, что камень бросили в стоячую воду. Вокруг рта стянулась кожа, чтобы пойти легкими волнами к одутловатостям лица, на котором изобразилась радость, окрасившая яркими пятнами широкие скулы. Густые брови дернулись вверх, округляя рыбы глаза.

– Я знал, что вы человек щедрый, господин Дурян, – голова его слегка склонилась к плечу, в голосе появились жалобно-слезливые нотки. – Неблагодарное ремесло. Третий месяц без жалованья, а у меня семья...

Азад, все так же холодно глядя ему в глаза, протянул билет в десять ливров. Полицейский выхватил его из руки. Глаза загорелись жадным огнем.

– Я прикажу принести хорошую еду, и спать вы будете в отдельной камере. Если кто-нибудь станет приставать, сейчас же дайте мне знать.

– Сообщите моему отцу, я вам дам другой билет.

Полицейский переминался, словно стоял на горячей сковородке.

– У вас их много, этих билетов? – И чтобы растолковать свою мысль, добавил: Доверьте их мне, господин Дурян. Опасно держать при себе деньги среди этих разбойников.

Несколько человек наблюдали за ними издали. Полицейского это нисколько не стесняло. Воспользоваться случаем, чтобы выудить деньги, не считалось коррупцией, наоборот, в этом видели реализм и умение жить. Даже вышестоящие начальники одобрили бы его. Ад-

министрация влачила жалкое существование. Исключая окружение султана, все жаловались на жизнь...

– Я вам хорошо заплачу, если вы сообщите кому-нибудь из моей семьи.

– Пошлю, пошлю... На какой улице живет ваше почтенное семейство?

Азад дал адрес конторы отца. Незачем было пугать мать.

Освоившись с одиночеством, он стал обдумывать новый памфлет.

* * *

Толстяк появился к концу полудня. Он имел довольный вид и источал спиртной дух. Азада он нашел в маленьком тюремном дворике сидящим на земле, опершись о стену, и возвел руки к небу:

– Я послал оповестить господина Дуряна, думаю, что он скоро вмешается... – тело его сотрясала икота, взгляд воровских глаз был неуловим. – Если, к несчастью, вам придется ночевать здесь, я распорядился, чтобы вам дали самую красивую камеру... самую чистую. Получите одеяло, будете один... Но есть одно затруднение... Ваша будущая камера занята тремя эгоистами. Они соглашаются уступить место, если...

– Согласен.

– Прекрасно! Сейчас я распоряджусь, чтобы вам поставили на ночь кружку воды. Что вы желаете на обед?

– Я не голоден.

Лицо полицейского вытянулось.

– В вашем возрасте, господин Дурян, надо питаться. Что вы скажете насчет фаршированных баклажанов и каких-нибудь сладостей?

– Договорились.

Полицейский начал переминаясь с озабоченным видом.

– К несчастью, у меня не осталось денег. Я отдал ваши деньги жене.

Был ли он женат? Азад не доверял ему больше ни в чем. Он поднялся с земли и сказал внушительно, с нажимом:

– Если вы забыли поставить в известность моего отца, то еще есть время. Я вам обещаю тридцать ливров.

Полицейский заторопился с протестом, который, однако, не убеждал:

– Он оповещен... Я хочу сказать, что послал приятеля. Я его не

видел еще... Сколько, вы говорите?

– Тридцать ливров.

– Какой вы щедрый, господин Дурян! Надо было мне самому сходить, да, жаль, что я обязан оставаться здесь. Я не могу оставить свой пост до завтрашнего утра. Но можете не сомневаться, на заре я возьму извозчика и поеду к вашему отцу. – Он умолк и улыбнулся медово:

– Деньги вы мне дадите сейчас?

– Когда увижу отца.

– Вы мне не доверяете? Давайте договоримся так: половину вы мне дадите сейчас и половину – по велению вашего сердца.

Озлобленный, Азад не выдержал и сунул ему десятиливровую бумажку. Полицейский сложился вдвое...

– Пойду, закажу обед.

Он направился к выходу своими торопливыми мелкими шажками.

...Солнце склонилось к закату, дворик просквозило свежим ветерком. Азад вернулся в помещение и устроился в сторонке. Какое абсурдное положение! Временами все казалось сном. Что он тут делает среди этих оборванцев? В этот предобеденный час он должен находиться в своей комнате, за работой. Редактор «Арарата» ждет его в своем кабинете, и он ни разу не опаздывал. Азад вел размеренную жизнь, и его отсутствие должно беспокоить родных. Законно ли то, что его содержат вместе с воришками? Что обозначает выходка комиссара, хотевшего заставить его подписать бумажку, которая обезличивала памфлет?

Его отвлек от тягостных мыслей дежурный полицейский, который устанавливал на столе керосиновую лампу. Открылась дверь, какой-то человек внес две корзины и, поставив их в угол, удалился. Арестанты не заставили себя ждать. Обед состоял из хлеба и сыра. Куда же подевался толстяк со своим заказным обедом? При виде дружно жующих челюстей, уничтожающих еду с зверским аппетитом, у Азада потекли слюнки. Какой-то горбун, наблюдавший за ним, принес кусок хлеба с сыром. После короткого колебания Азад взял еду и вонзил зубы в хлеб. Он с утра ничего не ел, и это небольшое подкрепление улучшило его самочувствие. Он уселся на земле, обняв колени и опершись о стенку. Люди расходились по своим углам и укладывались на ночь. У стола остался дремать полицейский с сигаретным окурком на губе. Азад поднялся и подошел к нему. Полицейский вопросительно ждал. Бесцветное лицо, мешки под глазами, впалые щеки. От сигареты

исходил сладковатый запах. Вероятно, к табаку был подмешан гашиш – по обычаю, широко распространенному на рынках Константинополя.

– Куда девался ваш коллега? Он должен был оповестить моего отца...

Лицо полицейского иронично скривилось. Он громко фыркнул.

– Много денег отдали?

– Достаточно.

– Он не вернется. Сегодня сменился.

– Вы уверены, что он даст знать отцу?

– Не думаю...

После недолгого колебания Азад сказал:

– А если я вам предложу ту же сумму?

– Не стоит труда. Я дорожу моей униформой. Вам лучше отправиться спать. В крайней камере найдется место. Спокойной ночи.

Азад не стал настаивать и направился к указанному месту. Два человека спали на соломенном тюфяке. Оставалось еще местечко на грязном матрасе. Он с отвращением отбросил его и устроился на глиняном полу, подтянув колени и положив голову на руку.

Азад раздумывал над своим положением. Он был арестован незаконно, и объясняться в суде ему следует в присутствии адвоката. Беспokoила его не столько собственная судьба, сколько тревога о семье. Ему никогда не приходилось ночевать вне дома без предупреждения. Они могут подумать, что он стал жертвой несчастного случая.

Нервы напряглись до предела. Он вскочил вдруг и бросился к двери. Она была заперта. Подошел к полицейскому, протянул руку, чтобы растолкать его, но удержался. Чего ради? Положив голову на руки, тот сладко похрапывал, лицо расслаблено и счастливо... Днем оно было печальным.

Из пепельницы торчали окурки, вокруг крошек сыра суетились муравьи. Азад вернулся к своему месту, не сомневаясь, что уснуть ему не удастся. Но вскоре отпустили нервы, опустела голова, теплая волна прошла по телу, и он забылся.

Он был разбужен зловонным запахом. Арестанты мочились на стены внутреннего дворика. Умыться было негде – никаких источников воды, кроме кружек, предназначенных для питья. Азад поднялся,

потянулся, чувствуя, как одеревенело тело, и вышел во дворик. Чувствовал себя отвратительно. Было такое ощущение, что он набрался вшей. Арестанты принялись за вчерашние занятия: карты, кости, нескончаемая болтовня. Их можно было навечно оставить в этой тюрьме. Никто не протестовал и не выказывал недовольства. Кое-кто пел. Полицейский, распоясанный, с обнаженной грудью, со свистом вдыхал влажный утренний воздух. Приметив Азада, он спросил:

– Удалось вам поспать?

Азад не любил жаловаться, да и не хотелось выворачивать перед ним свои чувства, хотя, в отличие от толстяка, этот полицейский не вызывал неприязни.

– Ко всему привыкаешь, – сказал он спокойно.

– Тем лучше. Не бойтесь, вы недолго пробудете здесь. Вот-вот должен прийти судья Хикмет, и ваша участь будет решена.

– Во сколько он явится?

– Он не опаздывает.

Эта новость взбодрила Азада. Наконец он получит возможность объясниться, а эта ночь, проведенная в тюрьме, послужит ему жизненным уроком. В его голове уже складывалось будущее стихотворение. Он опишет эти места такими, какие они есть, нисколько не драматизируя, и выделит лишь злоупотребление властей, которые позволяют себе по незаконному решению арестовать гражданина и изолировать его от всего остального мира. Он не станет говорить о продажных полицейских...

За тюремной стеной возникли базарные шумы. Торговцы арбузами, дынями, помидорами, огурцами орали как резаные. Крики ослов и собачий лай дополняли «музыку». Азад прохаживался в центре двора, держась подальше от «пахучих» с утра стен. Его не отпускало желание выпить чашку чая, погрызть маслин. Словно угадывая его желания, к нему ленивой походкой подошел давешний горбун, поделившийся за ужином хлебом и сыром.

– Ну, как моральный дух?

– Спасибо, потихоньку.

Другие арестованные избегали Азада. Горбун был выше их уровня, одет скромно, но опрятно и имел вид честного труженика.

– Вам не хочется погрызть фруктов? Апельсины, яблоки, бананы?

Азад посмотрел на него удивленно и ничего не ответил. Горбун улыбнулся, снял с ноги башмак и принялся стучать с перерывами о

стенку, прислушиваясь. Наконец оттуда донеслось:

– Яблоки наливные, бананы! Гони монету!..

Горбун кинул за стенку несколько монет и, отступая, растопырил пальцы, приготовившись. Яблоки, а за ними бананы полетели через стену. Горбун ловил их с легкостью обезьяны, часть добычи передал Азаду, три яблока кинул в сторону группы заключенных.

– Надо устраиваться в жизни...

Он вгрызся в желтую корку, моментально очистил апельсин и отправил дольки в рот. Азад последовал его примеру и с последним глотком почувствовал себя повеселевшим.

Около одиннадцати часов полицейский впустил судью Хикмета. Его тут же окружили заключенные. Азад сдержался, остался стоять в стороне. Судье было около сорока, он носил бородку клинышком, над губой виднелся небольшой шрам, создававший впечатление улыбки. Полицейский отстранил людей, и судья, заглядывая в бумагу, которую держал в руке, сказал:

– Я буду допрашивать следующих...

Он назвал четырех, Азад не фигурировал среди них. Названные столпились в углу. Азад подошел к судье. Он чувствовал, как билось сердце, и старался унять себя.

– Господин судья, я прибыл вчера и хотел бы знать причину моего ареста.

Он знал причину, но хотел из уст судьи услышать, что арестован именно из-за статьи. Судья поднял голову, он, казалось, удивился на долю секунды.

– Вы – Азад Дурян?

– Да.

– У вас большой талант, Азад Дурян.

Они переглянулись в многозначительной тишине. Некоторые заключенные потянулись читать список через плечо судьи. Он протянул им лист. Все внимание его по-прежнему занимал Азад, которому он улыбнулся с симпатией.

– Вы видите, куда может завести талант? Если он не в пользу...

Азад запротестовал:

– Я желаю предстать перед судом, чтобы иметь возможность объясниться! Вы не имеете права держать меня здесь. Даже родителям не дают знать!

– Мы их оповестим.

– Почему не отпустить меня сейчас же? Я не убегу из Константинополя.

Судья покачал головой.

– Ваш случай не в моей власти, Азад Дурян. Я получил указания... Но не беспокойтесь, вы получите возможность защищаться...

Их слушали все, на Азада смотрели с любопытством. Судья вздохнул:

– Я должен идти...

– Вы можете уведомить моих родителей?

Дернулся шрам над губой – подобие улыбки при недовольной гримасе.

Он пробормотал: «Я посмотрю...» – и удалился, сопровождаемый четверьмя арестованными.

Полицейский запер дверь на ключ. Азад, подавленный морально, скрестил руки на груди. Он был в растерянности. Без связи с внешним миром он терял уверенность в себе. Что же предпринять? Неожиданно Азад заметил, что полицейский делает ему знаки. Держась, как подобает, несмотря на бьющееся сердце, он направился к полицейскому, за спиной которого стоял человек с желтоватыми глазами и губами ниточкой под подстриженными усами. Он держал под рукой черный потертый портфель.

– Вы – Азад Дурян? Следуйте за мной.

...Азад молча шагал за ним. В конце коридора человек толкнул дверь кабинета, прошел за стол и указал Азаду место напротив себя. Вытащив из портфеля бумаги, пробежал несколько строк, положил на стол и скрестил на них ладони.

– Я замещаю судью Хикмета... Вы будете освобождены... На этот раз вас не будут судить. Обойдется внушением, но... – Он сделал паузу и продолжал, повысив голос: – Но в течение года вы не имеете права писать в газетах ни под собственным именем, ни под псевдонимом.

Холодная дрожь пробежала по телу Азада. Литература была главной частью его жизни. Он пытался сохранить спокойствие.

– Никаких публикаций: роман, эссе и т.д. Иначе – год заключения без суда. Газеты, которые примут ваши писания, будут немедленно закрыты. – Он взял со стола лист и протянул со словами. – Распишитесь здесь...

Азад раздумывал:

– А если я откажусь подписать?

Он пожал плечами:

– Вы вернетесь в тюрьму и будете ждать суда.

Азад обмакнул перо и расписался. На свободе он, конечно, найдет средство, чтобы прекратить это незаконное судилище. Никто не запретит ему писать! С сегодняшнего вечера он начнет консультироваться с лучшими адвокатами Константинополя, он смешает небо с землей!

– Вы можете идти. Выход налево.

Не говоря ни слова, Азад покинул кабинет и через две минуты был на оживленной улице. Вдруг он увидел Тиграна, Гаянэ и ее отца. Они улыбались ему. Растроганный Азад подошел к ним.

Тигран хлопнул его по плечу:

– Тебя нам не хватало...

Гаянэ не сводила с него глаз, едва удерживаясь от желания броситься к нему в объятия. Азада тоже смущало присутствие ее отца.

Он довольствовался тем, что спросил:

– У тебя все хорошо?

Она сжала губы и не отвечала, но ее глаза растроганно блестели. Азад почувствовал, как слабеет.

– Нас ждет коляска, – сказал Тигран. – Если вам не дороги эти места...

Гаянэ села рядом с отцом, напротив Азада, от которого не отводила любящего взгляда.

– Два дня – это не конец света, – сказал Азад умиротворенно. – Хорошая баня – и все будет забыто.

– Два дня или два месяца – не в этом дело, – возразил отец Гаянэ. – Нельзя бесцеремонно бросать в тюрьму такого человека как вы. Есть судьи и суды в Константинополе.

Азаду не хотелось драматизировать случившееся.

– Я уже все забыл...

Отец, мать, сестра ждали у двери дома. Мать плакала и не могла произнести ни слова.

– Баня готова, – возвестила служанка.

– Сейчас иду...

Азад поднялся в свою комнату. Здесь ничего не изменилось. Он разволновался при виде своего рабочего стола, стопки бумаги, ручек, чернильницы, пресс-папье. Никто не помешает ему сесть за стол и

писать! Его счастье, волнения, смысл жизни с этого момента находились в его руках. Преодолев желание тотчас же приняться за работу, он сбросил с себя одежду, надел халат и закрылся в ванной.

X

Отелло пришел в сопровождении редактора «Арарата». Он заключил Азада в крепкие объятия, слишком взволнованный, чтобы говорить. Все дело началось по его вине. Потукян улыбнулся молодому человеку:

– Ну что ж, я думаю, ты немедленно сядешь за работу?

– Разумеется, – отвечал Азад.

Что-то беспокоило в поведении Потукяна. Он казался чем-то озабоченным, старался скрыть нервозность. Надо бы с ним поговорить...

Неожиданно явился сапожник со своей женой. Лицо багровое, обзленный на весь мир. Как могли осмелиться посадить в тюрьму поэта!..

Гостей усадили в большом салоне, подали кофе и апельсиновый напиток. Азад чувствовал себя выздоравливающим больным. Его нежили, ласкали, расточали слова, призывавшие мужаться.

Уже несколько раз Гаянэ делала ему тайные знаки, она хотела поговорить с ним. Выбрав момент, Азад встал и направился в сад. Вскоре Гаянэ была с ним. Раскрасневшаяся, с блестящими глазами, она взяла его руки и на минутку тесно прижалась к нему. Азад вдыхал легкий аромат ее духов.

– Ну, как ты? – спросила она. – Не очень страдал?

Азад гладил ее волосы.

– Нисколько. Наоборот, я использовал это время на размышления.

Она высвободилась из его объятий и сказала с волнением:

– Я тебя прошу, Азад, не ломай голову слишком, подумай о своей жизни, ты мало бываешь на воздухе. У меня такое впечатление, что ты живешь только для других.

– Ты ошибаешься. Я обожаю жизнь, природу, деревья...

– Если бы у меня был твой талант, я бы написала пьесу... что-нибудь поэтическое.

Азад вздохнул:

– У нас десятки поэтов, которые воспевают природу, любовь, добрые чувства. Я же нахожу успокоение в борьбе... А если я напишу пьесу, меня засадят в тюрьму на десять лет.

– Какая борьба! – воскликнула Гаянэ. – В стране мир... Время от времени турки ищут случай задеть нас, чтобы... чтобы доказать свое

так называемое преимущество, но мы смеемся над этим, у нас есть депутаты в ассамблее, чтобы защищать нас...

Заметив удивление на его лице, девушка умолкла. Она хотела лишь успокоить Азада, а вышло, что рассердила, и тот отчитает ее. Но нет, он сказал тихо:

– Увидим.

Какой смысл пускаться в полемику с девушкой, которая мирно живет под родительским крылом, музицируя и играя в комедии? Азад переменял тему:

– Что ты делала эти дни?

– Думала о тебе. А ты? – Гаянэ хотела спросить, думал ли он о ней.

– Я?.. Я познакомился с одним симпатичным и добрым горбуном. Имел случай побеседовать с ворами. Пытался подкупить полицейского, но он обвел меня вокруг пальца. Мечтал одолеть тюремный забор, чтобы повидаться с тобой...

Девушка широко открыла глаза.

– Правда?.. Если нам придется вдруг расстаться на месяцы, что мы будем делать?

Он хотел ответить шуткой, но при виде ее серьезного лица, задумался и обронил:

– Это будет проверкой для наших чувств.

– Я не нуждаюсь ни в каких проверках. Я знаю себя. Я не покину тебя никогда. – Она сделала попытку улыбнуться. – Глупая, что задаю тебе подобные вопросы... Но ты временами наводишь на меня тоску... Такое впечатление, будто в одиночку хочешь переменить мир.

Он пожал плечами:

– Мне нет дела до всего мира. Я хочу переменить среду, в которой живу; я хочу, чтобы нас, армян, признавали наравне со всеми остальными гражданами; я хочу, чтобы в один прекрасный день признали нашу независимость; я хочу служить армянскому руководителю, будь то принц, король, поэт, рабочий, но ар-мя-нин! – сердце Азада вдруг бешено забилося, и он порывисто прижал к груди ее руки. – Знай, Гаянэ, раз и навсегда: мои убеждения идут впереди моих чувств. Я тебя очень люблю, ты это знаешь, но я не из тех мужчин, что нежно воркуют возле красивой жены – милой, внимательной и тому подобное. У меня в голове засел зверь, и он гложет меня. В тот день, когда я раздавлю его, я женюсь на тебе.

Гаянэ слушала его, потрясенная. Глаза ее погасли, она сказала едва слышно:

– Что это за зверь такой? Я не могу помочь тебе раздавить его?

Азад почувствовал себя совсем легко и рассмеялся от души. Он подсадовал, что говорил слишком резко, но это надо было сделать, чтобы расставить все по своим местам.

– Ну почему нет? Мы посмотрим. А сейчас ты пойдешь в дом и скажешь Потукяну, чтобы он пришел сюда. Мне надо с ним поговорить.

Гаянэ не двигалась с места и не сводила с него глаз. Азад привлек ее к себе и поцеловал. Девушка расслабленно улыбнулась.

– Хорошо, хорошо, иду...

Она обернулась два или три раза, посылая ему воздушные поцелуи.

...Силуэт Потукяна Азад заметил издалека и пошел навстречу. Они молча переглянулись. Губы Азада растянулись в злой улыбке, он обронил:

– Я вынужден был подписать бумагу...

– Я в курсе. Они приходили в газету, меня тоже предупредили. Ты нагоняешь на них страх. Ты им мешаешь. Это уже кое-что. – Редактор привычным жестом снял очки, потер их платком и снова надел. – Я советую тебе продолжать писать, и думаю, месяца через три все войдет в колею. Мы предпримем свои меры.

Потукян взял Азада под руку, и они пошли по аллее, беседея.

– Ты всегда можешь начать роман, он позволит тебе раскрыть свои мысли более полно...

– Я не знаю, хватит ли у меня дыхания? Какой роман? О чем я стану говорить?

– Ты сможешь найти десяток сюжетов! Расслабься на некоторое время, отступи. С романом ты завоеешь широкую публику, я в этом уверен. Никто не помешает тебе писать. Главное – не заржаветь...

Азад улыбнулся. С этой стороны нет опасности. С некоторых пор уже складывались в уме отдельные фразы. Он не ждал вдохновения перед чистым листом, но писал с раскованной легкостью.

– Что вам сказали в редакции?

Потукян пожал плечами:

– Угроза совершенно определенная. – Он посмотрел с некоторой

гордостью. – Сотрудничество с господином Азадом Дуряном влечет немедленный запрет «Арарата». Просто и понятно. Как видишь, одно твое слово в колонке газеты, и все взрывается! Редкий случай.

– Это правда взрывается... Да, надо подчиниться и убрать когти, вы правы. Я отступлю...

Азад произнес эти слова без горечи, зная, что очень скоро засядет за работу. Все, что он писал для «Арарата», было не более чем упражнение в стиле. Он счастливо улыбнулся.

– Я вижу, вижу... – пробормотал Азад, заведя сестру, которая делала ему знаки. – Идем...

Он отломил метровую ветку, сделал из нее две, потом четыре. Сказал задумчиво, как бы сам себе:

– Последние хорошие денечки...

Перед ними взлетела стая птиц. Кот, который пас стаю, отвернулся и стал тереться о ноги Азада, вздернув хвост трубой. Его круглые зеленые глаза мерцали недобрым светом...

XI

Уже несколько дней Азад и Тигран находились в Ангоре, в одном из значительных городов Анатолии, где проживала большая армянская община. Приехали они на празднование пятидесятилетия их родственника Донабедея, мускулистого здоровяка почти двухметрового роста. Воздух в просторном салоне был настоен на запахе кофе и сигаретного дыма. Гости, отпировав, отдыхали. Братья беседовали с одним дальним родственником. Сам именинник, в полном параде, играл в нарды, с силой бросая кости, радовался удаче и негодовал при проигрыше, шумно двигая шашки...

Пришел и стал подле Донабедея сын, так как отец считал, что его присутствие приносит счастье в игре. Когда случалось, что

кости оказывались на ковре, мальчик молча поднимал их и вручал игравшим.

Вдруг со стороны улицы послышались крики, топот. Гости вскочили с мест. Нечеловеческие крики проникали сквозь стены. Невыносимые стоны терзали слух. Что это могло быть? Донабемян первый, за ним гости бросились на улицу, где увидели растерянную толпу мужчин и женщин что-то кричавших и жестикулировавших.

– Что здесь происходит?..

Подошедший, босой и в рванье, похоже, был рабочий. Следом приблизились две женщины и трое мужчин. Ими овладела неопишуемая паника, они лишились дара речи. Наконец, младшая из женщин выговорила с трудом:

– Курды...

– Ну? – нетерпеливо спросил Донабемян. – Они увели скот? Ограбили дома?

Женщина покачала головой, не в силах продолжать, на помощь пришел, едва отдышавшись, один из мужчин:

– Они перебили целые семьи...

– Когда?

– Полчаса назад...

Дом Донабемяна стоял чуть в стороне от армянского квартала, в окружении подворий более или менее зажиточных турецких семей. Район был тихий. Донабемян знал всех своих соседей-турок, бывал у них в гостях и принимал их у себя.

– Пойдем, посмотрим, – приказал он и обратился к беженцам: – Зайдите ко мне, выпейте по стаканчику.

В сопровождении десятка гостей он двинулся в указанную сторону. Азад и Тигран шли по бокам. Никто не разговаривал, слышался лишь шум шагов по мостовой. По мере приближения к армянскому кварталу, они ускоряли шаг, почти переходя на бег. На их пути попала турецкая семья, высыпавшая гурьбой за ворота своего дома. Донабемян, зная их, остановился и громко спросил:

– Вы в курсе?

Отец семейства, рослый весельчак, державший мануфактурную лавку, поднял руки к небу.

– Большая беда, господин Донабемян...

Его жена, под чадрой, не сказав ни слова, горестно покачала головой. Донабемян двинулся дальше. Азад едва сдерживал себя,

чтобы не бежать. Наконец, минут десять спустя, они вошли в кривой квартал, заканчивавшийся церковью с колокольной. Дома были одно и двухэтажные и лепились один к другому, некоторые стены были покрыты плющом.

Донабедян стер с лица пот, отдышался. Перед одним из домов стояли трое мужчин, один из них, низкорослый и коренастый, держал в руке ружье. Появился священник. Полы его рясы были в пыли. В его маленьких черных глазках сменялись удивление, страх, сожаление. Руки, державшие молитвенник, дрожали. Он прошептал:

– Да простит им господь...

Донабедян окинул его не-

почтительным взглядом.

– Скоро сказано, отец мой. Что тут произошло?

Редкие жители появлялись на улице. Слышались крики и причитания. Человек небольшого роста с бледным от ужаса лицом отвечал вместо священника срывающимся голосом. Временами он переходил на неразборчивую скороговорку:

– Они казнили сорок человек за десять минут... Они врываются в дома, вырезали целые семьи, вот что здесь произошло. Что вы хотите узнать еще?

Он зло вперился в Донабедяна, на губах его лопались пузыри пены...

– Как они появились? Неужели никто не мог поднять тревогу? Раньше происходила такая резня в квартале?

Собравшись с духом, заговорил священник:

– Мусульмане редко бывают в этом христианском квартале.

Здесь им нечего делать... Население враждебно к ним...

Слова с трудом сходили с его губ, он был потрясен и пытался что-то уяснить для себя.

– Войдите, и вы увидите все своими глазами! – выкрикнул низкорослый.

– Успокойтесь, мой друг, – сказал Донабедеян. Прежде чем войти в дома, он хотел добыть хоть какие-нибудь мотивы преступления, свидетельства очевидцев. Вокруг него собирались люди, его знали. В Ангоре он имел репутацию деятельного патриота, много времени отдавал на разбор конфликтов между христианами и мусульманами, поддерживал дружеские связи с властями.

– Кто-нибудь может рассказать толком, как все произошло?

По толпе прошел шепот.

– Я могу! – послышался голос.

– Выходи.

Мальчишка лет тринадцати, раздвигая толпу, предстал перед Донабедеяном. Диковатый вид, на костистом лице – огромный нос крючком, недобрый светом пылал его взгляд... Подросток приготовился говорить, но Донабедеян поднял руку.

– Как тебя зовут, сынок?

– Арам.

– Ты живешь в этом квартале?

– Нет, мой дом на взгорье. Мне нечего было делать после обеда, я пришел сюда к своему другу, но его не оказалось дома, и я решил подождать его.

– Что делают твои родители?

– Мой отец столярничает.

– Хорошо, слушаю.

Арам устремил свой взгляд в сторону горизонта и продолжал подавленно:

– Делать мне было нечего, я прошелся по улице, потом залез на дерево, я люблю это дело. Уселся на ветке, смотрю по сторонам. Народу было мало, бегали собаки, и пастух только что прогнал стадо. Вдруг я услышал галоп и увидел всадников. Это были курды. Они остановились посередине улицы, вытащили свои сабли и ножи и побежали к домам. Кто открывал, к тем врывались... – Мальчишка перевел глаза на Донабедеяна и застыл. Голос стал прерывист и тих. – Я услышал крики... страшные крики... Они входили и сразу выходили...

Ломали двери... И пяти минут не прошло, как они приехали и уехали...

Он умолк. Воцарилась давящая тишина. Донабедян вздохнул:

– Ты не думаешь, что они искали кого-нибудь? Или нескольких человек?

Арам покачал головой.

– Нет. Когда какая-нибудь дверь не открывалась, и они не могли ее сломать, то шли к соседу... А когда уезжали, проклинали армянский род и христиан, ругались и плевали на землю.

– Курды, говоришь? А ты не заметил среди них турецких солдат?

– Как же. Конечно. Я насчитал их с полдюжины в солдатской форме. А еще был капитан. Он всеми командовал... А потом они усаkali как трусы и все время стреляли...

Донабедян задумался. Если в операции участвовали турецкие солдаты, значит, речь идет не только о курдских грабителях, которые наводняли эти места. Он оглядел Арама.

– Ты входил в дома?

– Нет, – отвечал он бесцветным голосом.

– И хорошо сделал. Я тебе советую возвратиться к себе.

Донабедян силился понять, и все вокруг задавали себе тот же вопрос: почему? Почему турецкие солдаты во главе с офицером?..

С этими мыслями он подошел к дому с вышибленной дверью, проник вовнутрь, за ним – Азад, Тигран и еще несколько человек. В комнате они нашли четыре трупа. Отец, которому лет пятьдесят, с перерезанным горлом плавал в собственной крови. Мать, с зияющей раной на шее, как сидела, так и осталась сидеть, склонив голову на плечо, кровь все еще текла по платью. Юноша лет двадцати стоял на коленях, привалившись лицом к стене, руки изрезаны – пытался заслониться от неумолимого лезвия, которое

достало и отвалило щеку, потом горло. И еще одна жертва: женщина на стуле, лица не видно, голова склонена на стол. Никакой видимой раны. Волна каштановых волос накрыла брошенные на стол руки.

Донабедян молча застыл перед этим ужасным зрелищем. Хотелось еще усомниться, на что-то надеяться... Он остановил взгляд на последней жертве – может быть, жива? – но не осмелился прикоснуться к ней. Азад, угадав его мысли, приложил руку к спине женщины. Она не пошевелинулась. Продвинул руку к волосам, осторожно поднял голову. Глаза были закрыты, к коже лица прилип кусочек мяса из тарелки, стоящей перед ней. Это была девочка лет пятнадцати. Никаких следов крови. Азад был готов заговорить с ней, но Донабедян показал на горло. На коже виднелся фиолетовый круг. Она была задушена.

Никто не проронил ни слова, все стояли остолбенев. Наконец, Донабедян первым, остальные за ним покинули дом и тяжелым шагом направились в соседний. Два человека у порога говорили о чем-то вполголоса, они отступили, пропустив Донабедяна и Азада. Та же леденящая кровь картина. Старик, растянувшийся вдоль кровати, с широко открытыми глазами, с перерезанным горлом. Старуха в углу на низком стуле, с кофейной мельницей в руках. Разбит череп, на лбу брызги мозгов, на волосах осколки костей. Стол и стулья перевернуты. В соседней комнате, куда тянулся кровавый след, на кровати молодая женщина с ребенком, прижатым к обнаженной груди, – месиво, залитое кровью.

– Пойдем, – проронил Донабедян.

Мужчины, стоявшие у порога, сказали, что хозяин дома работает на стекольном заводе и вернется поздно. Донабедян поднял руки в бессильном жесте. Он отказался от мысли побывать в других домах. Зачем? Азад спросил священника:

– Сколько всего погибших?

– Сорок два человека.

– Где вы были во время этой резни?

В голосе Азада угадывался злой упрек, и священник сказал, оправдываясь:

– Я был у себя в саду и ничего не слышал. Они подкрались как воры. Я услышал выстрелы, уже было поздно, – и, подняв руку, он добавил: – Что бы я смог сделать?

Неподалеку бился в истерике мужчина. В руках у него было ружье, и он кричал:

– Я отомщу!.. Я свалю первого попавшегося турка!

Его обезоружили и не выпускали, обступив вокруг.

– Кто это? – спросил Азад.

– Оган Овян... он только что пришел. Погибли жена и двое деток. Оган отбивался. Наконец, с ним справились, прижали к земле.

– Горе, горе... – шептал священник, качая головой. В какой-то момент, когда Оган кричал о мести, кровь ударила в сердце, Азад был готов на все, но потом, остыв, ощутил лишь глухое раздражение, вынужденный признать разумным укрощение Огана. Что бы он мог сделать? Убить одного-двух турок? А потом?

Донабедян отдавал распоряжения:

– Надо похоронить наших покойников, навести в домах порядок, и оставаться спокойными. Я сейчас же отправлюсь к префекту и потребую объяснения.

Он держался и говорил властно, чтобы внушить уверенность жителям квартала. Послышались голоса:

– Префект вас не примет...

– У него указания из Константинополя. Настоящий ответчик – султан.

Донабедян поднял руку:

– Посмотрим. Я вас сразу же поставлю в известность.

– Надо забаррикадироваться, – крикнул старик. – Они могут вернуться.

Это предположение заставило толпу вздрогнуть.

– Он прав. Мы должны приготовить оружие.

– Спокойствие, спокойствие, друзья мои. Расходитесь по домам и доверьтесь мне, – сомнение, однако, не обошло его и он добавил: – Баррикадируйтесь, но не накаляйте обстановку. Есть власти в Ангоре – мэр, префект...

– Убийцы!

Толпа возбуждалась все сильнее. Священник закричал:

– Я пойду с господином Донабедяном. Окажите нам доверие.

– Мы идем, – подтвердил Донабедян.

Они выбрались из толпы и взяли направление к центру города.

Донабедян шел с одышкой, священник, несмотря на свои короткие шажки, не отставал от него и не выпускал из рук своего молитвенника. За ними увязалась собака, но вскоре отстала.

У Тиграна был потерянный вид. Он отвел брата в сторону:

– Ты не думаешь, что нам надо вернуться в Константинополь? Родители будут волноваться... завтра утренний поезд...

– Да... – неопределенно проговорил Азад.

– Как тебе все это? Невообразимо...

– Ты входил в другие дома?

– Нет, нет... Я видел четыре трупа, с меня хватит. Я не поверил бы, что курды могут так поступить. Какие варвары!

– Среди них были турки. Один офицер...

В глазах Тиграна блеснуло недоверие.

– Ты веришь? Я думаю, парнишка преувеличил.

– Нет. Я даже думаю, что турки переоделись курдами.

– Не думаю. Не надо перегибать. Мы знаем турок, мы живем среди них, у нас есть друзья. Они живут и думают как мы. Тогда как курды... – дикари, кочевники, которые живут грабежами. Вспомни мою историю. Но если подумать глубже, я не представлял себе, что они дойдут до этого... перебить стариков, женщин, детей...

Перед глазами вновь промелькнула страшная картина окровавленных тел, и у него спазмом перехватило горло. Азад думал о том же. Временами ему казалось, что все произошло не наяву, что он бредит, как это было с ним однажды во время приступа малярии. Обычно малейшая несправедливость, малейший удар по самолюбию армян вызывали в нем горячий протест и возмущение. Теперь же он пребывал в полной растерянности: сорок два трупа – безобидные создания, вся вина которых лишь в том, что они имели несчастье родиться армянами...

Вдруг раздались пронзительные крики, и толпа, подхваченная ветром паники, рассыпалась на фигурки, мятущиеся в поисках укрытия. Послышалось ржание, и по улице прокатилась туча пыли, из которой, как призраки, возникли три всадника. Они были вооружены и причудливо одеты. Кожаные жилеты, бараньи шкуры поверх курток, штаны, заправленные в высокие сапоги, широкие пояса вокруг мощных торсов. Кинжалы, ружья, патронташи украшали седла их коней.

Тигран подумал, что пришел его последний час, но остался с колотившимся сердцем рядом с братом, изобразив на лице презрение. Азад даже скрестил на груди руки и замер в ожидании. Он не чувствовал страха, только щемящее чувство несправедливости разрывало грудь. Когда всадники осадили коней прямо перед растерянными людьми, он обратился к незнакомцам по-турецки:

– Зачем вы пришли на эту улицу?

Вся троица переглянулась удивленно, и тот, что покрупнее, натянул поводья своей лошади:

– Вы не армяне?

Ошеломленный Азад оглядел их более внимательно. Они были похожи на курдов, на турок, на татар, на дикарей. Такое впечатление оставляли их одеяние и дородность. От них разило потом, чесноком, полевой травой. Они были похожи друг на друга, как братья, – носатые, мускулистые, загорелые.

– Мы армяне. Из Зейтуна. Мы услышали о побоищах и пустились в путь. Что произошло на самом деле?

Азад вздохнул. На улице снова появились люди, некоторые из них были вооружены. Они подходили осторожно.

– Это армяне! – закричал Тигран.

Азад обратился к всадникам:

– Вы давно в этих краях?.. До Зейтуна далековато.

Более рослый, на беспокойном коне, бросил:

– С сегодняшнего утра. Мы обретаемся в здешних горах и долинах. В города заходим редко. У нас нет никаких документов.

Этот гигант понравился Азаду.

– А имена у вас есть?

– Меня зовут Варуг. А это мои братья: Шаган и Гарбис. Мы, Мудеряны, бросили наш город, наше ремесло, чтобы жить свободно.

– И как вам живется – свободно?

Громкий смех сотряс мощный торс.

– Живем коварством. Мы больше не люди, мы – лисы, волки, шакалы. Охотимся ночью, спим на зорьке. Немножко режем курдов. Видите эту руку? Это рука мести!

Жители улицы смотрели на них широко открытыми глазами. Эти три брата возбуждали в людях чувство мести и заражали своим энтузиазмом. Кто-то крикнул:

– Идемте мстить за наших мертвецов! Эти негодяи загубили сорок

две невинные души!

– Утихомирься, брат. Расскажи сперва, что тут произошло, а мы потом посмотрим. Сколько у вас оружия?

Сосчитать было недолго: десяток старых ружей, с которыми ходили на охоту, да несколько десятков патронов. Двадцать кинжалов и одна старинная сабля. Могучий Варуг сокрушенно покачал головой. У него была богатая шевелюра и черная борода. Он спешился, приседая и вставая несколько раз, размял мускулы ног, затем направился к одному из домов, бросив на ходу:

– Вам надо запастись настоящим, теперешним оружием. А то, что у вас, ни на что не годится.

Он исчез. Братья, ожидая его, настороженно оглядывали окрестность. Варуг показался минуты три спустя и был встречен возгласом ужаса. В вытянутой руке он держал за волосы отрубленную мужскую голову, и при этом не казался взволнованным, спросил спокойно:

– Как его звали?

Женщины прятали лица. Кто-то крикнул:

– Саак Малян... сегодня утром я играл с ним в нарды...

Варуг поднял голову на уровень своих глаз.

– Саак Малян, ты больше не будешь играть в нарды с соседями, не будешь вдыхать запах цветов Ангоры. Сегодня тебя подло убили турки. Мои братья и я клянемся отомстить за тебя раньше, чем на землю придет ночь. Три турка заплатят жизнью за твою...

В довершение ужаса веки обезглавленного поднялись, и два круглых глаза уставились на Варуга, который твердым шагом подошел к своей лошади и, попросив у стоящего рядом мужчины шарф, завернул в него голову и уложил ее в свою сумку. Проделав все это неторопливо и даже торжественно, он вскочил в седло.

Азад с душевным подъемом и тоской наблюдал всю эту сцену. Он завидовал этим людям, ставшим вне закона ради свободы и ушедшим под кров родных гор. Они казались ему непобедимыми.

– Куда вы теперь? – спросил он их.

– Мы – везде и нигде.

– Зайдите ко мне передохнуть, – попросил человек с малышом на руках. – Жена приготовила плов с курицей. Окажите честь...

– В другой раз, – отвечал Варуг. – Сначала я хочу отомстить за вашего соседа.

– Будь осторожнее.

Губы его скривились в презрительной улыбке, густые брови вздернулись вверх, он промолчал. Послышался тонкий гнусавый голос:

– Что нам делать? Дайте совет. Турки могут вернуться, у меня жена, трое детей...

Варуг призадумался.

– Держитесь вместе. Не давайте убийцам без отпора. Добывайте оружие. Вы можете купить его на базаре... удачи вам.

И они снова скрылись в клубах пыли. Жители улицы понуро глядели друг на друга, они были подавлены до крайности. Ах, если бы эти бравые братья согласились

остаться с ними!..

– Будем надеяться, что Донабедян вернется с ободряющими новостями. А тем временем...

Человек умолк. Кто-то бросил:

– Тем временем будем хоронить наших мертвецов.

Хотя на дворе догорал еще день, в гостиной зажгли толстые свечи, чтобы как-то развеять тоску. Гости разошлись по домам. Семья с нетерпением ждала отца. Почему он так сильно запаздывал? Был ли это добрый знак? Собравшиеся в гостиной задавали себе эти вопросы, прислушиваясь к малейшему шуму извне. Сын Донабедяна, о чем-то говоривший с матерью вполголоса, встал и принялся мерить шагами пол в гостиной, сцепив руки за спиной. Тень, увеличенная и округленная на стене, заставляла думать, что ходит отец.

Тигран раскладывал пасьянс. Азад пробежал глазами газетные строки, не в состоянии сосредоточиться на их смысле. Он снова видел женщину, прижимавшую к груди ребенка, оба утопавших в крови; голову, которую Варуг заворачивал в шарф... Страшные видения обступали его. Сорок две жертвы! Возможно ли это? Надо было

встревожить отца, поставить в известность армян Константинополя, распространить известие. Описать эту бойню. Ком, стоящий в горле, разрастался, он чувствовал покалывание на кончиках пальцев, которые тянулись к перу и которые с этих пор не имели права откладывать его в сторону. Он всегда может написать статью, облегчить свою душу, получить удовлетворение. Но для кого писать, если запрещено печатать? Он вдруг резко поднялся, пересел на другой стул, с силой обхватил опущенную голову руками – и все это, чтобы изменить ритм дыхания, прервать ток крови, бьющий в сердце...

Послышался стук копыт, все прислушались. Карта, которую держал в руке Тигран, осталась в воздухе, и когда шум удалился, он положил ее на другую. В полуоткрытой двери появилась служанка.

– Что вы желаете выпить: кофе или сок?

Госпожа Донабедян подняла голову и окинула всех вопросительным взглядом.

– Мне чашку кофе, пожалуйста, – сказал Азад.

Служанка повернулась спиной, когда подал голос Донабедян-младший:

– Апельсинового сока...

Снова установилась тишина. Слышалось, как шелестели карты в руках Тиграна. Азад, выпив кофе, возвратил чашку и, чтобы развеять гнетущую атмосферу, спросил:

– Кто хочет погадать мне на кофейной гуще?

– Это сделаю я, – с готовностью подала голос госпожа Донабедян.

Она поднялась, взяла его чашку, повертела в руках и стала изучать контуры, образовавшиеся внутри.

– Мой дорогой Азад, вскоре ты получишь письмо, очень важное, которое изменит твою жизнь...

И снова гнетущее молчание. Неожиданно Азад вскочил на ноги.

– Тигран... пойдём, пройдемся по городу. Мне не по себе. Я хочу узнать точно, что там происходит, уже все должны быть в курсе.

– Что ты хочешь узнать? – спросил тот, не оставляя карт.

– Ты не отдаешь себе отчета... Ты же видел эту резню... Ты видел эту несчастную мать с ребенком на груди...

– Господин Донабедян объяснит нам все.

– Где он? Мы не можем ждать бесконечно. Нам надо было сопроводить его. Пойдем ему навстречу.

Тигран не трогался с места. Вмешался сын хозяина дома:

– Подождем еще четверть часа, потом решим...

– Должно быть, на улице опасно, – сказала госпожа Донабедеян.

– Отца все уважают. Ничего с ним не случится.

Азад усмехнулся внутренне и не стал высказывать своих опасений, чтобы не тревожить женщин.

– Подождем еще полчаса.

Послышались шаги служанки в соседней комнате и сразу – густой кашель Донабедеяна. Пришел!.. Все повернулись к нему с немим вопросом в расширенных глазах. Вошедший замер в дверях, как бы не решаясь переступить порог. Застывшее выражение лица, сморщенный лоб, полная опустошенность во взгляде. Он отдавал себе отчет в том, как выглядит, и попытался ободряюще улыбнуться, но улыбка была похожа на гримасу и никого не обманула.

– Ну, как вы тут, друзья, провели время после обеда?

Никто не отвечал. Ждали его объяснений. Он сел в кресло, подавленный, с опущенной головой, руки бессильно легли на колени. Все сгрудились вокруг него в нетерпеливом ожидании.

– Ну, пришли мы со священником к мэру, которого я хорошо знаю и поддерживаю дружеские отношения... К несчастью, его не оказалось на месте. Я был принят его помощником и, представьте себе... – он достал платок и высморкался, – тот ничего не знал о резне... с неба упал. Единственный, кто был в неведении, хотя весь город только об этом и говорит. Я не стал его раздражать, сделал вид, что поверил, и

спросил, какие меры он собирается предпринять. Помощник отвечал с некоторой долей откровенности... если, конечно, он не врожденный артист, что сейчас же поднимет по тревоге жандармов и сделает все необходимое, чтобы пролить свет на этот прискорбный инцидент. Он говорит об инциденте...

Донабемян перевел дух и, не заметив, что Азад хотел обратиться с вопросом, продолжил:

– Я сказал, что в «инциденте» принимали участие турки. Тут он снова изобразил святого, начал клясться, что это невозможно, что речь может идти только о банде курдов и что мальчишка, давший информацию, ошибся. Подождите... да... может быть и так, что курды переоделись в турок. Как раз замечена большая кража униформы. Заключение: это может быть только делом дикой орды.

Донабемян вытер руки платком, который положил в жилетный карман. Ни одно из утверждений помощника мэра не могло его убедить, а история с пропажей униформы вообще была чистым фарсом.

Азад спросил:

– Он ходил смотреть на эту бойню?

– Послал кого-то при мне, выражал соболезнования...

– Какое лицемерие! А что говорят в городе?

– Все потрясены – и армяне и турки. В знак траура все армянские магазины будут закрыты в течение двух дней.

Воцарилось молчание. В своей семье, под крышей собственного дома, у Донабемяна восстановился цвет лица. Голос его окреп:

– Эти дикие орды не улетучились! Где они находятся?

– Наверное, где-то недалеко... – предположил Азад.

– Под покровительством турок? – вставил Тигран.

Донабемян не расставался со своими сомнениями:

– Да... конечно... Не надо себя обманывать. Турки замешаны здесь, это не единичный случай, а заранее продуманный и организованный заговор. В такой-то день и час будут выпущены волки...

– Вы думаете, – спросил Тигран, – что они повторят свой налет?

В глазах Донабемяна появился металлический блеск. Он не ответил, лишь кивнул головой утвердительно.

– Что же с нами будет? – простонала вдруг его жена.

До сих пор ей удавалось сохранять хладнокровие, но перед такой перспективой нервы не выдержали. Донабемян поднял на нее глаза и попытался воодушевить прежде всего самого себя:

– Мы организуемся.

– Каким образом?

– Мы живем на тихой улице, вокруг турки. Курды не посмеют на нас напасть...

Азад перебил его:

– Нет, это не остановит их ни на секунду. И соседи ничего не сделают.

– Это правда? – потерянно спросила госпожа Донабедян.

Ее муж переменял позицию.

– Давайте без отчаяния, друзья мои. Я признаюсь, ситуация тяжелая, но события могут измениться с минуты на минуту... наша интеллигенция в Константинополе, наши депутаты не будут сидеть сложа руки, они сейчас же начнут действовать. Телеграммы дойдут до них через два часа. Я послал их штук пятнадцать, поэтому и задержался.

– Надо что-то делать, пока будем ждать, – сказал Азад. – Курды могут напасть этой же ночью. Сколькими ружьями вы располагаете?

Теперь все взгляды были обращены к Азаду. Все знали его склонность все преувеличивать из-за своего живого характера. Но, ко всеобщему удивлению, Донабедян согласился с ним:

– Думаю, он прав. Я располагаю тремя ружьями и сотней патронов. Сейчас я схожу за ними.

Донабедян живо вскочил с кресла, к нему вернулись уверенность и обычная пылкость. Он воскликнул:

– У меня заряды на дичь, как раз для диких зверей. Пока я жив, ни один курд не переступит мой порог. Ни одного стоячего в этих дверях, только лежащие с пулей в башке! Сейчас я вернусь с амуницией.

Хозяин дома поднялся на второй этаж, невнятно ругаясь и проклиная бандитов.

Слышны были его шаги и то, как он двигал шкаф. Наконец, появился сам с тремя ружьями и корзиной, наполненной патронами. Вручил одно ружье Азаду, другое Тиграну, затем толкнул кресло к входной двери, уселся прочно и нацелил ружье.

– Пусть придут, собаки! Их тут хорошо встретят...

XII

Придя в казарму, капитан Кизмет заметил какое-то необычное оживление. Жандармы и солдаты сновали, как муравьи. Отдельно держались курды, бросавшие на всех свои звериные взгляды. Ржали лошади, лаяли собаки, отовсюду слышались команды.

– Что тут происходит?

– Мой капитан, курды задали нам задачу.

– Какую задачу?

– Они требуют оружия... последнего образца, что мы получили из Германии. Пулеметы, пушки, автоматические винтовки...

– Мы что, объявили войну России?

Сержант выдохнул:

– Армяне...

Кизмет умолк, задумавшись. Он знал о резне в городе, но считал, что об этом больше не будет разговоров. Надо было дать суровый урок, раз и навсегда, и перевернуть страницу. С этими мыслями он вошел в кабинет полковника, к которому был срочно вызван. Полковник стоял у окна, выходящего во двор казармы, и курил сигарету. Он казался спокойным и тихим. Кизмет вдыхал сладковатый запах гашиша наилучшего, курдского приготовления. Полковник был пятидесяти восьми лет, невысокого роста, седой, с веснушками, рассыпанными на холеном лице.

– Это вы, Кизмет... рад вас видеть. – Он показал во двор. – Вы видели наших курдов? Страшные вояки... однако, доверять им нельзя. Они готовы на любое сражение и бьются храбро, но дисциплины никакой.

– Похоже, они требуют оружие.

Полковник улыбнулся.

– Они способны украсть его и... применить против нас. Я их знаю. Надо им оставить их старые ружья. – Он окинул взглядом Кизмета.

– Сколько лет вы на службе?

Капитану впервые ставился вопрос так определенно.

– Двадцать лет, мой полковник.

– Вы далеко пойдете, Кизмет. Да-да, через несколько лет вы будете на моем месте, в этом самом кабинете, я отлично вижу: полковник жандармерии... Однажды вы вызовете к себе молодого капитана, который будет похож на вас сегодняшнего, и скажете ему: «Мой дорогой друг, я должен доверить вам одно трудное задание, которое надо выполнить сегодня же утром»...

Кизмет почувствовал, как все в нем напряглось до предела, и это началось с тех пор, как он вошел в кабинет. Нет, раньше. Когда он увидел во дворе казармы курдов, которых и теперь слышно было, так громко они тараторили и ругались. Он их всегда не любил и считал бандитами.

Полковник обошел Кизмета, который стоял в середине комнаты, и приблизился к столу, на котором был расстелен план города.

– Подойдите, Кизмет.

Тон его был доброжелательным и отеческим. Он указал на точки, отмеченные красным, и видя, что Кизмет не понимает их значения, пояснил:

– В этих пунктах живут армяне... Как вы знаете, поселились они здесь давно...

Полковник умолк, собрал в горсть пепел от сигареты и высыпал в коробку, которая стояла в углу. Он задумчиво смотрел в окно, в уголке которого виднелся краешек неба, совсем еще бледного, так как было очень рано.

– Что вы думаете об армянах, Кизмет?

Кизмет слегка растерялся. Полковник, конечно, ждал ответа отнюдь не в пользу армян. Чтобы не разонравиться ему, небрежно бросил:

– Народ этот работающий, но въедливый. Если бы они могли, то перешагнули бы через нас, чтобы занять лучшие посты.

Полковник склонил голову. Легкая усмешка пробежала по губам.

– Я того же мнения. Они становятся опасными. Требуют реформ, образуют комитеты, взывают к загранице. Знаете ли вы, что десятки армянских революционеров пробрались в Турцию из Англии и Франции? А знаете ли вы их намерения? Уничтожить или свергнуть султана, только и всего...

Кизмет не отвечал. Он думал об одном из своих армянских друзей – Гранте Тоссяне, с которым дважды в неделю играл в нарды.

Он знал также и других армян. Полковник продолжал:

– Фрукт червив, он начал портиться и упадет нам на голову на этих днях. Но, к счастью, мы обладаем оружием, чтобы защититься. И пока не поздно, мы сорвем и выбросим эту гниль. Мы, конечно, пощадим тех, кто пожелает принять ислам, имя им не легион. Что касается других... Я получил приказания из дворца, очень важные...

Кизмет начал понимать цель своей миссии. Горестный груз лег на сердце. Он проговорил глухим голосом:

– Мой полковник, если я правильно понял...

– Вы отлично поняли, Кизмет, – сказал полковник сурово. – Нужно устранить армян. Повторяю, я получил приказ... Знаете, чего хотят во дворце? Армении без армян. Очень просто.

– Но мой полковник, их более двух миллионов...

– И мы занимаем большую часть их территории, я это знаю. Надо рассматривать наше дело как крестовый поход. Разве не с этой целью Наполеон завоевал Египет? Он хотел защитить христиан и устранить других. Мы преследуем те же цели, только наоборот – устранить христиан. Мы начнем с армян, эти наиболее ядовитые. А греки и итальянцы получают урок.

Кизмет почувствовал озноб, заставивший его передернуть плечами. Устранить армян... На бумаге, это всего лишь административная формула, но когда надо переходить к действию...

– Мой полковник, как вы мыслите их устранить?

Полковник приставил палец к груди Кизмета.

– Вам поручается исполнение этого приказа, капитан Яссиф Кизмет.

Кизмета снова слегка передернуло. Почему он? В жандармерии есть офицеры более опытные по части подобных операций! Он не мог обсуждать приказ полковника, а потому постарался сделать бесстрастное лицо и спросил:

– Как я должен приняться за дело?

Плечи полковника опали, лицо оживилось, выражая облегчение.

– Вчера в полдень капитан Гучук руководил операцией в южном квартале. Он не встретил никаких препятствий. Он выполнил... деликатную миссию. К несчастью, он вывихнул лодыжку и теперь отдыхает.

Кизмет не верил ни одному слову, но возражать не посмел. Полковник продолжал равнодушным голосом:

– Я подумал о вас, так как может случиться, что армяне окажут сопротивление, у них есть оружие, и они готовы на все, вы понимаете меня...

У Кизмета чуть не вырвалось: «Я предпочитаю встретиться лицом к лицу с вооруженными людьми», но он промолчал.

– Видите ли, Кизмет, я не скрываю от вас, что задание очень тонкое и... – полковник понизил голос, – несколько курдов, убитых или раненых... ничего страшного. Наоборот...

– А если я не встречу никакого сопротивления?

Полковник начал терять терпение:

– На войне как на войне. Речь идет о войне религиозной... Вы возьмете турецких жандармов и десятка три курдов. Дайте им волю, они привычные. Вы видите красные точки? Это дома армян. Но будьте внимательны, в этом же квартале живут турецкие семьи.

Кизмет изучал карту. Он насчитал тридцать красных отметин. Тридцать семей. Умножить на шесть: сто восемьдесят человек – женщин, детей, стариков... И спросил голосом, в котором слышалась горькая ирония:

– Каким оружием я должен пользоваться, чтобы устранить эти семьи?

– Холодным оружием. Но, как я думаю, вы встретите сопротивление, и тогда можете воспользоваться вашими ружьями и револьверами. Однако мы им оставляем шанс: кто захочет переменить веру, получит пощаду.

– Я врываюсь в дом и спрашиваю: «Вы готовы с распростертыми объятиями принять ислам?». «Да» – щажу. «Нет» – казню?

Ирония капитана не осталась незамеченной. Полковник показал на сейф:

– Все очень серьезно. Я представлю вас предводителю курдов.

Пусть они действуют, а вы направляйте их ножи...

Кизмет подумал о своем друге Гранте Тоссяне. Он не жил в обреченном квартале. Его счастье.

– Следуйте за мной, Кизмет. Который час?

– Половина восьмого, мой полковник.

Была половина восьмого на часах Сурена Задяна. Он заканчивал одеваться и прислушивался к звону чашек, которые жена ставила на стол. Запах кофе уже заполнил дом. Задян был в хорошем настроении, несмотря на тревоги, изводившие его время от времени. Прежде всего, эта кошмарная резня, которая произошла в противоположном конце города. Он не имел знакомых среди жертв, но не мог не представить себе всего ужаса положения, хотя и пытался как-то приуменьшить трагедию. Какие подонки, эти курды! Их надо всех уничтожить! Ходили упорные слухи, что турецкие власти всех их арестовали и скоро предадут суду. В настоящее время они заключены в казарму. Консульства Франции и Англии живо откликнулись и послали протесты в свои посольства, в Константинополь. Они требовали примерного наказания. Говорили даже, что какие-то важные западные представители были приняты султаном.

Сурен Задян пригляделся к своему отражению в зеркале, вырвал несколько волосинок, торчавших из ноздрей, за этим занятием его и застал вошедший в комнату сын.

– Ты готов?

Аре было восемнадцать лет, и он заканчивал свою учебу у иезуитов.

– Я не видел тебя вчера, – сказал отец. – Ты поздно вернулся?

– В десять, но ты уже спал. Я обедал с друзьями... – лицо его осветилось радостью, которую он не в состоянии был приглушить. – Думаю, что мне выделят стипендию... Сын консула подтвердил. В будущем году я смогу поехать во Францию и продолжить учебу.

Об этой стипендии говорилось уже несколько месяцев. Сурен Задян провел рукой по седеющей бороде. Широкая улыбка заиграла на его губах.

– Bravo, мой сын... Я...

Он не мог продолжать от волнения и, опустившись на разобранную кровать, не спускал глаз с силуэта сына, который стоял перед

отцом – худой, длиннорукий, темноглазый, с энергичным подбородком.

– Ты по-прежнему хочешь стать врачом?

– Конечно.

Врач – выходец из его семьи! Задян чувствовал себя переполненным гордостью и шептал:

– Это хорошо... Это очень хорошо...

Он уже видел, как сын склонился над больным, прощупывает пульс, прослушивает сердце, выписывает лекарства, его все уважают, слышны обрывки фраз: «Вы не знаете? Это же сын Сурена Задяна...».

Он вскочил на ноги, вытащил из карманчика часы и протянул их сыну.

– Держи... Они твои... Минута в минуту...

– Нет-нет, еще слишком рано...

– Они твои. Сделай мне удовольствие, возьми... они принадлежали твоему деду, тебе принесут удачу...

Не устояв перед таким напором, Ара взял часы.

– А как же ты?

– Ты думаешь, я не в состоянии купить себе другие? Носи их на счастье. – Чтобы не дать чувствам новой силы, он сказал громко:

– Пойдем завтракать! Вперед!

Сын не двигался с места, загадочно улыбаясь.

– У меня есть еще одна новость для тебя, – сказал он.

– Такая же добрая?

– Думаю, что да, – он прокашлялся, очищая горло. – Она касается моей сестры.

Сурен насупил брови. Ара заговорил, умерив эмоции:

– Ты знаешь Воскянов? Их сын учится со мной, а старший брат работает с отцом. Ты его видел один или два раза... Его зовут Арто...

– Ну и что?

– Он хочет жениться на моей сестре.

Сурен вытянулся, удивленный. Он попробовал представить себе Арто. Ну конечно, он видел его несколько раз.

– Воскяны придут к нам с визитом в воскресенье вечером. Тебе решать. Это уважаемая семья...

– Да, конечно. Кто не знает Воскянов? У них ведь мебельный магазин...

– Пять магазинов.

Отец прошелся по комнате, раздвинул гардины. Он казался озабоченным.

– Но как они познакомились?

– Арто видел ее несколько раз в моем присутствии.

– И твоя сестра согласна?

– Она ждет твоего решения.

– Не спеши, мой сын... Дай подумать... Я еще не выпил свой кофе... Это серьезное решение...

В глубине души он знал, что с радостью примет этот союз. Семья почтенная, богатая. Он пробурчал:

– Что же выходит? Я должен потерять единственного сына, который поедет во Францию развлекаться, и единственную дочь, которую уведут у меня из-под носа?.. – и, посерьезнев, добавил:

– Мать в курсе?

– Она в курсе всего...

– Ну конечно, меня информируют последним... – несколько секунд он чувствовал себя обиженным и всеми покинутым, но тут же воспрянул духом. – Мы поговорим обо всем...

Стол был накрыт. Как только Сурен и сын разместились за столом, бабушка принялась подкладывать им бутерброды собственного приготовления.

– Где моя дочь?

Жена явилась с кофейником в руках и налила первым мужу и сыну.

– Твоя дочь немного нездорова... – сказала она.

Сурен поглядел на нее искоса.

– Что за хворь такая? Вчера вечером она выглядела лучшим образом.

– Ты же знаешь, девочки, они...

Он недоверчиво замотал головой.

– Скажи, пусть позавтракает с нами. Мне надо с ней поговорить...

– Сейчас я схожу за ней, – сказала бабушка.

Она была подвижна и взволнована и немедленно покинула комнату, чтобы тут же явиться с внучкой. Забел было девятнадцать лет, выглядела она робкой и застенчивой, села с краю, стараясь не смотреть на отца.

– Ну, доченька, как ты себя чувствуешь с утра? Похоже, что ты

заболела?

Она подняла глаза на мать. Чуть заметные складки образовались в углах ее губ, и так как нужно было отвечать отцу, она пробормотала:

– Это от бабушкиных сладостей я почувствовала себя плохо.

Бедная бабушка подавилась и подскочила на месте.

– Но ведь все ели, не ты одна! Я двадцать лет готовлю эти сладости... О! Чтоб скорей твой брат получил диплом, чтобы лечить тебя...

Сурен улыбнулся, довольный.

Он любил подтрунивать над своими домочадцами, особенно над дочерью.

– Ну что? Может быть, есть другие причины? Поищи хорошенько, доченька...

Он макнул кусок булочки в кофе и поднес ко рту.

Сурен любил этот утренний час, когда вся его маленькая семья собиралась вокруг него. Обедал он в своей конторе, жена приготавлила что-нибудь холодное. На ужин они не всегда собирались вместе.

Забел покусывала губки и по-прежнему избегала взгляда отца, который, отставив чашку, закурил свою первую сигарету.

– А вы предусмотрели сладости на воскресенье? По словам моего сына, нам будет сделан важный визит, и я хочу, чтобы все было лучшим образом... Ты, бабушка, приготовишь нам свои ореховые и миндальные печенья. Ну и конечно, щербеты, фруктовые напитки, всякие сласти, хозяйки знают... Я хочу принять достойным образом семью Воскян.

Он обращался ко всем, но краем глаза следил за дочерью, которая сразу сделалась пунцовой. У него дрогнул голос:

– Моя маленькая дорогая Забел, похоже, что ты хочешь покинуть дом твоих родителей?

Из глаз дочери потекли слезы. Он продолжал:

– Я не знаю Арто Воскяна, но по словам моего сына, это серьезный парень. Я его видел два или три раза, но не было случая поговорить...

– Да нет же, – возразила жена. – Вспомни, мы встречали его у Горвелянов, вы обменялись несколькими фразами, ты спросил его об отце...

– Начинаю терять память... – усмехнулся Сурен.

Жена была права. Теперь он его хорошо вспомнил: крупный парень с буйной шевелюрой, носатый, разговаривал степенно, напустив

на себя важный вид. Задян обратился к сыну:

– Ты утверждаешь, что это стоящий парень...

Сын повернул вопрос по-своему:

– Но моя сестра тоже не совершенство.

– Я отлично знаю, что у твоей сестры имеются недостатки, но в данный момент мы говорим об Арто Воскяне...

Его взгляд встретился с взглядом дочери, и она, осмелев, воскликнула:

– Нет у меня никаких недостатков!

В ответ подала свой тонкий голос бабушка:

– Еще какие! Хочешь, чтоб я перечислила их перед всеми?

Сурен постучал по столу ложкой.

– Разговор идет об Арто Воскяне. Слушаю тебя, сын.

– Я считаю, что это хорошая партия, вот и все.

– Во всяком случае, – сказала мать, – речь идет о помолвке.

Там посмотрим...

– Она выйдет за него! – отрезала бабка. – Ей девятнадцать лет, нашей девице. Я вышла в шестнадцать за человека, которого никогда не видела. И я была счастлива с ним, – и, словно желая освежить память Сурена, добавила: – Это был твой отец.

Все рассмеялись, обстановка разрядилась. Сурен подошел к двери, открыл ее, чтобы вдохнуть утренней свежести. Сосед, что напротив, турок, отошедший от дел, стоял в своем саду и курил наргиле, он дружески кивнул. В ответ Сурен крикнул:

– Скоро зима... Пользуйтесь теплыми деньками...

Сосед улыбнулся, затем хрипый голос подала его трубка, и он выпустил голубоватый клуб дыма. На улице было тихо, слышалось

лишь громкое пение птиц в саду.

Сурен издали заметил Каро и его осла. Каро был существом примечательным. Он занимался административными бумагами квартала и знал всех. Он был вхож к турецким властям, чтобы достать лицензию, паспорт, визу и т.д. Ему давали всякие поручения, и он никогда не отказывался от них. Долгое время все считали его холостяком, пока не стало известно, что он отец двух мальчиков, которые учились в лучшем учебном заведении города, и что он собирается сделать из них адвокатов.

Проезжая на своем осле мимо дома, он поклонился Сурену. Одевался Каро как турок: широкие шаровары, рубашка, открытая на груди, кушак, повязанный низко на поясице. Сыновья его, пятнадцати и семнадцати лет, носили западные одежды.

– Войди в дом, выпей чашку кофе, – позвал Сурен.

– Спасибо, Сурен, но мне надо поспеть в другой конец города.

– У тебя еще будет время. Хочу тебя расспросить кое о чем.

Сурен удержал осла. Каро после колебаний решил спуститься на землю. У него было улыбчивое круглое лицо, возле левого уха красовалась бородавка, из которой торчал жесткий волос.

– Прежде чем приняться за кофе, я хотел бы спросить тебя: что ты думаешь о семье Воскян?

Сурен толкнул дверь.

– Я тут с Каро, – сказал он жене. – Приготовь два кофе, мы здесь будем пить.

Он вынес из дома два стула.

– Садись, Каро. Как твои сыновья?

Каро расцвел в улыбке.

– Растут, растут... даже слишком быстро.

Он уселся поудобнее, забыв о своем деловом свидании, его ослик ошипывал траву под деревом.

– В воздухе пахнет свадьбой? – спросил Каро. – Сколько лет твоей дочери?

– Девятнадцать. Как видишь, время летит...

Для Сурена это было утро признаний. Сначала слушал он, теперь у него появилось желание посвятить других в свои тайны.

– Мой сын получает стипендию французского правительства, поедет учиться на доктора.

Каро поскреб щепотью подбородок и сказал, вода в воздухе паль-

цем, как бы читая визитную карточку:

– Доктор Ара-Сурен Задян...

– При чем тут Сурен?

– Но ты же его отец.

– Но я не доктор.

– Надо, чтобы слава сыновей светила и над отцами! Я потребую, чтобы мои сыновья в свои имена вплели и мое, это будет справедливо, – Каро вздохнул. – Правда, еще не пришло время.

– Да...

Вдруг все птицы в саду разом, с хлопанием крыльев, взвились вверх и ударились в сторону. Какая-то непонятная тоска охватила Сурена. На землю посыпались желтые листья. Турок-сосед, забрав свой наргиле, укрылся в доме, словно дождь собирался, в воздухе чувствовался запах пыли, хотя не было ветра. Инстинктивно Сурен поднялся

со стула и из конца в конец оглядел улицу. Он заметил вдалеке облако пыли, повернулся к Каро, но не успел открыть рта, тот уже вскочил на своего осла и поехал прочь, колотя его пятками.

Сурен, словно загипнотизированный, больше не сдвинулся с места и стоял с раскрытым ртом. Он различал сквозь столб пыли форму турецких солдат, грубые одеяния курдов и их свирепые лица. Он видел, как на него надвигались силуэты, над головами которых вспыхивали молнии – так сверкали обнаженные сабли и длинные ножи. Он хотел крикнуть, предупредить семью, но ни звука не вышло из его груди. Он хотел улыбнуться, чтобы изобразить гостеприимство, но лицо стянуло жесткой маской, ни один мускул не поддался. Он хотел протестовать, подняв в мирном жесте руки над головой, но руки не поднимались, упали вдоль туловища, как плети. Он хотел спастись бегством, но ноги не слушались его. Он видел, как курд, подняв руку, обрушил ее на него, и тут же почувствовал сильную боль в плече и нестерпимое жжение в горле и удивился, что валяется на земле и глотает пыль. Туман гаснущего сознания окрасился розовым, затем пятна перед глазами стали темнеть и откуда-то издалека донесся голос Каро: «Доктор Ара-Сурен Задян»...

Его жена в эту минуту приближалась к двери с чашками кофе и стаканами воды на подносе. Неожиданно распахнулась дверь, на нее навалились с грубой силой, затолкали в комнату, она услышала ржание лошадей, почувствовала горячий удушливый дух толпы самцов и вдруг увидела себя на столе, который не успела убрать. Она подумала о пролитом кофе... Два ножа вонзились в ее одежды и углубились дальше в грудь, вместе со стоном у нее вырвался крик: «Забел!..» Она хотела встать, привести себя в порядок, сделала движение, напряглась, но сильный ток крови обессилил, оборвал дыхание, и она отошла, унося с собой последний жуткий образ: бородатая ухмыляющаяся рожа...

Бабушка выскочила из кухни с криком: «Что тут происходит?». Рука убийцы стальным обручем охватила ее тощую шею и сжала с такой силой, что послышался хруст. Она ничего не успела осознать. Голова свалилась на плечо, и несчастная упала как подкошенная...

Забел переодевалась. Она сняла халат и собиралась надеть вязаную юбку. В это время открылась дверь. На пороге стоял человек с ножом в руке. Он улыбался. Подошел другой, полюбовался на сцену и сказал первому: «Нет времени». Что обозначали эти слова? Ошеломленная, она уставилась на них. Первый сделал шаг, поиграл ножом совсем как в цирке – подбрасывая и хватая на лету. Забел инстинктивно прикрыла грудь юбкой. Сделав еще шаг, он показал ножом на юбку:

– Сама вязала?

Забел с трудом выговорила:

– Сама...

Она ничего не могла сделать с собой: дрожала всем телом и стучала зубами.

– Ты не боишься курдов, я надеюсь? – спросил курд и обернулся к партнеру: – Ты видишь, она не боится нас. Почему она должна бояться? Она живет на нашей земле, ест нашу еду, пьет из наших источников.

– Слушай, кончай, – бросил второй нетерпеливо.

– Почему? Может, она хочет перейти в исламскую веру. Почему бы ей не выйти за курда? Она молода и красива. Ты заметил, какая у нее белая кожа?

Забел употребила остатки своих сил на то, чтобы удержать на груди юбку. Курд продолжал забавляться:

– Ты хочешь выйти за меня? Я еще холостой и думаю, из тебя

выйдет прекрасная жена. Тебе даже не нужно согласие родителей... Сильная дрожь сотрясла тело девушки. Она крикнула:

– Я хочу видеть моих родителей!

Лицо ее исказилось, она зарыдала во весь голос.

– Какая ты противная, когда плачешь... Вытри слезы... Я возьму тебя с собой.

У нее выпала из рук юбка.

– Кончай, – повторил напарник.

– Успеем... Первый раз вижу армянку голую, или почти... А если ее совсем раздеть?

Забел, потерянная вконец, неспособная что-либо предпринять, безутешно лила слезы. Частые спазмы ломали ее хрупкое тело.

Он провел окровавленным пальцем по коже ее груди.

– Ну, сестренка, надо захватить кое-что, если собираешься жить у старшего братца. Или ты предпочитаешь околеть тут, как папа, мама и бабушка?

Забел подумала вдруг о брате. Ушел ли он из дома? После завтрака он поднялся в свою комнату, она слышала его голос. Эта мысль подбодрила ее, она вытерла слезы и подумала, что курд, возможно, врет, он хочет умыкнуть ее и все дела. Сколько подобных историй слышала она от бабушки: курды налетают на ферму, хватают женщин и скрываются в горах. Забел уцепилась за эту версию, пытаясь отвести трагедию от родителей, о которых говорил курд. Они попросту перепуганы насмерть, не смеют показаться, разве она не слышала вскрик матери? Забел подняла голову и бросила с вызовом:

– Я еду с вами!

Курд, крайне удивленный, снова обернулся к своему компаньону, но тот остался безучастным.

Забел схватила со спинки стула платье и мигом натянула на себя. Затем, не торопясь, принялась расчесывать волосы. Наивное желание протянуть время, чтобы брат успел скрыться! После первой паники она почувствовала себя несколько увереннее. Не дрожала больше и способна была размышлять. Она не боялась этих курдов. Они хотят увезти ее в горы? Ну что ж, лишь бы они не тронули родителей. Однажды она найдет случай убежать и вернуться домой.

– Я готова, – сказала она громко.

Курд улыбнулся. Он оглядел ее и, подойдя к шифоньеру, открыл его. В нем висело с полдюжины платьев. Выбрав одно, снял с плеч,

бросил на кровать.

– Надень это, сестренка, оно красивее.

Платье было черным.

– Я возьму его с собой.

– Нет, надень сейчас.

Она не стала возражать, сбросила с себя платье и принялась за черное, у которого ворот был узковат, она просунула голову и стала помогать себе руками, но рассыпались волосы, застилая глаза, кругом стало темно, и тут она почувствовало вдруг, как прожгло ее всю ниже пояса... Освободив один глаз, она увидела рукоятку ножа и удивилась, что у него нет лезвия, но когда по телу побежала горячая струйка крови, она поняла, что ранена смертельно. Курд прицельно швырнул свой нож в живую мишень...

Забел бессильно бросила руки. Голова все еще оставалась в вороте платья. Она ощупью дошла до кровати, села, чувствуя, как расширилась рана. Через несколько секунд бедная девушка потеряла сознание...

Ара приводил в порядок бумаги в своей комнате на втором этаже. Заслышав топот, он подумал, что это возвращаются охотники. Окно его выходило в сад, и он не мог видеть, что происходило на улице, но какие-то шумы в доме заставили его оставить свое занятие и выйти в коридор. Он направился к лестнице, и тут четыре руки пригвоздили его к полу. Ара был слабого телосложения, он никогда не дрался и ненавидел насилие. Курды больно сдавили ему руки, но он не потерял хладнокровия и спросил:

– Чего вы хотите?

Он был уверен, что перед ним грабители. Но обычно воры отыскивали изолированные жилища и не нападали на улицах, густо населенных турками...

– Что мы хотим? – повторил курд. – Ничего особенного. Проходили мимо, решили нанести коротенький визит. Вы считаете это неудобным?

Ара не отвечал. Насмешливые слова курда коробили слух.

– У тебя случайно не припрятано несколько золотых?

– Нет, у меня нет ничего, можете искать.

– Это то, что мы сейчас сделаем. Где твоя комната?

Ара сделал попытку высвободить руки, но похоже было, что они попали в стальной капкан.

– Моя комната напротив.

– Войдем.

Швырнув его в комнату, курды с порога пристально оглядели обстановку.

– Нет у нас золота, – с бешенством проговорил Ара, потирая ушибленные руки.

Один из бандитов, постарше, заметил на столе серебряные часы. Он схватил их и приложил к уху.

– Кажется, идут...

Как раз в этот момент Ара услышал дальний вскрик матери: «Забел...» Он живо повернулся, чтобы броситься к лестнице, но курд у двери зажал в кольцо хрупкое тело, которое ничего не стоило сломать, лишь прижать чуть-чуть сильнее.

– У тебя нет другого подарка для моего друга? Часы я беру себе.

– Есть еще книги, – сказал Ара. – Я студент...

Курд пощупал страницы одной из книг. Он улыбнулся.

– Слишком толстая для подтирки... И потом, я боюсь за репутацию моего зада... Мне ни к чему ученый зад.

Он разразился сальным смехом и, прихватив коробку чеканного серебра, втокнул ее в карман.

– Мы еще вернемся, сейчас некогда...

Он неторопливо прошел мимо, обдав своим зловонным дыханием.

– Пойдем, посмотрим на других.

Они подхватили его под руки, бедный Ара весил немного, спустили на первый этаж. Ара увидел мать в луже крови, бабушку, лежавшую навзничь. У него потемнело в глазах, к горлу подступила тошнота, он закричал нечеловеческим голосом, и вместе с криком его вырвало. Задыхаясь, весь в холодном поту, юноша посмотрел на зубоскаливших курдов. Взгляд его сделался осмысленным, когда остановился на курде, выходявшем из комнаты сестры. Он вытирал нож скомканным платком. Ара все понял.

– Забел, сестра моя!..

Крик был страшным, душегубы удивленно посмотрели на него. Его отпустили, чтобы не выпачкаться при его судорожных движениях. Обезумевший, хрипя горлом, шатаясь, он направился к двери, которую широко открыл перед ним ухмылявшийся курд с ножом в руке.

Ара увидел на кровати скрюченное тело и упал на колени. Черное платье прикрывало рану, он с надеждой взял в ладони голову сестры. Забел еще дышала.

– Забел... Забел...

Он разрыдался, машинально поправляя ее волосы. Забел приоткрыла глаза и простонала:

– Ты, Ара...

Губы ее дрожали, она старалась выговорить что-то.

– Не надо, не говори, моя маленькая Забел, я тебя выхожу...

Прощальная улыбка застыла на ее холодеющих губах...

– Ну, хватит! Попрошайся с сестрой?

Кто-то потянул Ару за руку, он оказался у выхода в сад и увидел отца, лежавшего лицом вниз в пыли, с вытянутыми вперед руками; услышал крики и стоны, доносившиеся из соседних домов... Ему показалось, что все это происходит в кошмарном сне, сейчас он проснется и найдет всю семью за столом, заканчивающей завтрак...

Луч света пронзил его сознание. Он ясно представил себе, что его ждет та же участь, что постигла родных. Все в нем взбунтовалось от этой мысли. Необходимо было во что бы то ни стало спасти свою шкуру, только тогда он сможет отомстить за все. Отомстить самым жестоким образом, а там будь что будет, не жалко и околеть. В несколько прыжков он проскочил улицу и проник к соседу турку. Три курда погнались за ним.

Ара остановился на несколько секунд, отыскивая выход. Сад был обширным, желтые листья и упавшие фрукты покрыли землю ковром. Он пустился прямо, куда глаза глядят, в самом конце, за садом, начинался довольно высокий и заросший кустарником холм, там была свобода, туда надо добежать чего бы то ни стоило! В голову лезли обрывки картин мести, которую он замышлял. Сначала он отомстит за сестру, ее ледяная улыбка была постоянно перед глазами. Он сам своими руками задушит сестер, жен, дочерей этих убийц!

К несчастью, его сумасшедший бег оборвался. Он наскочил на дерево и упал, растянувшись на земле. Один из преследователей схватил его за ноги, другой, сложив ему руки крестом, прижал коленом.

Появился турок, хозяин дома, он закричал:

– Оставьте его в покое! Это сын моего соседа...

Тот, что прижимал коленом руки Ары, удивленно сказал:

– Это же неверный...

Ара задыхался под коленом душмана. Он перестал двигаться. Курд схватил его за волосы, поднял голову и слегка прошелся по горлу ножом. Затем твердым, округлым движением перерезал горло до конца, как если бы это был ягненок. Кровь ручьем полилась на мертвые листья. Сильная короткая судорога прошла по телу. На ветвях деревьев ошалело пели птицы...

Капитан Ясиф Кизмет собрал своих людей. Он держался в стороне от бойни, полученный приказ не одобрял, но выполнил. Своим жандармам рекомендовал не вмешиваться без крайней необходимости, хотя знал, что их потянет на кровь. Это испытано: насилие рождает насилие. Курдов хватило для выполнения приказа.

Они потешили душу!

Семьдесят человек были перебиты в это утро за четверть часа.

Среди курдов насчитали шесть раненых.

– В казарму! – крикнул Кизмет.

Вся орда промчалась мимо первого дома, опустевшего дома Задяна. Турецкие обитатели улицы отсиделись в своих домах.

Сурен Задян лежал у своего порога. Ему не надо было принимать решение о замужестве дочери.

Жене не готовить сладостей.

Бабушке не рассказывать о былом житье...

Забел не выйдет за Арто Воскяна.

Ара никогда не увидит Францию.

Еще одна армянская фамилия не продолжится на этой земле...

XIII

У Донабедянов в течение трех дней никто не выходил из дома. Все оружие было собрано в комнате на втором этаже. За улицей следили днем и ночью. После новой бойни атмосфера накалилась еще больше. Магазины армян оставались закрытыми. По городу ходили

тревожные слухи. Два раза в день сосед-турок Гузель приносил последние новости. Донабемян знал его более десяти лет и доверял во всем.

Последние два дня не слышно было о нападениях, но все были настороже. Донабемян тяжело пережил известие о трагической гибели своего главного бухгалтера Задяна.

Потрясенный, он ходил по дому и шептал: «Как все это кончится?». Он смотрел увлажненными глазами на свою маленькую семью. Время от времени к нему возвращался былой апломб, он хватал свое ружье и кричал, что выйдет на дорогу и будет стрелять турок без разбора. Его успокаивали, убеждали. Тогда он усаживался напротив входной двери, ласково поглаживая ружье или пересчитывая патроны. Покоя ему больше не было...

Азад открыл глаза. С улицы доносился голос зеленщика, который монотонно-певуче расхваливал свой товар. Азад встал с кровати, раздвинул занавески. Зеленщик катил тележку, ловко управляя ею на оживленной улице. Азад заметил госпожу Донабемян на пороге дома. Она знаками подзывала к себе зеленщика.

Прошла неделя, и жизнь вернулась в прежнее русло. Новости, которые по-прежнему приносил сосед Гузель, были успокоительными. Префект принес свои соболезнования. Армяне открыли магазины и лавки. Мертвых похоронили, священник отслужил заупокойный молебен...

Азад был глух ко всему, оставаясь во власти безысходной тоски. Его бесило лицемерие турецких властей. Загубить двести ни в чем не повинных людей под предлогом, что в городе разгуливают революционеры?! Дело полиции преследовать их и принимать свои меры, но не науськивать бешеных курдов на мирные кварталы.

– Ты собираешь чемодан?

Азад обернулся на голос брата, вошедшего в комнату. Вытянувшееся лицо, набрякшие веки, усталость в каждом жесте.

– Ты хочешь вернуться домой? – спросил Азад.

– Разумеется. А что? Куда ты хочешь, чтобы я поехал?

Азад до конца раздвинул занавески, наполнив комнату тусклым светом.

– Не знаю, поеду ли я с тобой. Мне больше нечего делать в Константинополе.

У Тиграна отвисла челюсть. Азад поднял руку и продолжал:

– В Ангоре я тоже не собираюсь оставаться. Я думаю... – Он прищурился и сказал решительно: – Я буду заниматься журналистикой. Ничего, что мне запрещено печататься в данный момент. Мне надо отправляться в провинцию, собирать свидетельства. Я буду совать свой нос повсюду!

В последние дни Тигран подозревал брата в подобном намерении. Он попытался отговорить его:

– Ты недалеко пойдешь. Тебе запретят въезд в города.

– У меня есть паспорт до Сезара. Ну а потом – выкручусь.

– Но что скажут родители? Они будут волноваться.

– Я знаю, – вздохнул Азад, – рассчитываю на тебя. Ты их ободрись.

Тигран потерял глаза. Недосыпание измотало его. Он знал упрямство Азада и промолчал. Потом, улыбнувшись, подкинул:

– А Гаянэ?

Лицо Азада исказила гримаса. Он сказал сдержанно:

– Я написал письмо, ты передашь ей. Она поймет... Я приготовил письмо и отцу тоже.

– Он не одобрит твое решение. В этот тревожный час твое место среди своих...

– Хорошо, что есть ты... Нет, Тигран, я не вернусь в Константинополь. Я все обдумал, – он вытащил из кармана записную книжку и постучал ее ребром о ладонь. – Я буду собирать материал, ощупаю всю страну.

– Ты рискуешь жизнью.

– Может быть.

– Ты говорил об этом с Донабедаком?

– Да. Он поддерживает меня. В любом случае я не нуждаюсь в его мнении. Последнее время я задыхался в Константинополе.

Он повернулся спиной, отворил обе половинки ставней, вдохнул свежего утреннего воздуха. На улице начиналось движение. Уборщики грузили мусор на телеги, запряженные тощими лошадьми. Город входил в свой обычный ритм...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Оборона Зейтуна

I

Мелкий дождь с монотонным шумом падал с молочно-белого неба на поверхность реки. Укрывшись под деревом, Азад вытянул затекшие ноги. Он выехал из Константинополя на заре и был теперь в пятнадцати километрах от какого-то села по дороге на Зейтун. В голову приходили мысли самые противоречивые. Зачем он едет в Зейтун? Как сможет попасть туда без документов? Его могут осадить самым жестоким образом первые же жандармы, которые встретятся на пути. Не разумнее ли повернуть назад и вернуться в Константинополь?

Он подумал о Гаянэ, которая ждет, не дождется его. Тигран должен передать ей письмо и объяснить, что ему нет покоя, он должен до конца разобраться в причинах, породивших последние события, а для этого необходимо побродить по стране. Гаянэ поймет его. А как посмотрит на все это отец?

Азад закончил свой завтрак и вытер рот тыльной стороной руки. «Тем хуже, – если он не одобрит меня, я достаточно взрослый, чтобы отвечать за свои поступки», – сказал он себе. Ветерок сгонял опавшие листья в воду, и они уплывали вниз по реке. Чувство одиночества

охватило Азада. Он поднялся, потрепал своего коня по шее, тепло, которое он ощутил в ладони, немного согрело его.

Он подошел к берегу, присел на корточки и зачерпнул в горсть воды. В эту минуту раздался голос за спиной:

– Не двигайся!

Азад медленно повернулся и увидел всадника, который держал его на прицеле. Великан, одетый в звериные шкуры разных цветов. Это был Варуг, один из трех братьев, так внезапно появившихся в первый день ангорской резни. Он не узнал Азада и продолжал угрожать ружьем.

Азад набрал новую горсть воды и неторопливо выпил.

– У тебя короткая память, Варуг. Мы уже встречались.

– Ты – армянин?

Ледок недоверия в его взгляде растаял, сошло с лица напряжение, губы растянулись в улыбке. Он опустил ружье.

– Я тебя не помню, – сказал он своим громовым голосом.

Азад поднялся и вытер руки полой куртки.

– В Ангоре, в армянском квартале. Я был в компании с Донабеда-ном. Ты приехал со своими братьями...

Глухое ворчание вырвалось из его груди:

– Забудь моих братьев, – и, встретив удивленный взгляд Азада, добавил: – Они мертвы.

Всадник слез с коня, развязал тесемки бурки, под которой виднелась шерстяная безрукавка, штаны на нем были кожаные. Два пистолета свисали с широкого кушака, стягивающего дородный живот. Весь его вид говорил о мощи и дикости. Азад подумал: «Хорошо, что это соотечественник...»

Варуг продолжал разглядывать Азада, пытаясь оживить свою память.

– Я узнал бы тебя, если бы ты был трупом... но у тебя здоровый вид, как тебя зовут?

– Азад Дурян. Я из Константинополя.

Кончики бравых усов Варуга опустились. Он тяжело вздохнул.

– А я... я из ниоткуда, друг Азад... Я рожден на армянской земле, вот и все. Не умею ни читать, ни писать...

Он приблизился к речке, обмакнул руки в воде. На лице его читалось удовольствие, вода приятно холодила ладони. Он прополоскал горло, сплюнул и встал.

– Можно узнать, что ты делаешь в этих краях?

– Я иду в Зейтун, – отвечал Азад.

– Черт возьми, я тоже иду туда! Надеюсь, ты снабжен пропуском...

– Ничего нет...

У Варуга засветились глаза, веселая улыбка оживила лицо, заросшее черной бородой.

– Я предполагаю, у тебя есть какой-то план... Ты ведь знаешь, что Зейтун окружен войсками?

– Попробую испытать свой шанс.

Варуг оглядел его более внимательно и остался в недоумении.

– А чем ты занимаешься в жизни, невинный Азад?

Перед этим гигантом он почувствовал себя пигмеем, а его авантюра показалась безрассудной.

– В Константинополе я был журналистом.

У Варуга отвисла челюсть.

– Ты занимаешься писательством? – он недоверчиво покачал головой. – Сколько же тебе лет?

Легко ранимый, Азад не стал отвечать, чтобы не последовали новые вопросы. Он сказал:

– Как умерли твои братья?

На лицо Варуга набежала тень, язычок огня, плясавший в его глазах, потух, он прикрыл наполовину веки и задумался. После паузы поднял руку: на этот жест послушно пришел его конь. Варуг запустил руку в дорожную сумку, притороченную к седлу, и стал в ней рыться. Наконец, обернулся, держа в руках огромную луковицу и кусок сыра. Сел, прислонившись спиной к стволу и раскинув вольготно ноги в крепких сапогах. Он тер в ладонях луковицу, пока не упала последняя шелуха и, поддев на кончик ножа, предложил Азаду.

– Тебе никогда не нужны будут врачи, если сгрызешь за день две-три луковицы.

– Я не голоден...

– Я тоже...

Он откусил большой сочный кусок и стал медленно, с хрустом, есть. У Азада свело челюсти. Варуг продолжал спокойно жевать, словно ел хлеб.

– Мои братья погибли, попав в засаду. Мне не остается ничего, кроме как мстить за них. Я убью десять турок за Гариба и еще десять

за Шагана, и когда я выполню свой долг, начну все с начала...

Он говорил спокойно и бесстрастно, не повышая голоса и не прекращая грызть свою луковцу.

– А ты, друг Азад, за кого ты хочешь мстить?

– Ни за кого. Я никогда ни в кого не стрелял.

Варуг покачал головой.

– Ты ни разу не выстрелил из ружья?

Азад промолчал. Варуг стал на колени и снял с пояса один из пистолетов.

– Это же очень просто. Видишь, он заряжен... Берешь в руки, целишься, стреляешь. Это немецкая модель. Хочешь попробовать?

Азад заколебался. Варуг подбодрил:

– Он немного тяжелее пера, но намного действенней. Кровь просыхает так же быстро, как чернила.

Азад принял пистолет, он показался ему тяжелым. Слегка задрожала рука, Варуг это заметил и улыбнулся:

– Целься в скалу напротив и нажми на курок... Ты освоишься быстро.

Азад поднял оружие, у него было такое ощущение, что оно сейчас взорвется в руках.

– Нажимай...

Пистолет выпал из его неловких рук. Он поднял его снова, прицелился в скалу и нажал на курок. Выстрел подбросил его руку, по коже пошли мурашки. Он вернул пистолет. Варуг подбросил его, как игрушку, водворил на место, расплылся в широкой улыбке.

– Я научу тебя стрелять, друг Азад, патронов хватает. Мы уберем нескольких турок с нашей земли.

Он вздохнул, снова вытянул ноги и закрыл глаза. Дождь перестал. Защебетали в ветвях воробьи, речка запела своим чистым, без помех от дождя, голосом. Острым сделался запах желтой листвы, словно ее посыпали перцем.

– Я не сплю, друг... я размышляю...

– О чем ты думаешь?

– Я думаю, как нам лучшим образом пробраться в Зейтун. Бумаг у нас нет, вид – подозрительный, вдобавок мы вооружены. Если бы у нас на двоих было шесть голов, турки, не задумываясь, отрезали бы все шесть. Надо как-то выкручиваться...

– Я вижу только одно средство: отыскать тропинку...

– Об этом я уже подумал, мне знакома здесь каждая скала, но в данный момент все очень рискованно. Прежде чем добраться до тропинки, надо пройти через турецкие линии. Они разбросали кругом свои посты, к тому же им помогают курды.

Низко кружилась, проносясь над верхушкой дерева, воронья стая. Молчал, не двигаясь, Варуг. Наконец, он поднялся, посмотрел на Азада и сказал:

– Я придумал... Только что я принял тебя за турка... Если бы ты был в форме турецкого солдата или офицера, ты мог бы провести меня через пост... Согласен?

Азад, удивленный, замялся:

– Да, но...

Варуг потирал руки.

– Одна мысль рождает другую. Тебе не придется переодеваться в турка. Надо найти офицера и подкупить его.

Он достал из кармана платок с узелками по углам.

– У меня тут десять золотых. Нам остается только найти дичь. Пошли искать.

Узкая грязная дорожка вела вверх на взгорье. Варуг остановил коня, наклонился, чтобы разобраться в следах на земле.

– Да... Они пользуются этой дорогой в Зейтун... Она узкая... Большой отряд не пройдет тут... только несколько верховых, это нам подходит. – Он выпрямился, осмотрел окрестности и показал на гряде скал: – Там мы будем в безопасности. Давай, за мной.

Лошади начали взбираться на взгорье. Варуг говорил своему коню что-то ласковое и похлопывал его по крупу. Азад не без труда следовал за ним, камни сыпались из под копыт животного. Варуг часто оборачивался, чтобы убедиться, что у его нового друга все в порядке. Он выглядел довольным. Было четыре часа дня, сгущались черные тучи, казалось, все небо перемещалось куда-то.

Варуг спрыгнул с коня.

– Здесь мы и обоснуемся.

Огромная скала возвышалась шагах в пятидесяти от дорожки.

– Это будет наша крепость, друг Азад...

Он был раскован и весел, казался счастливым. Внимательно осмотрел горизонт. Радость разведчика загорелась в его глазах.

– Мы можем просматривать дорогу, оставаясь невидимыми! Поставим лошадей в укрытие...

Азад отвел коней за скалу и вернулся к Варугу, который осматривал свои пистолеты. Капельки пота блестели на его скулах.

– Прoberемся в Зейтун, и я научу тебя обращаться с оружием, ты увидишь, ничего трудного, особенно если мишень такая же обширная, как турок.

- Итак, каков твой план?

Варуг запечатлел по смачному поцелую на каждом пистолете и прикрепил их к поясу.

– Я жду вдохновения, как ты – когда пишешь. Скажи мне, мой маленький поэт, что происходит в твоей голове? Что ты ищешь в этих горах?

Азад проглотил слюну:

– Действия!

Варуг посмотрел на него с нежной ухмылкой.

– Действия... очень хорошо. Сколько тебе лет? Двадцать? Ты первый раз покинул свое уютное гнездышко. Ты, конечно, прочитал много приключенческих книг и теперь вот один, где-то в горах... Сядь, сядь на землю... видишь, она колетса, камни острые, проведи рукой по скале... царапается... – его сотряс короткий внутренний смех. – Птенец, упавший из гнезда... я не хочу обидеть тебя или пугать, но не стоит делать из себя героя на один день. Вокруг такие стервятники, ты им на один укус.

Азад ответил немного поспешно:

– Но надо же когда-то начинать!

Варуг глубоко вздохнул.

– Да, ты прав. Возьми-ка это ружье, оно не заряжено... Видишь, какое оно тяжелое? Поиграй с ним... приложись к нему, приласкай, прицелься, спусти плавно курок.

Азад чувствовал сильную неловкость в обращении с ружьем, оно было тяжелым, и ему никак не удавалось правильно прицелиться.

– Это дело привычки, – сказал Варуг. – Когда ты ужокошишь дюжиную турок, то не будешь думать, как прицелиться.

Он вдруг наострил уши, как дикий зверь:

– Ты слышишь что-нибудь?

Азад показал направление, откуда шел звук.

– Это войска...

На повороте дороги показалось человек двадцать солдат во главе с офицером. Шум был глуховат – лошади месили копытами грязь. Сидя в укрытии, Азад и Варуг хорошо видели всадников, которые казались мертвенно-бледными. Вскоре они исчезли.

Варуг присмотрелся к Азаду.

– Будет жарко в этих краях. Ты по-прежнему намерен драться?

– У меня больше нет выбора.

Он чувствовал себя не в своей тарелке. Как-то он поведет себя перед лицом обученного солдата? Варуг разгадал его мысли и улыбнулся.

– У нас в Зейтуне есть маленькая армия. Ее бойцы в десять раз отважнее солдат султана. Для них это вопрос жизни и смерти.

– Я спешу попасть туда.

– Терпение...

Приближалась ночь, она замазала тьмой скалы и горы. Послышалось карканье ворон. Варуг, порывшись в сумке, вытащил два одеяла, очистил сапогом от камней уголок под скалой и церемонно пригласил Азада:

– Твой первый контакт с землей...

– Мне уже приходилось спать под звездами.

– Это земля другая, мой друг, она пахнет порохом. Она пахнет войной. Она принадлежит тебе, завтра ты будешь защищать ее.

Азад чувствовал усталость и не заставил себя упрасивать. Он улегся, натянул одеяло до самого подбородка и втянул, сколько мог, голову в плечи. Мелкие камешки вдавались в лопатки при малейшем движении. Он посмотрел на небо, которое оставалось по-прежнему хмурым, и странное чувство овладело им. С этого дня он – боец, который сражается за свою Родину. Он освоит оружие, научится стрелять. Без этого он небольшая помеха для обученной и дисциплинированной части, которая пошла на Зейтун. Азад закрыл глаза, пытаясь уснуть.

Проснулся он среди ночи. Совсем близко шел какой-то разговор. Азад повернул голову и увидел Варуга, сидевшего спиной к дереву и закутанного в одеяло. Он был один и разговаривал сам с собой, меняя

интонацию: спрашивал одним голосом, отвечал другим, как чревоушатель.

– Ты клянешься отомстить за нас, Варуг? – Еще как! Можете не сомневаться во мне! – Ты зарежешь, самое меньшее, двадцать турок, как ты обещал? – Нет, я передумал. Я зарежу двадцать турок и двадцать курдов. – Кто этот паренек, что слушает наш разговор? – Поэт по имени Азад Дурян, никакого опыта, но бравый, и я из него сделаю маленького героя!

Азад приподнялся, опершись на локоть. Варуг улыбался ему.

– Я разговариваю с моими братьями... – он развел руками, как бы оправдываясь. – С некоторых пор такая у меня привычка. После этого я сплю намного лучше...

Азад снова откинулся на землю.

Утренний ветерок прошелся по лицу Азада. Он открыл глаза, повернулся влево, не найдя рядом Варуга, поднялся на ноги и, почесывая спину, исколотую камешками, огляделся в поисках своего напарника. Заметил его, прятавшегося за небольшой скалой в нескольких шагах от дороги. Тот держал в руках по пистолету. Кого он там подстерегал? Варуг обернулся и жестом велел ему оставаться на месте. Его лицо выражало дикарскую радость, глаза светились мстительной и охотничьей хитростью.

Наконец, Азад понял. Он различил на дороге трех всадников, которые направлялись прямо на Варуга и должны были пройти у него под носом, в прицельном поле пистолета!

Азад присмотрелся к всадникам. Впереди офицер на белом коне, за ним – два солдата в застегнутых до горла мундирах, сиреневых фесках, с ружьями за плечом.

С колотившимся сердцем, Азад пожирал их глазами. Каков план Варуга? Недвижимый, как статуя, он слился со скалой, образуя серую глыбу.

Азад затаил дыхание. Их лошади, укрытые за скалой, месили грязь, надо было их напоить, в любую минуту они могут заржать...

Стая воронов в беспорядке кружилась над невидимой целью. Шум крыльев скрадывал звук, производимый копытами лошадей. Офицер поднял голову, на лице никакого подозрения, только недовольное выражение – как от оскомины.

Прогремели два выстрела.

Оба солдата свалились с коней. Один растянулся на земле, у второго нога зацепилась за стремя, и он ударился головой о скалу. Испуганная лошадь офицера поднялась на дыбы. Воронье с шумом разлетелось.

Варуг с неожиданной ловкостью выскочил из засады и направил пистолет на офицера. Азад услышал его весело-злой крик:

– Ни с места, мой принц!

Затем Варуг повернулся к Азаду и знаком подозвал к себе.

– Займись мертвыми, – бросил он. – Оттащи их за скалу, спрячь, чтобы не было видно.

И снова к офицеру:

– Слезай с коня, у меня есть к тебе предложение...

Офицер был молод, синие от щетины щеки, слегка запавшие от усталости глаза. Он смотрел на Варуга с некоторым презрением, подчинялся без спешки.

Тем временем Азад тащил убитого солдата за скалу. Он держал его за руки и почувствовал себя плохо от прикосновения к мертвому телу, испытывая к нему гадливость. Стало еще хуже, когда он занялся вторым солдатом, убитым выстрелом в голову. Он освободил его ногу от стремени, и труп свалился на землю. Из глубокой раны на голове по лицу разлился ручеек крови. Азад волок труп за ноги, голова солдата билась о камни, за ней тянулся кровавый след.

Варуг краем глаза следил за тем, как справлялся с заданием Азад.

– Прекрасно... Теперь займись лошадьми...

Это было полегче. Азад завладел обеими уздечками и пошел вперед. Несмотря на утреннюю прохладу, он весь вспотел. Но ему не пришлось в голову возразить Варугу. Разве он не дал ему понять, что стал бойцом?

Офицер наблюдал сцену с явным презрением. Он понял, что Азад был не того закала, что его компаньон, и с усмешкой наблюдал за его неловкими действиями.

– Bravo, мой друг... подойди сюда и обыщи этого представителя султана.

Офицер выпрямился, но ничего не сказал. Он был такого же роста, что и Азад.

– Забери сначала ружье...

Азад протянул руки и, сняв оружие, отложил в сторону.

– Теперь карманы...

Им овладело странное чувство протеста против насилия. Его пальцы растегнули кармашки на мундире. Он чувствовал, как мелко дрожало тело офицера. Это соприкосновение было неприятным еще и тем, что офицер смотрел ему прямо в глаза.

Он вытащил бумажник, военный билет и пакет. Перелистал военный билет.

– Лейтенант Махмуд Икфели, приписан к Ангоре, в настоящее время на задании...

– Какое задание? – спросил Вруг и уставился на офицера.

Тот показал на пакет:

– Прочтите...

Азад извлек из пакета предписание.

– Это послание патриарха Измирляна, оно адресовано президенту религиозной ассамблеи Зейтуна...

У Варуга поползли вверх брови. Он был сильно удивлен и сделав знак головой, велел Азаду читать.

«Согласно сведениям, которыми мы располагаем, – читал Азад, – в районе Зейтуна имели место волнения. На этих днях Его Величество султан дал согласие издать проект реформ для своих верных подданных армян, и эти реформы войдут в силу в ближайшее время. Если же волнения будут продолжаться, вся ответственность ложится на вас»...

Все стояли молча. Варуг, уставившись в одну точку на небе, размышлял. Азад перечитал послание. Офицер почувствовал себя увереннее. Наконец, Варуг замотал головой.

– Ложь! Это поддельное послание. Патриархи не угрожают религиозным ассамблеям. Турки хотят выиграть время, вот и все. – Он повернулся к офицеру, ища подтверждение. – Не так ли, лейтенант Икфели?

Лицо офицера оставалось бесстрастным, хотя в глазах пробежала насмешливая искра.

– Мое дело исполнять приказы, – он спокойно стоял возле своего коня.

Варуг присел на корточки, похоже, так ему лучше думалось, и пистолетом чертил в пыли какие-то геометрические фигуры. Не поднимая головы, сказал Азаду:

– Верни ему бумаги...

Офицер, не мешкая, рассовал документы по карманам. Варуг снизу вверх оглядел лейтенанта. Уверенный, что речь шла о хитрости, он пытался проникнуть в тайну. Этот человек с аскетическим лицом должен знать истину. Он спросил, смягчив голос:

– Вы женаты, лейтенант?

– Да...

– Есть дети?

– Четверо.

– Хорошо. Вам известно о резне в Ангоре?

Офицер молчал. Варуг поднялся и посмотрел на собеседника без враждебности, словно речь у них шла о дожде и хорошей погоде.

Варуг, несмотря на упрямое молчание офицера, уточнил вопрос:

– Может быть, вы были на другом задании, и когда вернулись, никто не ввел вас в курс событий?..

Икфели ответил нетерпеливо:

– Я был в Ангоре и следил за событиями.

– Может быть, вы принимали в них участие?

Он покачал головой. Варуг почувствовал, что тот взволнован. Он стер с дула пистолета налипшую пыль и, показав на скалу, за которой лежали трупы солдат, перешел на «ты»:

– Я думаю, что тебе придется присоединиться к ним. Разве что...

Зацепился ли офицер за маленькую надежду? Он разжал губы, но не произнес ничего. Варуг подул на свой пистолет.

– Мне, в конце концов, плевать на то, что бумага поддельная. Ты вручишь ее верующим в Зейтуне... В нашем присутствии. Согласен?

Офицер провел кончиком языка по губам:

– Если вы хотите.

Варуг ожидал разъяснений, и офицер понял его. Он добавил:

– Я должен сообщить, что в десяти километрах отсюда находится воинская часть. Они не пропустят армянина.

Варуг поскреб дулом пистолета по щеке.

– Очень все прекрасно. Тебе надо передать послание армянскому комитету, который находится в Зейтуне. Мой друг Азад и я сопровождаем тебя, нас послал патриарх, чтобы облегчить дело.

У Икфели вытянулось лицо.

– А если они откроют обман?

– Я выпущу тебе мозги!

Варуг прищурился и весь ощетинился, почувствовав бешенство,

его подмывало покончить с офицером.

Азад, следивший за разговором, почувствовал опасность.

– Мы пройдем, – сказал он.

Варуг посмотрел на Азада, и гнев его рассеялся. Оптимизм Азада придал ему уверенности.

– По коням! Ты, Икфели, держись на расстоянии выстрела моего пистолета. Чтобы круп твоего коня приходился к ноздрям моего. Если хочешь увидеть жену и своих четверых детишек, постарайся провести нас через линию. Можешь взять свое оружие.

Азад заметил пограничный пост, поставленный на повороте дороги. Несколько палаток, знамя, группки о чем-то беседующих солдат. Он почувствовал, как защемило сердце. Эти солдаты, не задумываясь, пристрелят, если лейтенант выдаст их. Он взглянул на Варуга, который улыбнулся ему. Он держал в одной руке повод, другая покоилась на рукояти пистолета. Эта улыбка подействовала успокаивающе, но не сняла настороженность и тревогу. Конь Икфели шел в том же ритме, поблескивая хорошо начищенными боками.

Вдалеке виднелся Зейтун. Он начинался высоко на горе и спускался амфитеатром своими домами, расположенными ступенчато, один над другим. Казалось, город возник из скал, он был опоясан обрывистыми холмами; изолированная крепость, скроенная естественным образом, без видимых дорог, вся ошетилившаяся скалами. Черные тучи проносились над городом, делая его еще мрачнее.

Заметив трех верховых, солдаты прекратили свои разговоры. На-

встречу вышел сержант, он поприветствовал лейтенанта и с любопытством оглядел двух гражданских, сопровождавших турецкого офицера. Икфели сунул руку в карман и протянул сержанту конверт. Варуг сильнее прижал рукой пистолет. При малейшем подозрении он свалил бы лейтенанта и сержанта. Азад старался сохранять хладнокровие.

Сержант пробежал письмо и сказал в недоумении:

– Мой лейтенант, я должен предупредить капитана.

Капитан появился сам. Он вышел из палатки, оправляя на себе форму, и тоже был удивлен присутствием двух армянских всадников. Приняв из рук сержанта письмо, он бегло пробежал его.

– Вас уполномочили передать эту телеграмму в армянский комитет Зейтуна?

– Да, мой капитан, – повернувшись к своим спутникам, Икфели добавил: – Это армянские делегаты.

У Азада сердце готово было выскочить из груди. Варуг хранил олимпийское спокойствие. Ни один волос не шевельнулся в его бороде. Капитан перечитал письмо и остался в затруднении. Его взгляд остановился на Азаде.

– Вижу, вижу, – проговорил он бесстрастно.

Легкое презрение затуманило его взгляд. Понимая, что послание ложное, он сыграл свою часть игры и вернул конверт лейтенанту.

– Я надеюсь, что наши друзья армяне признают очевидность того, что их интересы связаны с нашими. К чему это восстание? Зачем бесполезно проливать кровь? До сих пор мы жили в мире...

Варуга душило желание убить его, но положение никак не позволяло сделать это, солдат было человек тридцать, не меньше. Надо было скорее убираться из этого осинового гнезда. Принимал ли их капитан за посланцев? Во всяком случае, Икфели выглядел убедительным.

– Вы сами доставите послание, мой лейтенант? Их там, наверху, кишмя кишит...

Вмешался Варуг. Он сказал твердо:

– Капитан прав. Доверьте мне послание, мы его сами отвезем!

Пораженный Икфели посмотрел на Варуга. Как он мог лишиться заложника? Офицер задумался на минуту.

Азад переменялся в лице. С ума он сошел, этот Варуг? Если турки позволят пройти, то лейтенант тотчас же откроет правду, и их перестреляют. Он ничего не мог понять.

– Довольно будет и того, что двое из ваших людей покажут, как нам ехать дальше, – добавил Варуг. – Мы не знаем этих мест. Они проводят нас до хорошей дороги и вернутся назад.

Этот аргумент нашел одобрение у капитана. Он обратился к сержанту, стоящему поодаль:

– Приведите мне двух человек.

Азад вздохнул. Вместо одного заложника у них будет два. Лейтенант не мог не понять этого. Он удачно выходил из игры. Он протянул пакет Варугу, который по-прежнему держал руку на поясе.

– Передайте моему напарнику, – сказал он.

Азад взял пакет. Капитан спросил:

– Какое положение в Мараше?

Вмешался Икфели:

– Все тихо. Было несколько бунтов, но порядок восстановлен.

Он говорил бесцветным голосом. Город Мараш находился в полсотне километров. Накануне там прошли кровавые расправы. Капитан и Икфели обменялись беглыми взглядами, что не ускользнуло от Варуга. Ему захотелось усилить свою позицию и напомнить Икфели, что тот по-прежнему находится в прицельном поле пистолета:

– Бесплезно рисковать жизнью лейтенанта в Зейтуне. Он женат, отец четверых детей...

Лейтенант, уже было успокоившийся, побледнел.

– Двое провожатых будут более полезны вам, чем я, – сказал он неуверенно.

– Я тоже так думаю, – согласился Варуг.

Сержант вернулся с двумя загорелыми крепышами, один из которых был курд. Капитан объяснил, что от них требуется. Они не проронили ни слова.

– В путь! – сказал Варуг. – Мы постараемся задобрить наших там, наверху. Послание патриарха, я думаю, будет иметь благотворный эффект.

– Да услышит вас Аллах, – отвечал капитан искренне. – У нас нет никакого желания торчать в этом забытом краю.

– Мы последуем за вами, – сказал Варуг солдатам.

Солдаты свернули на узкую тропу. Варуг несколько раз украдкой обернулся назад. Икфели продолжал стоять рядом с капитаном.

Азад почувствовал небольшое облегчение.

– Кажется, мы удачно выкрутились, – сказал он Варугу.

– Я думаю, не избавиться ли нам от этих двоих?

Азад возразил:

– Зачем? Они просто солдаты...

Лицо Варуга исказилось:

– Ты очень чувствительный, мой друг. Можно подумать, что ты не видел резни. У меня большое желание рассчитаться с курдом.

Дорога шла вверх. Временами она становилась непроезжей, приходилось спешиваться и карабкаться на скалы.

Оба солдата хорошо знали дорогу и двигались в полном молчании. Все сильнее ощущался холод. После двух часов пути они остановились, и курд показал на узкую дорогу, которая спускалась с холма:

– Вам остается продолжать... До ночи будете в Зейтуне.

Вдруг Варуг выхватил свой пистолет. Азад стиснул поводья.

– У меня нужда в ваших ружьях и патронах, в моем пистолете осталось всего две пули...

Пораженные солдаты уставились на Варуга круглыми глазами.

– Для чего?

– Из-за волков, мои ягнятки. Похоже, что эти места переполнены дикими зверями. Если встречу нос к носу со львом или тигром? Они же меня сожрут...

Солдаты переглянулись. Издеваются над ними? Что за шутки?

– Мы не в Африке... Тут нет львов... – пробормотал турок.

– Да-да, я знаю. Львов, может быть, нет, но точно, что водятся другие звери, которых зовут курдами! Давайте, не спорьте, снимайте потихоньку ружья, кладите на землю, а то у меня рука дрожит...

Лицо курда сделалось малиновым. От гнева или страха? Он сложил ружье и патроны, турок последовал его примеру.

– Я оставляю вам лошадей. Езжайте, покажите мне ваши спины. И чтоб я больше никогда не встречал вас на моем пути... Держитесь подальше, не то я постреляю вас из ваших же ружей.

Солдаты подчинились и умчались без оглядки. Варуг разразился громким смехом.

– Я мог бы их убрать, но когда они расскажут про все это, капитан начнет задавать вопросы, и нашему лейтенанту придется выложить правду...

Он подобрал ружья.

– Мы придем не с пустыми руками! В дорогу...

С наступлением ночи они прибыли в Зейтун. Варуга знали, его ок-

ружила толпа. Все мужчины были вооружены.

– Проводите меня к Ншану, – попросил он.

– Меня воротит от запаха ладана, – говорил настоятель монастыря. – В иные дни мне приходится добавлять в кадило порошок! Скорее беритесь за оружие!

Их было десять, собравшихся в просторном зале монастыря, освещенном свечами. Варуг и Азад внимательно следили за ходом дискуссии. Ншан, по всей видимости, вожак, встал со стула, похрустел пальцами. Он был невысок, но кряжист, длинные, волнистые волосы дополнялись густой бородой, которая покрывала его щеки до самых глаз. У него был цепкий холодный взгляд, неожиданный для его несколько божественного вида. Горячим и низким голосом он произнес:

– Мы изгнали турок из нашего города, мы дышим свободно, но мы знаем, что султан посылает подкрепление, и очень значительное, для того, чтобы восстановить свою власть в Зейтуне. Через несколько дней мы будем атакованы со всех сторон и должны быть к этому готовы заранее. Мы имеем пять тысяч человек, вооруженных и решительных. Это все, что у нас есть. Но Зейтун должен остаться армянским во что бы то ни стало.

Ншан умолк. Слушали его в полной тишине. Он ходил, держа руки за спиной, и продолжал:

– Какой прекрасный пример! В нашей собственной стране мы докажем нашим угнетенным соотечественникам, что при упорстве и храбрости можем добиться независимости. Мы не нуждаемся в турецкой администрации с ее «прелестями». Конец их оскорбительным мерам! Долой непомерные налоги! Никаких грабежей! Мы хотим жить свободно! И за это мы должны бороться до последней капли крови!

Он говорил, не повышая голоса, на одной ноте, и все же по аудитории прошло волнение, горячие флюиды потекли по венам этих мужчин с красными от усталости глазами. Старый священник, смиренно склонив голову, объявил:

– Споем хвалу господу...

Ншан остановил его взмахом руки:

– Споем позже, я не окончил. Господь не нуждается в нашей хвале. В нашей защите нуждаются жены и дети. С этих пор ни один турок не ступит ногой на землю Зейтуна, разве что пленный. Я вам только

что зачитал так называемое послание патриарха Измирляна, и я узнал руку султана. Однажды мы заполучим его самого. Со своей стороны мы отправили несколько обращений к Франции. Может быть, одно из них заставит Европу в конце концов зашевелиться, мы такие же христиане, как они! Не будем забывать: речь идет о религиозной войне. Абдул Хамид хочет уничтожить всех немусульман, он начинает с армян, так как не осмелится напасть на итальянцев, у которых есть родина. А мы... Наша Родина здесь.

Он топнул ногой по полу, выложенному плиткой. Пламя большой свечи колыхнулось и качнуло его лицо – хмурое в движущейся тени.

Азад не отводил от оратора взгляда и думал лишь о том, чтобы овладеть поскорее ружьем и – сражаться.

Сидя по-восточному на согнутых ногах, Варуг размышлял. Да, Зейтун напоминал орлиное гнездо. Но турки были умелыми солдатами, да и храбрости им не занимать.

– Как ты думаешь, сколько солдат пришлет султан в Зейтун?

Рука Ншана обхватила бороду, бледная улыбка прошла по губам.

– Он будет хитрить сколько возможно, пока не решится, наконец. Если, конечно, не отступит под влиянием европейцев, я всегда думаю о Франции. Он знает наши силы, и на наши пять тысяч бойцов найдет двадцать тысяч солдат.

– Один армянин против четырех турок! – вскрикнул священник. – Мы их всех перережем! Не забывайте, что мы окружены союзниками. Что до меня, я не рассчитываю на французов, а только на союзников естественных: скалы, холмы, вершины гор и пропасти...

– И еще на Бога, а? – предложил кто-то.

Священник растерянно улыбнулся:

– Да... почему бы и нет? Это его земля тут...

Саркис, другой предводитель, вытащил из-под себя стул, на котором сидел верхом, и встал, заметно возвышаясь над всеми присутствующими.

– У нас хватит снаряжения, чтобы продержаться против солдат. Но если осада затянется, мы останемся без пропитания...

– Мы будем есть траву и корни, – возразил священник.

Саркис пожал плечами:

– Мы должны организовать в отряды, чтобы обеспечить себя запасами. Зейтун окружен десятком деревень, которые только и ждут, чтобы помочь нам. Мы еще не в нужде, но надо обо всем подумать.

Он снова оседлал стул.

– Какая очередная задача? – спросил Варуг.

Ншан ответил уверенно:

– Захват казармы, до которой четверть часа ходу. Там укрываются триста солдат с немецкими ружьями и двумя пушками. Казарма находится поблизости от селения, оставленного армянами. Сейчас там живут турецкие семьи. Мы должны выбить и солдат и крестьян.

– У тебя есть план? – спросил Варуг. – Эта казарма похожа на крепость.

– У меня есть план. Я расскажу о нем завтра. Уже поздно, отправимся спать.

– А как же мой псалом? – недовольно спросил поп.

– Споем после победы.

Варугу и Азаду была отведена в монастыре небольшая комната с двумя узкими койками и столом. Окно выходило на долину. Варуг растянулся на кровати, не раздеваясь и даже не скинув сапог. Азад снял куртку, брюки, обувь и скользнул под грубое одеяло. В ту же минуту раздался богатырский храп Варуга. Азад задул свечу и лежал с открытыми глазами. Потом мысли его обратились к Константинополю. Перед взором прошли родные, друзья, и когда он вызвал в памяти образ Гаянэ, то почувствовал, как защемило сердце. Как она поведет себя в ответ на его выходку? Ему удалось отправить ей письмо, но получит ли он когда-нибудь ответ? Когда увидит ее?

Дали о себе знать отяжелевшие от усталости ноги, он расслабил мускулы, вздохнул и закрыл глаза...

II

Звон колокола вошел в сон Азада, которому грезились разное оружие, выплевывавшее смертельные пули в турецких солдат. Трупы их уже громоздились, как террасы. Он приподнялся, оглушенный своим сном, полным звуков. Белесый свет проникал в комнату. Священник продолжал неистовствовать на колокольне. Азад повернул голову и увидел серую глыбу, возвышавшуюся на кровати. Варуг ночью разделся, разулся и укрылся серым одеялом. Он лежал, скрестив руки на своем большом животе. Рот был приоткрыт, дыхание легкое, брови по-детски сдвинуты, в виде вопросительного знака.

Азад разглядывал его довольно долго, прежде чем толкнуть в

плечо. Варуг открыл глаза, но не пошевелился, взгляд его блуждал по потолку, потом он тихонько повернул голову к Азаду.

– Ну как, поэт? Хорошо спал? – спросил он, прислушавшись к колокольному звону.

– Мне приснилось, что я стрелял в солдат.

– Из настоящего ружья? И хорошо целился?

– Я их бил, как мух, не целясь, в кучу.

– Это хорошо, мой маленький поэт, очень хорошо. Я сделаю из тебя классного стрелка, – сказал он и, заметив недоверчивое выражение на лице Азада, добавил: – Я не шучу. Это вопрос жизни и смерти. Тем более что ты не хочешь вернуться к своим стихам и поэмам. Нация нуждается и в поэтах, чтобы возбуждать чувства... Возьми меня, к примеру. Я не умею читать, но могу рассказать стих...

– Я хочу научиться стрелять.

– Рассчитывай на меня.

Варуг легко вскочил с кровати и, подойдя к окну, подзвал рукой Азада.

– Иди посмотри... Наш поп скоро оборвет колокол...

Он сложил ладони рупором и крикнул:

– Кончай, отец! Ты разбудишь турок в казарме.

Священник поднял голову и улыбнулся. Он бросил веревку и потер руки. Звук потихоньку замер.

– Приготовь кофе, мы спускаемся.

Варуг взял свое ружье и зарядил.

– Сейчас потренируешься, мой друг. Подойди к окну.

Азад, помешкав, подчинился. Варуг показал на колокол.

– Ну-ка, упри ружье в плечо... вот так... чуть правее. Подними, так... Смотри в прицел...

Азад приложился к ружью, оно показалось ему чересчур тяжелым, и он хотел облокотиться на подоконник.

– Стой ровно. Не двигайся.

Несмотря на усилия Азада, рука дрожала, и он не мог совладать с ней.

– Дыши... дыши ровно.

Он долго прицеливался в колокол и выстрелил. Варуг прислушался.

– Мимо. Не слышу колокола. Заряжай. Заставь этот колокол петь.

– Наверно, пуля скользнула поверху, – сказал Азад.

– Без паники. Давай сначала.

Он выстрелил. На этот раз послышалось быстрое и острое «динь».

– Ты побывал там, мой удалец! Еще разок...

Азад, поощренный, приложил все свое старание: поудобнее приладил ружье и, затаив дыхание, нажал на курок. Зашумело в ушах. Он обернулся к Варугу.

– Промахнулся? Я ничего не слышал.

– Я тоже. Давай еще.

Послышался стук в дверь. Вошел и остался стоять с открытым ртом священник. Наконец он заговорил:

– Что вы делаете, несчастные?

– Ты же видишь, тренируемся.

Он подошел к окну.

– Вы целитесь в мой колокол?

Варуг улыбнулся лукаво:

– Уже сделали две дырки.

У священника округлились глаза.

– Но это... – он задохнулся от гнева.

– Прости, отец, но чтобы защитить твой храм, ему надо стать солдатом. – Варуг отстранил батюшку от окна и сказал Азаду:

– Теперь будешь целиться в язык.

– В язык? Я его еле вижу.

– Это сердце колокола. Надо всегда целиться в сердце.

Комната наполнилась едким запахом пороха. С пятого выстрела Азад заставил язык качнуться.

– Все, я достал его...

– Сегодня будешь спать со своим ружьем. Будешь ласкать, как женщину, будешь разговаривать с ним, привыкать к его формам. Я тебе говорю: это женщина. Ну, так вот: я отдаю ее тебе.

Вдохновленный своим жестом, он повернулся к священнику.

– Благослови жену Азада.

Священник поднял руку, протестуя.

– Не будем путать вещи, Варуг. Это все-таки ружье или женщина?

– Какая разница? Ты ведь никогда не знал женщин?

– Как это... – хитровая улыбка открыла его стертые зубы. – Когда я был молодым... У меня были экономки...

– Благослови ружье...

Варуг взял его из рук Азада и поднес к священнику, который

осенил крестом оружие и сказал:

– Я благословляю это ружье. У него достаточно оснований служить тебе преданно. Пусть оно сохранит тебя от недругов. Не шкуру свою будешь защищать, мой дорогой Азад, а Родину. Я тебя благословляю вдвойне.

Варуг вручил ружье Азаду и обратился к священнику:

– Эта церемония опустошила меня. Ты приготовил нам хороший кофе, я надеюсь.

Азад с тревогой разглядывал большое серое строение, воздвигнутое на склоне горы, которое можно было принять за огромную скалу с выдолбленными нишами. Из этих дыр торчали ружья турецких солдат. Зловещая крепость казалась неприступной.

Было девять часов утра. По небу плыли серые тучи. Двести человек под командованием Ншана заняли позицию напротив казармы, рассредоточившись за скалами и грудями камней. Вокруг было разбросано десятка два домов, в которых укрывались крестьяне и семьи солдат. Несколько детей с любопытством разглядывали это скопление вооруженных людей.

Раздался первый выстрел.

Турки тотчас же ответили. Пули попадали в скалы, поднимая легкие облачка пыли. Они держали позиции армян под постоянным прицелом.

Азад и Варуг укрывались за стволом большого мертвого дерева. Перестрелка длилась минут десять и закончилась ничем. Жертв не оказалось. У армян не было преимуществ. Но и туркам было не достать укрывшихся фидаинов.

Варуг вытащил из кармана три небольшие луковицы и, по обыкновению, принялся смачно хрумтеть. Оглядев поле боя, он вздохнул:

– Мы очень далеко от них... Я думаю, что у Ншана есть план...

Раздался пушечный выстрел, и снаряд разнес скалу, за которой располагались два человека. Вздрыбилась земля, и вихрь из камней и пыли взлетел в воздух, подняв с собой истерзанные останки двух бойцов. С замершим сердцем смотрел Азад на лохмотья человеческого тела, упавшие к его ногам. Кровящие внутренности, пучки волос, обломки костей... – все, что осталось от двух, полных сил, людей...

Он втянул голову в плечи. Дрожали руки. Варуг перестал жевать.

Мертвенный свет мерцал в его глазах. Он поднялся, приложился к ружью и выстрелил.

– Ложись! – закричал Азад. – Ты обнаружил нас. Давай менять позицию.

Варуг опустился на землю и снова принялся за свои луковицы.

– Мы останемся здесь, – сказал он глухим голосом. – Если ты боишься, иди, присоединись к попу.

Азад оскорбленно молчал. На какой-то момент он пожалел, что покинул Константинополь, свою уютную комнату, свое перо и бумаги. Зачем он здесь? Он не создан для оружия, а лицемерие истерзанной человеческой плоти вызывает у него тошноту. Он попытался переменить свою кожу, искренне веря, что преуспеет в этом. Он мечтал о храбрых поступках. Разве не он сидел в тюрьме за то, что в своей статье защищал свободу? Эта мысль ободрила его. Горячие волны потекли по венам, чувства переполнили его. Он подхватил ружье, поднял голову над пнем, который их защищал, долго целился в одно из отверстий и выстрелил.

Эта мгновенная перемена поразила Варуга. Он взглянул на Азада удивленными глазами и перезарядил ружье, не проронив ни слова. Со всех сторон раздавались выстрелы, но они не достигали цели. Повсюду взвивались облака пыли, когда турки нанесли ответный удар.

– А вот и Ншан...

На нем была накидка из звериной шкуры, как у Варуга. Он пробирался, держа ружье на плече, к группе бойцов и подойдя, остался стоять прямо, не сгибаясь.

– Кончайте стрелять в пустоту, – сказал он своим твердым, спокойным голосом. – Враг хорошо защищен. Я думал, что они решатся покинуть казарму и принять бой, но по всему видно, что предпочитают оставаться в своем закутке. Надо нам принять новую стратегию.

Варуг и Азад были к нему ближе других и не пропускали ни слова. Ншан подкрутил свои длинные усы:

– Турки как обезьяны. Стреляют, когда мы стреляем. Как видите, они не ищут сражения, экономят боеприпасы. Я думаю, они получат подкрепление. Мои люди хорошо подготовились для встречи.

Он высморкался в большой белый платок.

– Короче говоря, эта казарма – приманка для нас? – спросил Азад.

– В некотором роде – да. Но если бы нам удалось выкурить их отсюда, было бы очень неплохо. Мы захватили бы их оружие, особенно пушки. Они нам так нужны!

Задача представлялась трудной. Кто-то бросил:

– А если форсировать ворота?

– Мы потеряем много людей. У меня есть идея получше...

Ншан обвел всех взглядом и не встретил ничего, кроме свирепой решимости. Он мог требовать от этих людей все. Подняв руку, он показал какую-то точку в скалистом поле и спросил:

– Что вы там видите?

Люди задирали головы, глаза пронизывали указанное пространство, но ничего особенного не привлекало их внимание.

– Труба... – сказал Азад.

Ншан улыбнулся:

– Вот. Bravo, мой друг. У тебя орлиные глаза. А можешь ты сказать, куда ведет эта труба?

– В казарму, я думаю.

– Молодец! А откуда она идет? Я скажу вам. Солдаты через нее пользуются источником, который бьет из скалы чуть дальше. Мое решение простое. Перерезать воду, и они вынуждены будут покинуть свои места. Вся задача в том, что и труба и источник находятся в их зоне обстрела. Один из бойцов радостно похлопал себя по ляжкам и воскликнул:

– Отличная мысль, надо совсем уничтожить эту проклятую трубу!

– Подождем до ночи, – бросил кто-то.

Ншан покачал головой:

– Мы не можем терять время. Надо идти сейчас же. Достаточно молотка, чтобы исковеркать материал. Этой трубе двадцать лет, она должна быть наполовину негодной. Я вызываю двух добровольцев.

– Я готов, – тихо промолвил Азад.

Все головы повернулись к нему.

– Я не оставлю своего друга Азада, – тут же вставил Варуг.

– Дайте нам два больших молотка. Тут работы часа на три. Мы вернемся к обеду.

Чтобы отвлечь противника, отряд начал перестрелку. Тем временем Азад, а за ним Варуг, поползли к цели. Свежий ветерок резвился между скалами. Над головой, под низкими серыми клочьями облаков, хлопая крыльями, носилась воронья стая.

Камешки, пыль, твердые комья земли – все это собиралось на груди Варуга, который утюжил землю своим мощным животом. Время от времени он приподнимался, чтобы сбросить с груди мусор. Азад напоминал змею, Варуг – неповоротливую черепаху.

Могли ли заметить их турки из казармы? Пока что их скрывали скалы, но через полчаса лазутчиков будет видно отовсюду и тогда...

Азад прикрепил молоток к поясу, и он мешал ему двигаться, больно упираясь в бок.. Ружья с ним не было, вся надежда на то, что выручат товарищи. А если турки пришлют снаряд? Их разнесет на куски, вот и все. Эта мысль парализовала его. Он перестал ползти, чтобы отдышаться. Нет больше Азада. На ржавой каменистой земле разбросаны лохмотья, оставшиеся от его тела, куски падали...

– Ты продвигаешься?

Азад обернулся. Сморщенное от усилий лицо Варуга было на уровне его ног. Он слышал его учащенное дыхание, увидел капли пота на его лбу, несмотря на холодный ветер. Внушительная масса заворочалась, продвинулась вперед.

– Ты устал, мой маленький поэт?

Азад не отвечал. Присутствие Варуга успокоило его. Ему казалось, что в компании с ним он способен достать с неба луну. Он снова принялся ползти и одолел большой кусок пути. Сзади послышался насмешливый голос Варуга:

– Тверда она, наша добрая земля!

Орудя локтями и носками ног, Азад толкал свое тело вперед. Иногда создавалось впечатление, что он не продвигается совсем. Он примечал точки, чтобы убедиться в своем успехе. До цели было еще далеко. Лучший способ избавиться от страха – это думать о чем-нибудь постороннем. Позавидовал воронам, которые свободно парили в небе, не прикладывая особых усилий, чтобы одолеть встречный ветер. Потом отдался воспоминаниям о Гаянэ. Что она делает в этот час? Как проводит свои дни? Он вдруг увидел ее в момент, когда она подавала реплику Отелло на маленькой сцене на острове принцев. Он по крупицам восстанавливал в памяти ее манеру закидывать вверх руки, ее розовые щеки, ее шаловливый голос и теплоту ее взгляда, когда он привлекал ее к себе. Прогулка на пляже, ее гибкое тело на песке. Было ли все это сном? Нет, она существовала в действительности. Горячий источник, затерянный где-то в большом городе...

А он? «Я не существую, – сказал он себе. – Я всего лишь автомат, который перемещается из одной точки в другую, чтобы выполнить некий акт. Я призрак и мне нечего бояться, так как меня уже нет»...

Молоток зацепился за камень. Он отцепил его, чертыхнувшись, и все видения улетучились. Земля казалась полем терновника. Все тут колосось: самый малый камешек, грудка земли, высохший корень. Чем дальше, тем чувствительней становилось желание избежать этой надоедливой пытки. Тогда он поменял землю на море и видел себя плывущим на волнах, раскинув руки, убаюкиваемый на мягком ложе. А еще он летал в свободном пространстве между небом и землей...

Грудь его уперлась в кучу камней, и он забыл о море, расслабился, чтобы отдышаться. Слышно было, как обмениваются залпами противники и как ухнула пушка. Он обернулся и увидел тучу пыли над расположением армян. Скрепя сердце, он продолжал ползти. От него зависит результат операции. Лишенные воды, турки вылезут из своих дыр, как крысы. Краем глаза глянул на небо. Лишь бы не было дождя. Вскоре он успокоился. Тучи рассеялись, и показалось бледное солнце.

Позади себя Азад слышал прерывистое дыхание напарника. Он с усилием хватал воздух ртом. Чтобы дать ему расслабиться, сказал с улыбкой, стараясь казаться веселым:

– Что ты будешь есть на обед?

Варуг пыхтел, капли пота падали с крыльев носа. Физиономия его

была мрачной.

– Я буду есть турка, – сказал он вдруг осипшим голосом и, прокашлявшись, добавил нормально: – Турка, слегка посыпанного курдом. А ты?

– Я бы почитал стихи, – сказал Азад с улыбкой. – Но я думаю, что мы могли бы все это поменять на хорошее рагу.

– Я тоже так думаю.

Варуг вытер лицо тыльной стороной ладони, опустил голову, упершись подбородком в землю:

– Я думаю, человек не создан ползать. Наверное, в древние времена он ходил на четырех, как собака, это лучше, чем ползать... Ты видишь эту проклятую трубу? Мы хоть правильно к ней движемся? – Он положил голову на руки, вздохнул. – Наверное, уже недалеко. Через четверть часа будем там.

Наконец, перед глазами Азада показалась труба, похожая на огромную змею, которая простиралась к казарме, наполненная водой. Земля вокруг была голой. Кончались защитные экраны скал. Одинокий сокол устроился на металлическом ободе трубы.

– Ах, если бы у меня были крылья! – вздохнул Варуг. – Двигай дальше.

Азад подался вперед. Каждые пять минут он изобретал новую тактику. Разбитые локти причиняли невыносимые страдания. Он приподнимался на руках и, изготовившись, бросался вперед. Он амортизировал удар, откидывая, сколько можно назад голову. Острая боль пронзила затылок. Он продолжал, включая в прыжок все мускулы тела. Лицо его покрылось царапинами. В какой-то момент руки изменили ему, и он рухнул на землю. Потекла кровь из носа, он растерялся и вдруг почувствовал, что рука гладит его по спине.

– Ты это... утрись...

Варуг протянул вышитый, сложенный вчетверо платок. Азад приложил его к носу.

– Этот платок украден из гарема, – пошутил Варуг.

– Он пахнет мускусом, – пробормотал Азад.

– Упоительный запах, мой поэт! Платок покоился на груди девственницы, когда я его украл.

Азад откинул голову назад, энергично промокая ноздри платком.

– Какая девственница? В каком еще гареме?

– Ха-ха!... Я хотел наказать одного негодяя, ворвался в его гарем. История для птичьего двора! Надо было видеть рожи евнухов! Они бегали за мной и визжали своими бабьими голосами. Я повеселился!

Через несколько минут Азад протянул назад окровавленный платок.

– Выбрось, у меня есть другие.

Азад возобновил движение. Сгусток крови в носу мешал дышать. Азад боялся потревожить его и дышал ртом. Добравшись до последней из скал, что охраняли их, он обернулся. Варуг просил жестом дожидаться его и, подобравшись ближе, сказал:

– Мы не определились на местности. Оставайся здесь, я сам разберусь и расколочу к черту этот водовод!

– Не выйдет. Я буду с тобой. Не для того я проделал этот адский путь, чтобы иметь удовольствие наблюдать твою работу со стороны.

– Ты меня не так понял. Я начну, и если со мной что-нибудь случится, ты придешь на смену.

– Нет, вдвоем нам будет сподручнее. Если тебя засекут, у меня не останется шанса.

Варуг прищурился, словно видел его издали. Легкая улыбка скользнула по его окаймленным густой растительностью губам.

– Честь и хвала тебе, мой друг!

Без колебаний Азад червем пополз вперед. Издали доносилась плотная стрельба. Армяне удвоили жар. Он старался не думать ни о чем. Только бы получше слиться с камнями и пылью, стать как ящерица с ее увертками. Наконец он достиг трубы и закричал Варугу:

– Я тут сам управлюсь. Не стоит тебе...

Но Варуг, пыхтя, уже подползал, Азад слышал его одышку, ругань, невнятное пение. Его борода побелела от пыли. Он подтянул молоток и, постучав по трубе, остался доволен.

– Она наполовину сгнила. Давай...

Он стукнул со всей силой, и металл вогнулся. Азад повторил его удар. Для удобства они стали на колени. Водовод должен был податься с минуты на минуту.

– Да это масло! – воскликнул Варуг, размахиваясь.

При каждом ударе труба вибрировала, как колокол, и эхо разносилось далеко. Наконец, случилось то, о чем они не хотели думать: их заметили из казармы. К звукам их ударов примешалась дробь от

турецких пуль.

– Так и есть, они стреляют сверху, – проговорил спокойно Варуг. – Ты ложись...

Тотчас же десятки пуль засвистели вокруг. Варуг не унимался:

– Если они будут продолжать, сами вместо нас пробьют трубу.

Он выждал момент, вскочил, нанес сильный удар и с неожиданной легкостью распластался на земле. Успел заметить, как бледен стал Азад, забеспокоился:

– Ты ранен?

– Нет-нет...

Азад попросту испугался. Не пуль – пушки. Он почувствовал себя вдруг парализованным. Силы покинули его. Он подумал о страшной утренней сцене. Разбросанные куски тел двух бойцов. Надо поскорее закончить свою работу. Варуг поднимался, наносил удар и падал, сливаясь, сколько мог, с землей. Азад наблюдал за ним, собираясь с силами. Вдруг он почувствовал животом влажную прохладу воды, смочившей землю. Сердце учащенно забилося. Варуг добился своего – пробил брешь.

– Я помогу тебе, – сказал Азад.

Он вскочил на ноги и начал колотить молотком изо всех сил. Дыра заметно расширилась, вода бурно полилась на землю, растекаясь ручейками. Варуг удивленно вскинул брови и улыбнулся.

– У тебя мертвая хватка! Ложись! Я тебя взял сюда не для мишени.

Азад не останавливался.

– Давай еще...

– Все! Теперь и муфта не поможет. Ложись, черт возьми!

Он лег. Пули засвистели с новой силой, поднимая круги пыли. Он с улыбкой смотрел на толстую струю воды, жадно впитываемую землей.

Они начали карабкаться в обратном направлении. Время от времени Азад оборачивался назад, чтобы убедиться, что вода исправно течет из изуродованного водовода.

– Они не придут заменять трубу, я надеюсь.

– Нет, мой друг. Мы будем начеку. Если у них нет запаса воды, они покинут казарму в двадцать четыре часа. Они придут пить из наших рук...

Возвращение обошлось без приключений. Когда они достигли

ближайшей группы армян, раскатистое «браво» встретило их. Ншан обнял Азада.

– Пойди в монастырь, отдохни...

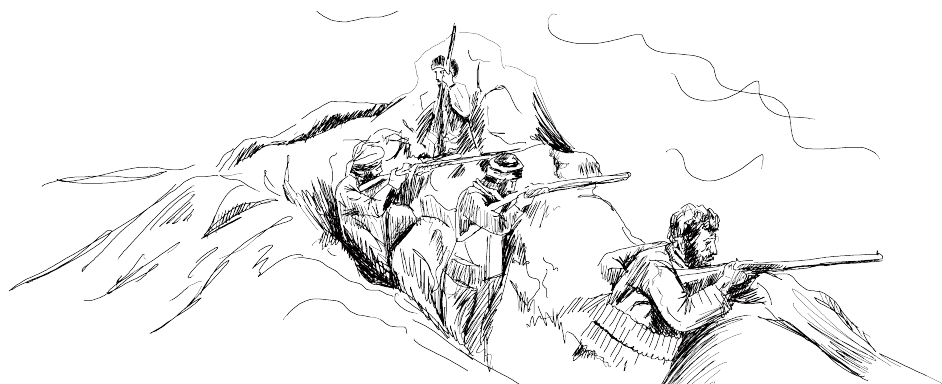
– Я себя прекрасно чувствую...

Он хотел взять ружье, но руки его дрожали. Варуг занял уже свое место в цепи и начал стрелять по казарме.

– Я бы с удовольствием выпил стакан воды, – сказал Азад.

Ночь поглотила казармы. Умолкло оружие. Армяне рассредоточились небольшими группами в горах на случай ожидаемого подкрепления у турок. Сырой ветер пронесся по горам, и люди завернулись в одеяла. Слышались пение, храп, стоны раненых, за которыми смотрели врач и помогавший ему священник. Погибло десять человек. Их похоронили. Неусыпный Ншан отдавал приказы, утешал семьи погибших, возбуждал в людях патриотизм. Зейтун не должен попасть в руки турок. Ни под каким предлогом! Ставка сделана! Надо бросить вызов Великой Порте, дать пример, доказать, что горстка армян способна распорядиться своими судьбами без вмешательства турок. В Зейтуне сожжены мечети, изгнаны мусульмане. Зейтун был армянской землей и ею останется.

...Стрельба возобновилась с самой зари. Турки удвоили жар. Пули свистели со всех сторон. Гремела пушка, снаряды разбивали скалы, за которыми укрывались армяне. Двое раненых, истекая кровью, звали на помощь. Азад пробрался между двух холмов и занял удобную позицию для стрельбы. Приладив ружье, стал искать цель и не нашел. Казарма была похожа на крепость. Бойницы, сделанные в толстой стене, изрыгали свинец. Нужно было быстро отвечать на за-

лпы, чтобы не дать неприятелю вести прицельный огонь. Он выстрелил вместе со всеми, целясь в узкие прорези.

На горизонте поднялось облако пыли. Ншан громко отдавал распоряжения.

– Воины! К врагу подходит подкрепление! Не дадим им проникнуть в казарму!

Азад перезаряжал ружье, когда Ншан знаком подозвал его к себе.

– Поднимись в деревню. Предупреди Агаси. У нас с ним разработан план. Пусть начинает выполнять его. Ружье оставь здесь.

Азад начал карабкаться на гору. До Зейтуна – четверть часа хода. Он заметил, что мускулы у него окрепли, он шел споро, без усилий. Остановившись на полдороге, он бросил взгляд назад. Пыльное облако увеличивалось. Воздух был насыщен дымом и запахом пороха. Азаду видно было все поле боя. Расположение армян было прочным. Маленькие группы не так просто сдвинуть с места или атаковать. У турок был единственный шанс – окружить всю позицию, но на этот случай в Зейтуне была наготове тысяча человек резерва.

Агаси он нашел сразу, вокруг него было человек сто бойцов.

Небольшого роста, плотный, улыбчивый, он встретил Азада с почетом, поздравил с совершенным накануне подвигом. Отдышавшись, Азад передал приказание командира. Агаси поскреб бородку, сощурил маленькие хитрые глазки. Он достал из кармана табакерку и преспокойно занялся самокруткой. Азад смотрел на него с удивлением. Он думал, что тот немедленно станет отдавать распоряжения согласно плану, предложенному Ншаном.

– Не хочешь ли ты закурить, мой мальчик?

Азад покачал головой. Агаси не имел при себе никакого оружия. Жилет, застегнутый на все пуговицы, скрывал слегка выпиравший живот. Из карманчика свисала золотая цепочка от часов.

– Можно устоять против всего, но не против жажды. Отсюда сегодня же вечером мы атакуем казарму и захватим всю амуницию.

– Я думаю, у них нет запаса воды, – сказал Азад.

– Нет, у нас есть сведения.

– А подкрепление?

Агаси окинул его ясным взглядом.

– Мы все предусмотрели.

В то же время он не давал никаких приказов, оставался на месте, покуривая свою самокрутку. Азад быстро высчитал, что солдаты,

начавшие восхождение на высотку, будут в казарме через два часа.

Агаси устроился, облокотившись на валун. Он достал часы, поднес к уху, посмотрел время и спокойно опустил их в карманчик. Окурок жег пальцы, но он не выбросил его, а погасив огонь, ссыпал то, что осталось, в табакерку. Его безразличие было обманчивым. Азад пытался разгадать мысли этого человека, беззаботно покуривавшего в кругу решительных людей с озабоченными и жесткими лицами. Что мешало ему отдать приказ, чего он ждал? Противник быстро пробирался к цели.

– Противник многочисленный, – не мог удержаться от замечания Азад.

Он говорил в пустоту. Агаси не слушал его. Он продолжал смотреть на горизонт с безразличием, начинавшим раздражать. Азад перенес взгляд на стоявших кругом людей. Неподвижные, как статуи, они не выражали никакого нетерпения. Колонна турок казалась нескончаемой. Она огибала скалы и непреклонно продвигалась вверх. Перестрелка прекратилась. Давящая тишина установилась в воздухе и на земле. Едва было слышно ржание лошадей. Серый цвет казармы слился с землей.

У Азада было желание крикнуть: «Да сделайте же что-нибудь!». Он кипел от негодования и кончил тем, что усомнился в значимости людей, которые его окружали. Против регулярной выученной армии с кадровыми офицерами стояли вооруженные крестьяне, гражданские люди. Армяне, конечно, рассчитывали на свою отвагу, но одной храбрости мало. Оставалось только сожалеть, что, к несчастью, не существовало армянских офицеров. Несколько лет назад изредка попадались они в турецкой армии, однако вскоре их перевели на административные должности, чтобы нейтрализовать.

Турецкая колонна все больше расплзлась по горе и поднималась все выше в направлении казармы. Когда в долине не осталось ни одного солдата, и вся часть оказалась в подвешенном состоянии между небом и землей, Азад понял замысел армянских командиров. До казармы карабкаться еще четверть часа. Наконец, Агаси подал команду:

– Вы можете идти.

Человек двадцать отделились и скрылись на улицах Зейтуна. Азад последовал за ними глазами. Куда они отправились? Какое у них задание? Что они могли совершить, когда неприятель уже рядом?

Агаси не двигался с места, он снова запустил руку в карман за табакеркой.

Прошло долгих пять минут. Вдруг, разорвав ледяную утреннюю тишину, ударили в колокола все церкви Зейтуна. Сначала звон был стройный, потом все пространство далеко вокруг заполнила какофония, оглушительная своими диссонирующими ритмами. От этого адского концерта глохли уши. И тут начался бой. Первый залп дали люди Ншана. Перед глазами Азада развернулось невообразимое зрелище. Можно было подумать, что турки попали в камнепад. Сверху летели на них глыбы, небольшие скалы, а из-за них появились воины, извергавшие ружейный огонь. Через несколько минут вся турецкая армия была взята в подкову: стреляли отовсюду, и турки не знали, как спастись. Защищаться не было возможности, армяне возникали из-за каждой скалы.

Издали это смертоносное зрелище казалось плодом воображения. У Азада было такое чувство, будто он видит сон. Он видел фигурки, которые падали, вставали, меняли свои места. С обоих склонов горы усилилась стрельба. Он видел муравьиное действо, видел, как эти фигурки карабкались, переворачивались, смешивались, образуя сплошную массу. К удаче армян, в таких условиях турки не могли применить свои пушки. Клубы черных облаков, образованных пороховым дымом, носились над полем боя.

Сражение продлилось не больше часа, и Азад увидел, как бежали, спасаясь, турецкие солдаты, бросая оружие и амуницию. Они безвозвратно исчезали за скалами. Полный разгром!

Перестали звонить колокола, и над долиной установилась странная тишина. Большинство бойцов рассеялось по своим позициям на горе. В зоне видимости остались люди Ншана, обложившие казарму. Оттуда доносились детские голоса: «Выпустите нас, мы хотим пить».

Агаси повернулся к Азаду. Кожа его сделалась красной, и он слегка задыхался, словно только что вышел из боя.

– Пойдем, повидаем Ншана. Есть семьи, которые заключены в казарме.

Они молча спустились по склону. Из-под ног Агаси осыпались камни, но он умел удерживать равновесие. Азад трижды упал, пока они достигли цели. Ншан совещался со своими бойцами, но прервал разговор и встретил пришедших радостной улыбкой. Глаза его сияли. Как раз в этот момент привели трех турецких солдат.

– Очень даже вовремя, – сказал Ншан. – Мне нужно несколько пленных.

Он обратился к Агаси:

– Я пошлю их в казарму, чтобы потребовать сдачи солдат, как ты смотришь?

Агаси подумал немного и согласно кивнул головой.

– Я слышал, как дети просили воды.

– Наш трюк удался.

Он повернулся к солдатам, стоявшим с растерянным видом, – двое безусых юнцов и почти старик с рябым лицом.

– Сколько у вас убитых?

Один из молодых решил заговорить. Он произнес чуть слышно:

– Много сотен...

– Самое меньшее – тысяча, – вставил армянин.

– А с нашей стороны?

– Человек пятьдесят. Мы эвакуируем раненых по деревням.

Азад слушал эти цифры с крайним изумлением. Стоя наверху, он не отдавал себе отчета о размерах бойни. Что станут делать с таким числом трупов? Он встретился взглядом с Агаси, и тот, кажется, угадал его мысль.

– Образуйте команду по сбору оружия. Об остальном позаботятся грифы. А вы трое, – обратился он к пленным, – вы пойдете в казарму и скажете своим, чтобы они покинули свои места. Скажите им, что они будут в безопасности, и что мы позаботимся о женщинах и детях. Идите...

Солдаты взяли направление на казарму. Шли вразвалочку, болтая не в такт руками, и только приблизившись к зданию, прибавили шаг.

Глаза армян были обращены к двери казармы. Через четверть часа она открылась, выпустив группы женщин и детей, за ними появились безоружные солдаты.

Ншан велел своим людям подойти. Они взяли в полукольцо пленных. Из группы пленных отделился комендант крепости и стал искать глазами шефа. Ншан вышел ему навстречу и заговорил первый:

– Комендант, вы с вашими людьми подниметесь в Зейтун. Мы займемся вами, обращение будет корректное. Женщины и дети будут размещены в армянских семьях, все прочие – в мечетях, – и добавил с иронией: – Вы сможете отблагодарить аллаха...

Комендант, крупный, жирный и короткорукий, с глазами навывкате,

показал в сторону женщин.

– Мы – солдаты, мы не боимся смерти, но я вас заклинаю позаботиться о них.

Ншан сказал нетерпеливо:

– Я вам повторяю, с ними ничего не произойдет. – И добавил с оттенком сожаления: – С вами тоже.

Сотня бойцов, окружив пленных, двинулась в сторону Зейтуна. Другие заполнили казарму. Здесь они нашли сотни ружей, тысячи патронов, много продовольствия: муку, солонину, сушеные овощи, чечевицу и еще много чего. И – ковры, шали, дорогие отрезки. Ншан вздохнул:

– Эти проклятые бандиты обогащались за наш счет. Забирайте все отсюда.

Люди с радостью принялись за добычу.

Ншан скомандовал поднять над казармой армянский флаг.

III

Ремзи-Паша откинул полог палатки, выставил голову на свежий воздух. Снежинки таяли на его лице. Чуть в стороне солдаты очищали от снега площадь, занятую сотнями палаток, в десяти километрах от Зейтуна. Снег шел уже неделю. Прекратились бои. Стороны изучали друг друга, вырабатывая новую тактику.

Ремзи-Паша вошел в укрытие, потер руки над железной печкой, топившейся углем. Среднего роста, хорошо сложенный, он имел в подчинении тридцать тысяч солдат и задание – захватить Зейтун.

В одной палатке с ним располагался его кузен, молодой капитан Фарид, красавчик с холеными усами и волоокими глазами, известный дамский угодник и неперменный гость на всех приемах в модных салонах Константинополя. Ремзи-Паша ловил себя на мысли, что он испытывает к нему не только привязанность, но и какую-то долю зависти. Как ему удастся соблазнить всех этих высокомерных дам?..

– Целая армия против горстки армян, мой дорогой кузен, – сказал Ремзи-Паша, остановившись перед Фаридом. – Смешно, да?

Молодой капитан сделал значительное выражение лица.

– Я спрашиваю себя, почему мы так обозлены против них? Пусть себе мирно живут на своей горе. Почему мы занимаемся этими

дикарями?

Ремзи-Паша посмотрел на капитана с усмешкой. Этот желторотик ничего не смыслил в политике.

– По-твоему, мы должны уйти, и пусть армянское знамя полощется над колокольной?

– А почему бы и нет? Потерянный край. Булавочная головка, которая ничего собой не представляет.

– Но она колет! Колет наш престиж, нашу честь. Если мы покажем себя стговорчивыми, в Турции поднимется целая революция. Армяне откроют фабрики по выпуску своих знамен. Они способны заставить турок работать. Потом они потребуют армянского правителя...

Некомпетентность Фариды огорчила его, и он решил не продолжать разговор на эту тему.

– Мой дорогой кузен, я думаю, что было бы лучше, если бы ты оставался в Константинополе. Ты там с большим успехом боролся бы за наше дело.

Фарид вскинул голову:

– Почему? Я офицер, и мое место здесь. Я не отказываюсь от сражений, хотя и не оправдываю целиком.

– Я знаю, знаю... – Ремзи-Паша бросил косой взгляд. – Я не хочу оскорбить тебя, но когда идешь в бой, лучше верить в его необходимость.

Фарид не отвечал. Ремзи-Паша изобразил танцевальное па и улыбнулся.

– Я чувствую, что ты не можешь без приемов. Не возражай...

Фарид опустил голову, соглашаясь.

– Еще бы! Не моя вина, что меня приглашают повсюду... И потом, я служу моей родине косвенным образом...

– Как это?

Молодой офицер пожал плечами.

– Определенные дамы доверяют мне... разные мелочи, чепуху... Но я докладываю обо всем моему командиру... Например, я знаю, что во французском посольстве формально не одобряют нашу акцию против Зейтуна.

– Об этом знают все...

– Да-да... и немцы?

– Они с нами. Вильгельм II самый большой друг нашего султана.

– Да, это так, но представь себе...

Он умолк, чтобы разжечь любопытство кузена, подошел к печке и, чуть наклоняясь, протянул руки. Два крошечных пламени затанцевало в его зрачках, на губах обозначилась легкая ироническая улыбка.

– Итак, немцы? – немного резковато спросил Ремзи-Паша.

Фарид похлопал себя по щекам нагретыми ладонями.

– Они не желают в данный момент конфликта с армянами.

– Ты говоришь чепуху.

– Ты волен верить или не верить. Представь себе, они подписали с англичанами пакт о разделе концессии на строительство железной дороги. Французы тоже в этом ряду. Все эти страны, как известно, исповедуют христианство и чувствуют себя причастными к судьбе армян...

Ремзи-Паша сказал недовольно:

– Концессия достанется тому, кто предложит лучшие условия. Ты не сообщил мне ничего нового.

– Нет, мой дорогой кузен. Немцы и пальцем не пошевелят в случае интервенции с целью освобождения Зейтуна.

– Во-первых, мы в два счета ликвидируем этих дикарей, и не потребуется никакой интервенции... – Он умолк и внимательно посмотрел на кузена, лицо которого расцвело в довольной улыбке. – Где ты выискал эти глупости?

Фарид округлил губы и произнес жеманно:

– Под одной подушкой...

Ремзи-Паша издал хрюкающий звук, выражая свое полупрезрение-полувосхищение. Ему захотелось сказать что-то грубое, чтобы сбить с кузена спесь.

– Словом, ты носишь свою саблю в штанах.

Фарид склонил голову, но не стал скрывать язвительной улыбки.

– Ты увидишь, мой дорогой кузен... Армяне тревожат всю Европу.

– Из-за Зейтуна? Этой булавоочной головки, как ты хорошо сказал.

– И по другим причинам тоже. Они ищут предлог...

Слышно было, как убирали снег вокруг палатки, как скребли лопатой по земле. Ремзи-Паша окончательно отказался дискутировать со своим кузеном.

– Возвращайся в свою палатку, у меня встреча с полковником Али-Беем.

Фарид, улыбаясь, направился к выходу.

– Поостережемся христиан...

Ремзи-Паша, оставшись один, поднял ногу, грея ее у печи. Запах ваксы и кожи пошел по палатке.

– Могу я войти?

У входа появилась фигура полковника. Ремзи-Паша, не прерывая своего занятия, сказал:

– Входите, мой полковник.

Али-Бей был атлетического сложения, небольшой шрам на лице. Рот с тонкими губами, нос крючком, холодный взгляд, подчеркивающий суровость выражения лица. Слегка кривые ноги выдавали в нем кавалериста, больше привыкшего к седлу, чем к салону. Типичный офицер. Полная противоположность Фариду. Куда бы он ни вошел, с ним приходила натянутость и напряженность. С ним надо было идти прямо к цели. Ремзи-Паша указал на стул и почти повернулся спиной.

– Итак, мой полковник, выбьем мы армян из Зейтуна?

Подумав, тот ответил:

– Мы должны изменить тактику. Нам трудно вести осаду, держать все силы в одном месте. Мы должны рассредоточиться, наложить руку на все десятки сел, которые тяготеют к Зейтуну и являются его щупальцами. Нам нужно методично, осторожно продвигаться, окружая Зейтун со всех сторон, рассеивая неприятеля.

Ремзи-Паша повернулся к полковнику. Легкий пар исходил от его сапог.

– Проклятый край, не ожидал такого климата! Мы слишком задержались в этих местах.

– Мы недооценили их силу. Эти собаки хорошо вооружены и готовы умереть, чего не скажешь в нашем случае. Но рассчитывайте на меня, я их сокрушу. Я хочу создать специальное подразделение, которое будет расстреливать тех, кто побежит. Как только начнется сражение, ни один солдат не должен сделать шаг назад. Речь идет о нашем престиже. Нельзя допустить, чтобы мы стали посмешищем для всей Турции!

Слова полковника болезненно отдавались в голове Ремзи-Паши. Его охватил приступ гнева.

– Вы правы, полковник Али-Бей. Я не нуждаюсь в трусах.

Будьте безжалостны. У нас тридцать тысяч обученных солдат. Мы уничтожим Зейтун. – Он развернул на столе план местности. – Вот эти небольшие села: Темелик, Габан, Бундук, Сисне, Андрун... Всего-навсего горстка.

Полковник поднялся, взгляделся в карту, которую знал, как свою ладонь. Зейтун наверху и его окружение напоминали скалистую пирамиду.

– Несчастье в том, что противник уходит из села, когда мы начинаем атаковать. Он не облегчает нам задачу. Но мало-помалу мы истребим их всех. У нас десять пушек. – Он ткнул толстым пальцем в карту. – Это Фурну. Самое близкое село, с него и начнем обстрел. Время работает на нас. Через неделю у них закончатся продовольственные запасы.

– Да-да, – повеселел вдруг Ремзи-Паша. – Надо их задушить голодом. Нам не нужно будет даже тратить боеприпасы. Они вылезут из своих дыр и придут лизать нам руки.

– Мы их перережем холодным оружием, как баранов.

Жестокость на лице полковника не удивила Ремзи-Пашу.

– Там видно будет...

– Мы их утопим в их неверной крови!

Ремзи-Паша терял терпение.

– Как только прекратится снег, надо начинать сражение. У вас имеется план сражения?

– Очень простой. Начнем осаду здесь... здесь... и здесь... – он обвел пальцем кружочки вокруг названий трех сел.

– Аллах с нами, – заключил Ремзи-Паша.

Село Андрун состояло из сорока домов, построенных вокруг церкви. Оно исчезло под толстым покровом снега. Из печных труб несмело вился желтый дымок. На птичьих дворах стоял обычный гомон в час кормежки. По замерзшей глади круглого бассейна, обложенного камнями, возле церкви скакал в поисках пищи дрозд.

Было восемь часов утра.

Полковник Али-Бей поднял руку. Он шел в голове колонн, насчитывающих тысячу солдат. Турки пробирались в снегу, изготовив ружья к стрельбе. Но никакого выстрела не последовало. Все сорок домов были окружены. Из одного дома выглянул человек и, увидев

такое скопление силы, в ужасе скрылся за дверью.

Разбившись на группы по пятнадцать человек, солдаты набросились на дома. Стоны, крики протеста, плач нарушили тишину. Не прошло и получаса, как все население села – женщины, старики и дети – было собрано на маленькой площади. Было схвачено двадцать ружей. Двести пятьдесят человек втолкнули в церковь. Дверь закрылась, и взвод солдат расположился вокруг этого объекта.

Полковник Али-Бей пожал плечами и вздохнул. Бывшему под его началом капитану Фариду он сказал:

– Вы видите, капитан, операция прошла без капли крови.

Крошки льда сверкали в его бороде. Шрам сделался фиолетовым. Он вытирал глаза, они слезились от холода. Капитан Фарид дышал глубоко, он любил слегка подмороженный воздух. Его взгляд скользил по горе.

– Можно подумать, что это край земли, заброшенный и дикий, – сказал он задумчиво.

– Я вам говорю об удачной операции, капитан, а вы мне отвечаете стихом.

Фарид пропустил мимо ушей реплику полковника. Он не боялся Али-Бея и пошел на эту кампанию ради своего удовольствия, чтобы развеяться от скованной жизни в палатке.

– К несчастью, я не поэт, но очень чувствителен к хорошему пейзажу.

– Какой пейзаж? – буркнул полковник. – Кругом эти скалы, хижины, армянский сброд. Я уверен, что в этот момент вооруженные банды следят за нами, и что новость распространится очень быстро. Это то, чего я хочу: пусть все эти повстанцы знают, что они нам – на один зубок. – Он уловил в глазах капитана насмешку. – Успокойтесь, капитан, у меня нет намерения сжечь церковь. Есть более интересная мысль.

– Какая?

Вопрос повис в воздухе. Следовало бы за непочтительный тон сделать замечание этому выскочке, но Фарид был кузеном Ремзи-Паши.

– Я буду морить этих армян голодом.

– С какой целью?

Али-Бей вздохнул. Сардоническая улыбка заиграла на его губах. Взгляд его остановился на церкви. Солдаты с оружием в руках охраняли все выходы.

– Военная тайна. Скоро увидите сами...

– Там есть дети, мой полковник.

Полковник отмел этот аргумент.

– Будущие бандиты. Однако, капитан, можно подумать, что вы защищаете их!

Фарид не отвечал. Он не оправдывал полковника, но сделать ничего не мог. Он желал бы честного боя. Мужчины против мужчин, никаких женщин и детей, это исключено.

– Вы – командующий, мой полковник, вам и решать...

– К счастью, это так.

Этот Фарид начинал действовать ему на нервы, и он решил держать его подальше от своих решений. Полковник дал короткий приказ:

– Я предлагаю вам, капитан, принять командование над солдатами, которые охраняют церковь.

Солдаты разложили большой костер, чтобы обогреться. Фарид направился к ним. Он был в курсе последних событий, произошедших в Мараше. Пятьсот человек загнали в церковь и подожгли...

Фарид подошел к потрескивающему пламени. Его обдало густым теплом, проникающим через плотные ткани его одежды. Но стоило ему отвернуть лицо, и он чувствовал пощипывание мороза. Он подумал о жителях села в ледяной церкви. Все они еще час назад сидели в своих теплых углах.

Солдаты не дали себе труда закрыть двери домов. Прибежала лаем собачонка и направилась к церкви. Изнутри послышался мальчишеский крик: «Фежо... Фежо». В ответ собачонка подала свой жалобный писк, но тут же была отброшена далеко в сторону пинком солдатского сапога.

Вдруг послышалась канонада, били сразу из нескольких точек. Турецкая армия начала обстрел Зейтуна. Лишь половина снарядов достигала цели, еще меньшее их число взрывалось. Целые снаряды армяне обезвреживали, порох пускали на свои нужды, а металл переплавляли.

Ремзи-Паша командовал операциями на южном склоне, где местность была более выгодной. Он собрал пятнадцать тысяч человек, разбил их на группы и приказал стрелять в Зейтун. Армяне даже не отвечали, чтобы не расходовать боеприпасы. Целью Ремзи-Паши было не оставлять противника в покое. Он считал, что через неделю-другую армяне сами сдадутся. Он знал, что уже несколько дней у них

было тяжело с продуктами. Надо лишь не дать им выйти из укрепления и пополнить запасы за счет соседних сел. Полковник Али-Бей как раз занимался селами, прибирал их к рукам одно за другим. Безжалостная петля душила Зейтун.

Двести пятьдесят жителей Андруна, заключенные в своей церкви уже пятый день, не получали ничего, кроме небольшого куска хлеба и воды. Они изголодались. Уже умерло двое маленьких детей. Их трупы положили на алтарь, и священник, взяв в руки кадило, говорил свои слова утешения и ободрения.

Вначале кто-то из молодых поднимался на колокольню и звонил, чтобы сообщить тревогу ближайшим селам. Теперь на это не хватало сил. Люди смирились, стараясь не двигаться. Они как бы одеревенели: их тела, притиснутые другу к другу, испускали остатки животного тепла. В полдень пятеро солдат вносили посуду с водой и четыре сумки с хлебом, ставили все это в угол и уходили без слов. Для распределения среди армян был создан комитет. Водой наполняли кувшины и передавали из рук в руки, делили на кусочки черствый хлеб.

– Надо похоронить покойников! – крикнул кто-то.

Трупы завернули в простыни, которые нашлись у священника. Оставалось вынести.

Стражников было не более десяти человек, остальные ушли в бой. Фарид присоединился к своему кузену. Пушки сыпали снаряды на Зейтун.

– Охраны почти нет, все ушли, – сказал Андраник, молодой человек лет двадцати двух, с горящими глазами. – Попробуем вырваться из этой дыры, пока не передохли, как крысы.

– Двери заперты снаружи.

– Завтра в полдень, когда солдаты принесут еду, набросимся на них и отнимем оружие.

Неодобрительное молчание было ответом на слова юноши. Было несколько мужчин, способных откликнуться на план Андраника, но они не решались, боясь, в случае неудачи, серьезных санкций турок, которые уже сожгли не одну церковь. Могли поджечь и эту.

– Надо во что бы то ни стало сообщить нашим, – настаивал Андраник. – Сегодня ночью я попытаюсь бежать через колокольню.

– Ты туда никогда не залезешь. Знаешь, что тебя ждет, если поймают?

Горькая улыбка скривила губы юноши.

– Предпочитаю умереть, чем сидеть здесь. Я начинаю понимать их намерения. Они хотят уморить нас голодом и жаждой. Хочу воспользоваться своими последними силами, пока не поздно.

Чтоб не дать уговорить себя, он направился в дальний угол и, скрестив руки на груди, замер, опершись спиной о стену. Его глаза задерживались на женщинах и детях. Инертная масса. Жалость уступила место желанию действовать. Им надо помочь как можно скорее. Медленная смерть ждала их. Несколько женщин, обессилев вконец, смиренно звали священника для причастия.

IV

– У нас нет больше ни муки, ни соли. Даже чечевицы.

Человек, отвечавший за снабжение продуктами, стоял перед Агаси, потупившись и облизывая сухие губы.

– Придется пожертвовать несколькими лошадьми, – вздохнул Агаси. – Этой ночью попробуем добыть что-нибудь в Темелике.

Турки подходили к Зейтуну. Армяне знали, что будут перебиты без жалости. Но они продолжали борьбу. Боезапаса им хватало.

Вокруг Зейтуна были возведены баррикады. Неприятель атаковал с двух сторон. Турок видно было издали: черные пятна на снегу. Они небрежно вели огонь, рассчитывая на огромный перевес в количестве, вполне достаточном, чтобы уничтожить город. Агаси разделил свое войско на сотни, которые собирался двинуть на противника, чтобы рассеять его силы и приостановить продвижение. Турецкие солдаты плохо переносили холод.

Каждые шесть часов Агаси собирал на совет своих командиров: отца Бартоломео, Шадалакяна, Абаха... Ситуация становилась драматической. Надо было кормить пять тысяч ртов. Продукты из соседних сел добывались под сильным огнем врага. Целью Агаси было продержаться как можно дольше и тем самым деморализовать турецких солдат, страдающих от холода. Каждый день селяне приходили в Зейтун с последними новостями. Они увеличивали голодное население, но никак не соглашались возвращаться назад.

Краснолицый, рыжебородый отец Бартоломео галопом прискакал на баррикаду к Агаси.

– Есть человек из Андруна, – прокричал он своим трубным

голосом. – Двести пятьдесят человек заключены в церкви. Умирают с голоду. Я решил освободить их.

Его решительный тон не допускал никаких возражений. Агаси оглядел его и вздохнул:

– Хорошо. Возьми с собой человек пятьдесят и действуй. – Скупая улыбка тронула его губы. – Постарайся вернуться, ты нам нужен.

– Еще как! – Бартоломео погладил гриву коня. – Этот друг не попадет в руки врага.

– Да услышит тебя Бог.

– Пока что он глух к нам, но я уверен, что одобряет наши усилия.

Он уехал, прямо держась в седле. Агаси потер щеки. Он позвал Азада, находившегося тут же, за баррикадой, в компании Варуга и еще десяти других мужчин.

– Пойди, помоги нашему интенданту.

С ружьем на плече Азад двинулся вслед за интендантом. Его звали Кеворк. Маленький, щуплый, он разговаривал уголком рта. Его левая щека приподнималась при каждом слове, тогда как правая оставалась неподвижной.

– Ты откуда?

– Из Константинополя. – ответил Азад.

– Какой красивый город! Я был проездом много лет назад. Обедал в ресторане на берегу Босфора. Рыба необыкновенная... – Азад заметил, что все его воспоминания были о еде. За последние сутки он съел тарелку чечевицы.

Кеворк болтал руками на ходу:

– Надо будет убить двадцать животных, какое несчастье!

– Сколько лошадей в нашем распоряжении?

– Около пятисот. – Кеворк остановился и посмотрел на Азада. – Это не значит, что мы пожрем их всех. Боец без лошади – это пропащий человек. Мы не сможем предпринять ни одной атаки.

– Может быть, надо их меньше резать?

Кеворк пожал плечами.

– Тут выбор трудный. Ты забываешь, что надо прокормить пять тысяч человек, по кусочку мяса на каждого.

По грязной улице ходили без видимой цели женщины и дети. Чувствовалось, что силы их были на пределе. Возле церкви священник развел большой огонь, у которого грелись старики. Какая-то молодая девушка задела Кеворка:

– Ты нам готовишь праздник? Кажется, мы получили муку из Темелика?

Он нервно рассмеялся.

– Терпение... Я думаю, через несколько часов начнется раздача продуктов.

Неосторожные слова. Тотчас же Азад и Кеворк были окружены.

– Чечевица?

– Масло?

– Рис?

Кеворк поднял руку.

– Что-то. Священник скажет вам. Дайте нам пройти...

Круг становился плотнее. Женщины сбегались отовсюду.

– У меня трое мал-мала меньше...

– У меня отец болен. Двое суток ничего не ел...

Кеворк готов был рассердиться, но перед этими бледными лицами, перед нарастающим отчаянием он сдался:

– Будет мясо. Мы свалим сейчас несколько лошадей.

Наступила короткая пауза. Древний старик покачал головой:

– Я никогда не ел лошадиного мяса. Это вредно для здоровья.

– Мы даже собак будем есть, – закричала женщина сребенком на руках.

Азад заметил, что лица смягчились. Он сам испытывал что-то вроде эйфории. Урчало в животе, появилось желание что-то жевать, почувствовать, как что-то питательное льется в глотку...

– Потерпите еще чуть-чуть...

Толпа выпустила их, но многие увязались следом, и невозможно было оторваться от этих страждущих людей.

Кеворк и Азад вошли в конюшню. Сильный запах ударил в ноздри. Сотня лошадей, перестук копыт, ржание...

– Выберем самых старых, – сказал Кеворк.

У Азада сжалось сердце. Какую выбрать? Лошадь – благородное животное и еще у них такие глаза...

– Начнем с этого, – сказал Кеворк.

Это был спокойный конь, достаточно упитанный, светлой масти. Кеворк отвел его на выгон, метров за двести от крайних жилищ, снял уздечку. Снег здесь лежал густой. Стая ворон неподвижно, словно в ожидании, сидела на скале. Слышались канонада и ружейная стрельба. Кеворк обернулся к Азаду:

– Пойди, приведи мне другого...

Азад не сдвинулся с места. Кеворк не настаивал. Он снял с пояса револьвер, отступил на шаг, навел ствол между глаз животного и выстрелил. Разлетелись во все стороны испуганные вороны. Конь еще какое-то время стоял и осел всей массой на снег. Кеворк подошел к нему и ножом перерезал горло. Поток крови залил белый покров. Азад, почувствовав тошноту, отвернул глаза. Пришли мясники Зейтуна, чтобы разделать тушу. Несмело приближались женщины. Несколько мальчишек с круглыми от страха глазами глазели на этот кровавый спектакль. Азад вернулся в конюшню, отвязал первую же лошадь и повел ее на выгон.

Два десятка лошадей было забито в этот день. Мясники действовали быстро и умело, разделявая дымящееся на красном снегу мясо. Андраник распределял порции. Женщины Зейтуна образовали черный круг. От первых разделанных лошадей остались каркасы и головы. Если бы это были бычьи головы, было бы совсем другое зрелище! Один из мясников разложил костер и принялся жарить кусок мякоти. От аппетитного запаха у Азада потекли слюнки, и он готов был вцепиться зубами в полусырое мясо.

Кеворк заметил это и, отхватив кусок с поджарившегося края, кинул ему.

– Набирайся сил, юноша...

Азад вернулся на баррикады. Варуг сопел, сворачивая своими толстыми пальцами самокрутку.

– Ты выглядишь лучше, чем раньше. Съел лошадиного мяса?

– Да.

– Отличается от баранины, не заметил?

– Не знаю, не было времени дегустировать, я был слишком голоден.

Варуг поскреб щетину на щеке и посмотрел на Азада холодно.

– Я съем скорее турка, чем лошадь.

Низкое и темное небо нависло над снежным полем, закрывая и поле, и горизонт. словно гигантская тень опустилась на расположение турок. Агаси, возглавив тысячу бойцов, воспользовался благоприятной для них ночью и приблизился к передовым линиям противника. Они находились в сотне метров, скрытые скалами, собранные, как пружина. Турецкое охранение – несколько десятков солдат – грелось у костров, от которых поднимался белесый дым. Доносились обрывки шуток и смех. Обычно этот час и с одной, и с другой стороны считался моментом передышки, своеобразным замирием. Восход был священен. Сражения начинались ближе к полудню.

Армяне незаметно просочились в расположение турок. Первые солдаты, не успевшие прийти в себя, пали от ножей. Была дана тревога, и сотни солдат, полусонные, взяли за ружья. Целью Агаси был захват продовольствия. Пока его люди дрались в рукопашной схватке, он бросился отыскивать склады. Надо было действовать молниеносно, используя эффект неожиданности. Бочонки масла, мешки с мукой, бочонки солонины – все это спешно грузилось на лошадей. Вокруг, действуя холодным оружием, отесняя турок подальше от складов, насмерть бились армяне. Все смешалось. Слышались крики, ругань, стоны, выстрелы. Количество турок нарастало.

– Не давайте им уйти с продуктами! – закричал капитан.

Какой-то здоровяк, оказавшийся рядом, ударил его ножом в бок. Падая, капитан унес видение лица веселого, дикого, отважного. Подождать группа турецких солдат вела прицельный огонь по противнику, но успеху мешали густо поставленные палатки, и была опасность попадания в своих. Это обстоятельство сыграло на руку армянам.

Агаси и его людям посчастливилось нагрузить три десятка лошадей и направить их в горы. Земля сделалась красной. Кони и люди передвигались по трупам и раненым. Какая-то нечеловеческая сила вдохновляла армян. Они сражались, не считаясь с численным превосходством врага, бросались на него с дикими возгласами. Они готовы были уничтожить всю Турцию. Офицеры давали противоречивые приказы. Надо было сгруппироваться, отойти, чтобы использовать преимущество – огнестрельное оружие. Но армяне навязали рукопашный бой, в котором турки защищали свою шкуру, а армяне – свой уголок земли.

Спустя полчаса ситуация прояснилась. Цепочка тяжело нагруженных лошадей дотянулась до безопасного склона. Туркам удалось перегруппироваться. Армянам не оставалось ничего другого, как исчезнуть. Что они и сделали, рассеявшись и заняв свои старые позиции за скалами. Агаси принял меры предосторожности: двести человек, закрепившись на приличном расстоянии, прикрывали отход. Турки предприняли наступление, но продвигались в глубоком снегу медленно и представляли собой хорошую мишень – черные на белом. Группа прикрытия под командованием Шадалакяна держалась до тех пор, пока ударная группа не исчезла в снегах, как привидение. После этого стали отходить все остальные.

Операция удалась. Армяне потеряли человек двадцать. Со стороны турок погибло сто и раненых – более двухсот.

Агаси встретили в Зейтуне криками радости. Начали разгружать лошадей. Подходили последние бойцы, запыхавшиеся, полумертвые от усталости. Совсем близко ударили раскаты разрывов. Турки пустили в ход свои пушки. В воздухе снова запахло порохом...

Азад, который был в отряде Шадалакяна, искал Варуга, входившего в группу захвата. Он нашел его лежащим на земле, тяжело дышащим, с диким блеском в глазах.

– Подойди, юноша...

Азад опустился на корточки. Варуг напоминал тюленя, выброшенного на берег. Его губы подрагивали.

– Спасибо, юноша, ты спас мне жизнь...

Азад удивленно сдвинул брови.

– Я видел тебя, – продолжил Варуг, переводя дух. – Ты выстрелил в турка, который собирался прикончить меня.

– Я стрелял в кучу, – уточнил Азад.

– Ты хорошо прицелился, я все видел...

«Смеется он надо мной?» – подумал Азад, но промолчал. Рядом оказывали помощь раненым, разжигали костры, раздавали трофеи. В лагере царило общее возбуждение. Дети старались помогать взрослым. Женщины готовили кофе – продукт, давно исчезнувший в Зейтуне.

– Можешь ты мне ответить, юноша? За кого ты сражаешься?

– За себя, – ответил Азад.

Варуг подобрал губы.

– Всегда сражаются за кого-нибудь. Только богатеют для себя. Я думаю, для себя – это не интересно. Себя знаешь слишком хорошо, можно обойтись. Скажи мне, когда ты стрелял в этих собак, о ком ты думал? О своих родителях, о невесте?

– Если по правде, я ни о чем не думал. Я действовал инстинктивно. А ты?

– Какой может быть вопрос? Я мстил за братьев.

– А если бы они были живы?

– Я бы пофорсил перед ними. Послушай меня: в другой раз, когда пойдешь в бой, думай о ком-нибудь, и ты будешь сражаться лучше других.

– Заметано, – улыбнулся Азад. – Что ты собираешься делать? Хочешь, я помогу тебе встать?

Варуг недовольно буркнул:

– Невозможно. Я общаюсь с землей. Я чувствую ее животом – теплую, родную. Она передает мне мельчайшую дрожь и предупреждает об опасности. В данный момент она приказывает мне оставаться на месте.

– Ты, случайно, не ранен?

– Ни царапинки. Только усталость. Хотя я не способен двигать ногами, но чувствую себя великолепно, мог бы пролежать так несколько дней...

– Первый раз ты мне говоришь о земле.

– Это наша первая земля – отвоеванная и свободная.

Он приподнял подбородок и пропел: «Зейтун, Зейтун, страна моих отцов...».

Азад слушал его с какой-то оторопью, словно получил удар по голове. Реалист Варуг, не затруднявший себя поэзией, этот самый Варуг

выскребает из-под себя горсть земли, чтобы приложиться к ней губами и обмазать ею лоб, щеки, бороду, поет песню дрожащим голосом...

Какая-то старушка принесла им две чашки кофе. Варуг взял свою, вылил часть кофе на землю и приложился к лужице со словами:

– Земля Зейтуна, я клянусь умереть за тебя!

Он закрыл глаза и вскоре раздался его богатырский храп. Азад поднялся и не спеша допил свою чашку кофе. Только теперь почувствовал, как усталость стянула все мускулы. Разминаясь, он сделал несколько движений, затем пристроился к скале и принялся разглядывать величественный пейзаж, открывавшийся у его ног.

V

– Это не граница, а сито...

Военный совет проходил в палатке полковника Али-Бея. Он сидел лицом к своим офицерам, держа в руке маленькую чашку, в которую стоявший за его спиной солдат подливал темный дымящийся напиток.

– У нас десятикратное численное превосходство, а армяне по-прежнему не считаются с нами. Они сумели освободить своих из церкви Андруна, они осмелились атаковать нас и выкрали продовольствие.

Он повернул руку с чашкой назад, солдат с кофейником был начеку.

– Мой полковник, наилучший способ покончить с ними – это оставить околевать с голоду, – сказал один из офицеров.

– Вот прекрасная идея! – ухмыльнулся полковник. – Уже три недели мы силимся их укротить, а они ухитряются выползть из своих нор и добыть себе пропитание. Хуже всяких крыс!

Другой офицер, с тонкими усами и чуть-чуть косивший, уставился на полковника преданными глазами и тоже подал реплику:

– Поскольку мы превосходим их в десять раз, я предлагаю создать батальоны и опоясать Зейтун.

– А сколько дырок на этом поясе? – недобро усмехнулся полковник.

Офицер смутился.

– Мы приложим все свои силы...

Полковник опустошил чашку в очередной раз и привычным жестом завел руку за спину. Солдат мигом наполнил ее.

– Опоясать гору... превосходная мысль... Нам потребовалось бы сто тысяч человек, чтобы заткнуть все дыры на вашем поясе. В данный момент мы располагаем сорока тысячами солдат. Может, есть другие предложения?

Безбородый капитан, с оплывшим жиром лицом, чем-то похожий на евнуха, сказал:

– У нас остается еще шантаж, мой полковник.

– Объясни...

Офицер встал, медовая улыбка украсила его розовое лицо:

– Взять заложников и объявить Зейтуну ультиматум: или они сдаются, или мы уничтожаем заложников.

– А если они откажутся?

Офицер лихо провел по шее указательным пальцем.

– Рубить головы? – перевел жест капитана Али-Бей. – Мы это проделывали, без особого результата. Мы их только ожесточили.

Капитан поставил на стол чашку и встал. Офицеры расступились. Полковник ходил по палатке, потирая подбородок. Неожиданно он повернулся к косоглазому офицеру.

– Твоя идея неплоха, – медленно сказал он и продолжил, словно рассуждая вслух. – Мы возьмем их измором... Мне докладывали, что в Зейтуне свирепствует чесотка. Болезни их добьют. У них не останется сил сопротивляться. Нужно признаться, что сражаются они отчаянно, но дело их пропащее заранее. Высокая Порта

останется непреклонной. Никто ее не поколеблет. Армяне – неотъемлемая часть Турции. Нельзя поощрять одних в ущерб другим. Здесь также замешан авторитет армии. Пора кончать этот маскарад. Мы отрежем, господа, все их пути к добыче съестного. Сделаем сито густым, чтобы никто не просочился.

Он умолк и в задумчивости обратил свой взор в сторону стоящего рядом евнохоподобного офицера.

– Что делают крысы, когда корабль тонет в море?

– Они покидают его, мой полковник, – ответил тот.

– Они тонут вместе с ним.

Али-Бей достал большой клетчатый платок, вытер губы и снова убрал его в карман.

– Пойдемте, понаблюдаем за этим кораблем, господа.

В течение месяца голод и болезни забирали по двадцать жертв в день. Их поспешно хоронили. Колокола Зейтуна звонили беспрерывно. Не видно было более детей, игравших перед домами. Старики и женщины не выходили за порог. Великое оцепенение охватило город. Не было конца сражениям, которые вспыхивали то здесь, то там. Люди говорили о неминуемом наступлении турок. Эта перспектива возбуждала умы. Оттоманские войска не пройдут в Зейтун! Все будут сражаться плечом к плечу. Горожане знали, что их ждет в случае поражения. Они будут перебиты все до одного. Надо было выстоять...

План полковника Али-Бея удался. Никакое продовольствие не поступало более в Зейтун. Турецкая армия тоже питалась впроголодь. Дороги были перерезаны из-за снега, подвоз довольствия значительно затруднен. Ситуация становилась критической для всех.

Уже несколько минут Азад наблюдал за женщинами в черном, которые направлялись в церковь. Вдруг, заметив его взгляд, одна из них сказала:

– В эту минуту Бог на турецкой стороне...

На баррикаду пришел Агаси. Его сразу же окружили тесной толпой.

– Друзья мои, я только что узнал, что турки готовят большое наступление на наш город. Атака начнется в полдень и со всех сторон. Я прошу вас быть бдительными. Наш девиз все тот же: «Устоять или умереть!». Нас пять тысяч. Если каждый убьет двух турок, их армия

станет на десять тысяч меньше. Готовы вы пожертвовать собой?

На баррикаде воцарилась минутная тишина, потом кто-то крикнул:

– Я, Ованес Такворян, давно уже числю себя убитым. Но в последний путь я пойду не один. Я прихвачу с собой троицу турок. Клянусь!

Другой бормотал:

– Лучше умереть от пули, чем от голода...

– А женщины? – спросил круглолицый бородач.

– Мы им раздали ружья. Они защитят себя, – сказал Агаси.

– Тогда мы готовы!

– Я рассчитываю на вас! – Агаси потряс над головой сжатым кулаком.

Он ушел к другой баррикаде. Сидевший на корточках в обнимку с ружьем Варуг поймал взгляд Азада и улыбнулся ему ободряюще.

– Настал час истины!

Все женское население Зейтуна собралось вокруг церкви. Лица были мрачные, как их темные одежды. Многие были вооружены ружьями и ножами. Старики и дети содержались в церкви. Священник исчерпал все свои проповеди. Ему больше нечего было сказать. Усевшись у подножия алтаря, он перелистывал свой требник. Время от времени он окидывал взглядом толпу стариков и детей, оставленных под охраной женщин. Он не строил больше иллюзий. Турки, взбешенные полуторамесячными бесплодными боями, все разнесут с ходу. Они отомстят самым жестоким образом. Они это доказали в Мараше. Не пожалели никого. И теперь предстоит невиданная резня...

Дети, сбившись в стайку в углу церкви, о чем-то говорили вполголоса. Священник не слышал слов, но видел их расстроенные лица. Что он мог им сказать? Его пальцы застучали по твердой обложке требника, словно он надеялся разбудить святых. Он поднялся и подошел к детям. При его приближении все замолкли. Он погладил по голове десятилетнего мальчика, который смотрел на него своими глазами-лампадками.

– О чем вы беседуете, мой маленький Бадрик?

Мальчик не заговорил. Это сделала девочка тех же лет:

– Это правда, что турки сожгут церковь?

– Нет. Кто это тебе сказал?

– Все говорят.

Священник сделал попытку улыбнуться:

– Это рассказы. Они не тронут детей.

– А наших родителей?

– Они будут сражаться и защищать нас. Будьте спокойны и молитесь.

Слова застыли на его губах. Вдруг поднялся старик и протянул руки к распятию Христа.

– Если ты есть, Божий Сын, не дай туркам прийти сюда и осквернить твоё жилище.

Несколько настороженных лиц повернулись к нему.

– Не стоит богохульствовать, – сказал кто-то.

– Я не сказал ничего плохого, я прошу у него помощи.

– Тебе не надо об этом кричать.

– Я не кричу, у меня уже нет сил на это...

Священник, почувствовав неладное, сделал попытку овладеть обстановкой:

– Братья мои, сейчас не время сомневаться в нашем Спасителе. Он видит нас сверху и придет на помощь, когда пробьет час. Помолимся все вместе...

Пятьдесят тысяч точек приближались и увеличивались на глазах. Муравьи начали принимать человеческие формы. Игрушки, которыми они манипулировали, становились ружьями и пушками. Они наступали со всех сторон одновременно, подпираемые специальными частями, которые имели приказ стрелять в тех, кто дрогнет и побежит.

Ремзи-Паша и Али-Бей руководили всей операцией.

День был светлый. Легкие облака стояли над Зейтуном, как ореол. Турецкие солдаты, сопя и отдуваясь, шаг за шагом одолевали склоны враждебной горы. Они натерпелись в последнее время от суровой зимы, и шли на последний, решительный приступ.

Армяне Зейтуна были готовы к приему. Они осознавали, что им не устоять против многочисленной армии, но поклялись, что каждый убьет двух турок.

Вокруг церкви женщины сплотили кольцо.

В полутемном храме молились старики...

Баррикады были безмолвны. Все следили за передними рядами турок. Люди сорок пять дней сдерживали натиск целой армии. Ослабленные, но возбужденные предстоящим боем, они ждали турок с нетерпением.

Командиры повстанцев воодушевляли своих людей. Они не имели иллюзий насчет возможной победы, нет. Но боевой дух от этого не пострадал. Агаси верхом объезжал баррикады, давал последние приказания, горячил сердца борцов. Он, так же как и все, знал, что турки не пощадят никого. В селах, взятых без боя, они бесчинствовали без удержу, насиловали и вырезали все население. А уж в этих местах, где они пострадали за два месяца, расчет будет полным...

К трем часам дня наступление турок неожиданно прекратилось.

Была ночь. Бойцы грелись у костров. Никто ничего не понимал. Все высказывали свои предположения и догадки. В комментариях недостатка не было...

– Может быть, султан умер?

– Европейцы вмешались, не иначе...

– Папа выпустил обращение...

– Решили отдохнуть, чтобы на заре атаковать.

– Солдаты взбунтовались...

– Надо воспользоваться паузой и взять их в ножи.

Агаси поднял руки.

– Друзья мои! В эту ночь ничего не произойдет. Самое умное – хорошенько отдохнуть. На всякий случай оставим охранение. Утром все станет ясно.

Мужчины пошли по домам, к ним присоединились их жены и дети.

Рождалась великая надежда. Хотя все знали: не в привычках турок прерывать бой. Тем более что им необходимо было взять реванш.

...В восемь часов утра над снежными полями показалось неяркое солнце. Вороньи стаи разобрали лучшие зрительские места – на вершинах скал.

Агаси увидел в бинокль турецкого солдата, верхового и с белым флагом, который начал подъем в гору.

– Я думаю, что турки посылают к нам своего парламентаря, – сказал Агаси.

Армяне, похоронив с утра сорок человек, из коих пятнадцать – дети,

заняли свои посты на баррикадах.

Лошадь турка глубоко проваливалась в снег и продвигалась очень медленно. Часа два спустя посланец наконец был у баррикад.

– Давай сюда! – крикнул кто-то. Ни один волос не упадет с твоей бороды.

Солдат спешился и повел коня в узде. Он был рослый, с неправильными чертами лица. Еще издали крикнул хрипловатым голосом: – Я должен передать послание вашим командирам.

Агаси велел позвать отца Бартоломео, Аба и Шадалакяна. Когда все были в сборе, он обратился к солдату:

– Мы ждем тебя.

Солдату помогли перебраться через баррикаду. Человек пятьдесят с любопытством окружили его. Он, не торопясь, снял рваные рукавицы и вытащил из кармана послание. Агаси принял его и начал громко читать:

«Командирам армян в Зейтуне.

Мы получили приказ от наших послов выступить посредниками между имперским правительством и вами, и Высокая Порта согласилась на временное перемирие для размышления и переговоров.

Немедленно сообщите депешей в адрес русского консула в Алеппо, согласны ли вы принять наше вмешательство или нет.

Подписали:

Якиманский, русский консул.

Бартелеми, французский вице-консул.

Парнерам, австрийский консул.

Баренхем, английский консул.

Витто, итальянский консул.

Золлингер, немецкий консул».

Воцарилась глубокая тишина. Солдат, привлеченный костром, грел над огнем руки. Со всех сторон подходили бойцы. Агаси посоветовался со своими помощниками. Все они согласились принять предложение консулов. Агаси составил ответ и протянул бумагу солдату со словами:

– Скажи Ремзи-Паше, чтобы больше не воевал против нас. Мы всегда готовы сражаться и пожертвовать собой.

Солдат сунул послание в карман и, вскочив на коня, отправился в обратный путь. Люди вздохнули с огромным облегчением. В любом случае передышка давала возможность подкрепить силы.

Три недели спустя представители консульств прибыли в Зейтун. В городе не оставалось ни крошки съедобного. Восемьсот человек погибли от голода и болезней. Около пятидесяти бойцов ушли с целью добыть продукты в ближайших селах и не вернулись.

Консулы привезли новое послание Великой Порты:

1. Сдача оружия.
2. Восстановление казармы за счет зейтунцев.
3. Выдача четырех зачинщиков для предания их суду.

Четыре руководителя ответили контрпредложением, требуя всеобщей амнистии, права выезда из оттоманских владений за счет правительства, создания христианского самоуправления и возвращения всех бежавших от террора в свои села.

Султан принял эти предложения. Так закончилась битва за Зейтун.

VI

Тигран сменил положение ног и удобнее облокотился в кресле. Он смаковал с чувством легкой ревности спектакль, который разворачивался перед его глазами. Главным действующим лицом была Софи Кариопулос, молодая вдова негоцианта, скончавшегося два года назад. В богато украшенном салоне два музыканта искусно играли на мандолинах, и сама хозяйка, красавица Софи, исполняла греческий танец. Приглашенных было человек десять, все, за исключением

Тиграна, греки. Две молодые пары, несколько холостяков и женщина шестидесяти лет, накрашенная, с мягкой кожей шеи и обнаженных рук, украшенных солидным набором драгоценностей.

Запах горевшего ладана и пары ликера кружили голову Тиграна. Он был в прекрасном настроении, но полной эйфории мешало чувство ревности, вызванное присутствием других холостяков, таких же поклонников Софи: лысого полноватого мужчины с завитыми усами, маленького сноба с жеманными жестами и долговязого сына судовладельца, который строил из себя скромника. Этого следовало опасаться больше всего.

Все заплодировали, когда Софи закончила танец. Молодой сноб бросился целовать ей руки, мнимый скромник кричал «Браво! Браво!», усач, скрестив на груди руки, улыбался с видом знатока.

– Дай музыкантам шампанского, – сказала Софи служанке.

Она устало опустилась в кресло, счастливая, с сияющими глазами.

– Хорошо было бы провести недельку в отеле нашего земляка Терзакопуло, в Принкипо. Это чудесный остров, – рассеяно сказала она женщине, украшенной драгоценностями.

– Там очень холодно в это время года, – сказала старушка.

Молодой сноб решил сострить:

– Стоит теснее прижаться...

Сын судовладельца сказал скромно:

– Я готов нанять весь отель с завтрашнего утра. Вы будете моими гостями.

Софи громко рассмеялась, блистая белизной зубов.

– Мы будем петь и танцевать весь день. Что ты думаешь об этом, мой маленький Тигран?

Софи было тридцать лет. Ее обворожительная улыбка волновала сердце Тиграна.

– Я согласен. Почему бы нет?

Она выпрямилась и заглянула в глаза Тиграну.

– Правда? Ты мог бы поехать с нами?

Такое внимание тронуло и смутило, и он сказал, отчетливо выговаривая каждое слово:

– Когда ты захочешь, Софи, – он покраснел и обозлился на себя.

Лысый изрек с неприятным смешком:

– Прелестно.

Скрывая иронию, красавица-гречанка предложила молодому снобу:

– Ты нам составишь компанию, Алексис?

– Больше того. Я захвачу с собой повара. Рыбные блюда у него получаются лучше, чем во дворце. Он там работал три года.

Разговор прервался музыкантами, которые заиграли что-то несусветно веселое.

– А ну-ка, мужчины, – бросила Софи. – Покажите, на что вы способны.

Только лысый толстячок Димитрий поднялся и начал выделывать замысловатые па, подыгрывая пальцами, как кастаньетами. Вскоре к нему присоединились две молодые пары, которые, взявшись за руки, образовали круг умелых танцоров. Старушка не отрывала от них глаз. Софи ободряла, хлопая в такт ладошками.

Вот уже несколько минут Тиграна не покидала мысль, внезапно возникшая при виде служанки, которая направлялась в сторону комнаты Софи с охапкой дров, очевидно, чтобы разжечь печь, так как вечера были уже холодные. Он тоже решил воспользоваться этим теплом. Вот уже шесть месяцев они знакомы с Софи, но дело дальше легких поцелуев и ласковых словечек не шло. Он решил провести ночь у нее. Но как это сделать? Через час гости начнут расходиться. Он не может остаться открыто, нет достаточного предложения, чтобы задержаться во время прощания и не скомпрометировать хозяйку в глазах холостяков-поклонников, Тигран пошел на хитрость. Он подошел к Софи и шепнул ей на ухо:

– Я плохо себя чувствую и хотел бы полежать немного, прежде чем идти.

Софи посмотрела на него строго, но ничего не заподозрила и даже выразила тревогу и готовность помочь, но Тигран от всего отказался, она устроила его на диване в маленьком интимном салоне.

– Отдыхай, все пройдет. Я приготовлю тебе лимонного сока.

– Я ничего не хочу, спасибо.

Софи вернулась к гостям. Тигран закрыл глаза, мечтая о том, что его ждет, если план удастся. Он слышал, как замолкла музыка, потом раздались звуки шагов у самой двери, они тут же удалились. Раздался властный голос старухи, вызывавшей своего кучера, и стало тихо. Он долгое время пролежал в темноте. Легкие угрызения совести

охватили его. Не слишком ли грубо его поведение? Как поступит Софи? Что если она рассердится? Может быть, ему лучше уйти? Но он слишком давно желал ее, чтобы упустить случай.

Дверь открылась, и в рамке ее отчетливо вырисовался силуэт Софи. Она держала в руке свечу, отсвет которой играл на ее лице. Он заметил, что она распустила волосы и одета в ночную рубашку. Он ждал с бьющимся сердцем. В насмешливом голосе Софи слышалась ласка:

– Вставай, хитрец, в моей постели тебе будет лучше.

– Боже мой!

Госпожа Дурян, воздев вверх руки, застыла в изумлении посредине салона. Азад вернулся! Служанка, которая открыла ему дверь, стояла в сторонке, не спуская глаз с его похудевшего лица. Госпожа Дурян бросилась к сыну и заключила его в свои объятия. Она плакала от радости. Азад ничего не говорил. Старая одежда болталась на нем. Мешок костей! Лицо желтое, глаза глубоко запали в глазницы, он едва держался на ногах.

Госпожа Дурян повернулась к служанке:

– Арусаяк, быстро приготовь яйца, мясо, молоко...

Она гладила щеки сына.

– Ты голоден, сынок... Не стой, иди сядь.

Она подвела Азада к креслу, и он с удовольствием плюхнулся на мягкое сиденье. Жесты его были неточны, а взгляд рассеян. Мать попробовала улыбнуться.

– Сейчас тебе приготовят баню, а потом ты отдохнешь в своей кровати.

– Мечтаю об этом, – слабо отозвался Азад.

– Твой отец будет рад...

Она кликнула кучера, который тут же явился, как будто стоял за дверью.

– Пойди, скажи отцу и брату, что он вернулся.

Кучер оглядел Азада, незаметно подмигнул и исчез. С лестницы сломя голову сбежала Ануш. Она мыла волосы и потому была в халате. Подбежав к брату, она остановилась, пораженная его худобой и изможденным видом. Азад кивнул ей с улыбкой.

– Ты не поцелуешь меня?

Помедлив секунду, она набросилась на брата с горячим объятием.

– Как ты похудел, Азад!

– Мы его откормим, – сказала мать. – Через несколько дней он вернет свой нормальный вес. Я пошлю за доктором Оганяном, пусть посмотрит.

Азад окинул взглядом комнату.

– Ничего здесь не изменилось.

– Ничего... С каким нетерпением мы ждали тебя. Хвала господу Богу, ты вернулся невредимый!..

Глубокий вздох вырвался из груди матери. Она не выпускала руки Азада. Ануш с другой стороны пристроилась на ручке кресла. Капельки влаги падали с ее волос.

– Ты по-прежнему заплетаешь косы?

Он говорил медленно, казалось, ему трудно было довести фразу до конца. Служанка внесла поднос с мясом, яйцами, сыром и хлебом.

– Принеси маленький стол, Ануш. Поставь его перед братом.

Азад попытался нагнуться, а потом и встать, но силы оставили его. Он продолжал сидеть с виноватой улыбкой.

– Я бы съел яйцо.

Служанка принялась чистить его, руки ее дрожали. Госпожа Дурян выбрала кусок мяса получше. Ануш стоя причесывалась и внимательно наблюдала сцену. Азад съел яйцо, выпил глоток молока и вытер губы.

– Вот мясо, съешь.

Он поколебался, потом, чтобы сделать удовольствие матери, отрезал кусок и стал жевать.

– Пойди, приготовь ему баню, Арусяк.

Азад глубоко вздохнул.

– Все живы-здоровы?

– Да, конечно.

Он помолчал некоторое время.

– Никаких серьезных событий?

Мать покачала головой.

– У нас, в Константинополе, тихо. Забудь обо всем, мой дорогой, не думай ни о чем, ты вернулся в свою семью.

– А мой братец Тигран?

Мать не решалась сказать о его интимной связи с красавицей-гречанкой.

– Работает по-прежнему в конторе с отцом.

Она подняла глаза на дочь, чтобы удержать ее от комментариев. Ануш усердно расчесывала волосы. Потом она бросила:

– Гаянэ приходила проведать нас позавчера. Спрашивала про тебя.

Азад прикрыл веки, он почувствовал, как теплой волной поднялась к груди кровь.

– Она получила мое письмо, я надеюсь!

– Да, давно... Ты хочешь, чтобы предупредили ее?

– Попозже, – возразила мать. – Надо, чтобы он отдохнул... Завтра он повидается со всеми. Гаянэ, Отелло, Агавни и ее муж... Да, на прошлой неделе он принес две пары обуви для тебя.

При упоминании этих имен у Азада потеплело на сердце. Мать заметила это и прибавила:

– Мы пригласим издателей «Арарата». Я уверена, что у господина Потукяна есть хорошие новости для тебя. Думаю, что ты снова сможешь писать свои статьи.

Азад оживился. Он увидел себя за столом, пишущим о войне в Зейтуне, но тут же сомнение перечеркнуло все планы. В такое смутное время кто разрешит ему критиковать политику султана?

– О чем ты думаешь, сынок?

– Ни о чем...

– Я думаю, что баня готова.

Он поднялся и, почувствовав головокружение, оперся о плечо матери, потом улыбнулся.

– Уже лучше...

– Я прошу тебя, оставь дверь ванной открытой...

– Не беспокойся.

И чтобы доказать, что он в форме, взял со стола яблоко и вонзил в

него зубы.

– Я буду за дверью, – повторила мать.

Доктор Оганян был врачом семьи. Он помыл руки в ванной, протер очки. Бедрос Дурян ожидал его, и они устроились в углу салона. Служанка принесла кофе.

– Твой сын истощен, – сказал доктор спокойным голосом. Успокойся, ничего опасного. Но надо хорошенько поухаживать за ним. Он нуждается в отдыхе и в питании.

– Какое должно быть питание?

– Идеальным был бы рыбий жир.

Бедрос Дурян покачал головой.

– Он его сроду не переносил.

Сделав несколько шагов Бедрос посмотрел в глаза врачу.

– Как у него с легкими?

– С этой стороны нет опасности, несмотря на легкий кашель. Кормите его мясом и фруктами, через три недели состояние заметно улучшится.

Госпожа Дурян не решалась подойти к мужчинам, она держалась поодаль, в углу салона. Муж подозвал ее жестом и улыбнулся.

– Успокойся, ничего страшного, доктор объяснит тебе...

В этот вечер ужинали рано. Тигран отказал себе в свидании с Софи и остался дома. Несколько раз он открывал дверь комнаты брата, но тот продолжал свой полуденный сон. Тиграну не терпелось поговорить с братом обстоятельно, спросить о Донабедяне.

Госпожа Дурян несколько раз вздохнула умиротворенно:

– Слава Богу, вся семья вместе...

Каждый член семьи словно сбросил с плеч непомерный груз. Об отсутствии Азада говорилось постоянно, все старались казаться оптимистами, хотя знали, какой опасности он подвергался в горах Зейтуна. Теперь он наконец дома, усталый, изможденный, но он там, наверху, в своей комнате, в тепле. И можно подняться на второй этаж и увидеть его...

– Завтра я пойду и поставлю пять свечей, по одной от каждого, – сказала госпожа Дурян, вставая из-за стола. – Ты пойдешь со мной, Ануш?

Ануш скорчила гримасу. Она не любила ходить в церковь с матерью, которая становилась на колени и молилась так громко, что все могли слышать.

– Я останусь около моего брата.

Ануш облизала обе стороны ложки, лакомясь медом.

– Я пойду с вами, – сказала служанка. – Я обещала Святой Деве поставить свечу в честь возвращения Азада.

– Очень хорошо, мы пойдем вдвоем.

Среди ночи Азад проснулся. Рядом, сидя, дремала мать. Хотел попросить ее, чтобы шла спать, но не решился сказать ни слова. В доме стояла чуткая тишина...

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

1910

Перед грозой

I

В Константинополе произошли большие события. Большинство политических деятелей эмигрировало в ожидании лучших дней. Тирания султана делалась все более невыносимой. Казалось, он сам уверовал в то, что является «тенью Бога на земле».

Деятельность эмигрантов завершилась созданием партии «Младотурки», в которую вошли гражданские лица и военные, такие как члены организации «Единение и прогресс».

В 1908 году турецкие офицеры в Македонии, насчитывавшие многочисленных друзей в новой организации, двинулись на Константинополь и спровоцировали государственный переворот, который вынудил султана вернуться к конституции 1876 года.

Эта мера, принятая султаном, у которого не было выбора, вернула в столицу изгнанников, и им предстояло теперь взять на себя долю правления государством.

То было всеобщее единение. Армяне и турки братались, клялись в верности, прогуливались по городу, демонстративно взявшись за руки. Решено было покончить с прежними злодеяниями и строить новую империю, глубоко обновленную, в соответствии со всеми свободами.

Но султан интриговал в тени. Благодаря тысячам своих соглядатаев и агентов, ему удалось поднять фанатическую часть населения. Члены организации «Единение и прогресс» и партии «Младотурки» вынуждены были искать спасение в Салониках.

Сразу же начались новые боины и репрессии. Под видом наказания было уничтожено двадцать пять тысяч армян. Это вызвало волну возмущения, поддерживаемую христианскими государствами. Армия, воспользовавшись смутой, окружила дворец «Ильдиз». Султан вынужден был отречься, и руководители организации «Единение и прогресс» вернулись в Константинополь.

Теперь речь шла не только о восстановлении конституции, но и о воссоздании величия Турции перед лицом могущественных западных держав. Был создан триумvirат. В него вошли Талаат, Джемал и Энвер, составлявшие непримиримую оппозицию султана, которого они выслали в Салоники.

Родились новые надежды. Армянские депутаты и министры заседали в Парламенте. Они были готовы самым лояльным образом поддержать новое правительство. Им казалось, что впереди наконец-то забрезжил рассвет...

Дверь несмело приоткрылась и затем открылась полностью. Гаянэ вошла в кабинет Азада, который сидел за столом, заваленным бумагами, документами, вырезками из газет.

Азад удивленно поднял голову. Он как раз заканчивал статью, и перо его повисло над бумагой.

– Я пришла сказать, что твой сын болен, температура – тридцать девять. Что ты думаешь делать?

Азад посмотрел на жену и улыбнулся. Он ничего не сказал. Гаянэ рассеянно пролистала лежавшую на краю стола стопку рукописей, прочла некоторые заголовки и, потеряв к ним интерес, обратилась к мужу:

– Я жду...

– Дорогая моя, я ведь не доктор. Если Дикран болен, надо вызвать врача. – Какая температура?

– Сорок!

– Бедный малыш, – вздохнул Азад, скрестив на груди руки.

Гаянэ выпрямилась. Ее глаза гневно сверкали. Прядь волос, или

скорее локон упал на лоб, она безуспешно заталкивала его на место. Лицо пошло пятнами.

– И это весь эффект, который на тебя произвело мое сообщение? Я специально вышла из дома, побеспокоилась, чтобы сказать тебе о болезни сына, а ты предлагаешь мне самой выкручиваться...

– Ты пришла пешком?

– О нет! Я взяла экипаж. Кучер ждет меня внизу.

– Тебе встретились интересные люди по дороге?

Лицо ее потеряло напряжение.

– Множество иностранцев, прекрасно одетых, французов... – заметив ироническую улыбку мужа, она переменяла тон. – Зря ты думаешь, что я покинула дом, чтобы прогуляться.

Азад опустил глаза на свою статью.

– Хорошо. Я сейчас закончу, и мы поедем вместе.

Гаянэ просияла:

– Ты оставишь свой кабинет?

Азад утвердительно кивнул, и она отошла к окну, чтобы не мешать.

...Прошло пять лет с тех пор, как после смерти Потукяна Азад возглавил газету, теперь она принадлежала ему. «Арарат» стал выходить ежедневно на восьми полосах. Азад расширил редакцию, кроме того, с ним охотно сотрудничала интеллигенция столицы и провинции. Газета была вечерней, работа начиналась рано утром. Некоторая свобода слова была терпима новым правительством. Азад писал свои еженедельные обзоры о жизни армян в умеренном тоне. Он достиг своей мечты, чувствовал себя в своей тарелке и был счастлив. Как и многие армяне, он сильно рассчитывал на новых правителей страны.

Гаянэ обернулась в ту минуту, когда муж закончил статью. Он поднялся, перечитал написанное, склонился, чтобы исправить что-то.

– Я готов!

Гаянэ не двинулась с места.

– Я заметила, что ты шуришься, когда читаешь, тебе надо проконсультироваться у окулиста.

Он покачал головой.

– Я это делаю только когда перечитываю себя, чтобы сосредоточиться. Зрение у меня отличное. Я очень хорошо вижу тебя: голубое платье с белым поясом, бежевые ботинки, шляпка с площади Пера... В чем дело? Сегодня – праздник?

– Но, в конце концов! Ты забыл, что в четыре часа открытие школы! Я надеюсь, ты скажешь об этом в своей газете?

Азад потер лоб:

– Да-да. Но статью писать не мне. Я поручу это сделать Касьяну.

– Почему? Ты находишь, эту тему недостойной твоего пера?

– Не в этом дело. Открывать школу будут в присутствии моего отца, который ее финансировал. Школа будет носить его имя. И мне неудобно говорить о нем, ты понимаешь?

Несколько морщинок обозначилось на лбу жены. Чего она не любила, так это признавать себя побежденной.

– Подумаешь! Ты можешь отлично выйти из положения и воздать отцу должное.

– Нет. Касьян сделает это хорошо, у него есть опыт.

– Все скажут, что статью написал ты, а он подписал.

– Наплевать. Мы идем, или сядем, поспорим еще?

Она пожала плечами и пошла к двери. Прежде чем покинуть редакцию, Азад сделал несколько распоряжений. Кучер ждал их. Когда тронулись, Гаянэ принялась за новый сюжет.

– Когда ты собираешься установить в доме электричество? Я не могу больше терпеть запах воска и керосина. Поворачиваешь штучку, и все горит! У Воскянов уже третий месяц электричество.

– Будет и у нас, – отвечал рассеянно Азад.

– А в Европу когда мы поедем?

Насмешливый огонек плясал в глазах молодой женщины. Ей хотелось немедленной победы над мужем. Много раз за день она выстраивала в их отношениях барьер, который пыталась одолеть первой. Так как она опасалась находчивости Азада, то предпочитала устраивать ему неожиданные западни.

– Мы поедем в Европу, когда заведем электричество, – сказал бесстрастно Азад.

Не найдя возражений, она переменяла тактику, взяла его за руку и принялась гладить пальцы.

– Осторожно, дорогая, мои пальцы представляют ценность.

– Какие? Ты пользуешься тремя, чтобы писать. Два других бесполезны. Кстати, я предпочитаю тому, что ты пишешь, твои прежние стихи. Теперь ты не оригинален.

– Ситуация изменилась. Теперь у меня хоть маленькая, но семья.

– Маленькая, почти невидимка: утром уходишь, вечером

являешься, ничего не видишь, не замечаешь...

Колесо попало в выемку дороги, и Гаянэ качнуло к мужу. Он почувствовал тепло ее тела, привлек теснее, сбросил непослушную прядь со лба.

– Ты совсем не меняешься, – сказал он с любовью, – и могла бы снова сыграть свою роль в «Скупом».

– Все это так далеко, – вздохнула Гаянэ. – Я не помню ни одной реплики.

– Отелло напомним. Кстати, он тоже не меняется.

– Это из-за глаз. Я заметила, люди с черными глазами не стареют.

Дом встретил их аппетитными запахами кухни.

В доме Дурянов произошли изменения. Умер дед. Вот уже шесть лет, как Ануш жила в Трапезунде – с мужем и тремя детьми. Тигран по-прежнему навещал Софи Кариопулос и дома ночевал лишь раз в неделю. Отец передал ему предприятие в хорошем состоянии и навещался в контору почти каждый полдень...

Госпожа Дурян встретила их с большим рулетом в запудренных мукой руках. Она подмигнула невестке:

– Тебе удалось вырвать его из кабинета? Bravo! Скорее за стол, не будем задерживаться.

– Как малыш? – спросил Азад.

Она показала наверх.

– Пойди, посмотри...

Шестилетний Дикран сидел на своей кровати в ночной рубашке и цветными карандашами рисовал в альбоме животных. Приход родителей явно обрадовал его. Азад приложил ладонь к его лбу.

– По-моему, никакой температуры.

– Когда я уходила, он был очень возбужден. Ты считаешь, что не нужно обращаться к врачу?

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Азад сына.

Услыхав слово «врач», тот мигом решил спор:

– Я совсем не больной!

Азад погладил сына по голове:

– Посмотрим вечером. Если температура поднимется, решим. Я думаю, что он здоров.

– Ты не видишь, какие у него красные щеки?

– Они у него розовые.

Азад похлопал малыша по щекам.

– Что ты ел утром?

– Бабушка дала мне йогурта и меда.

– Лучшее лекарство.

Но Гаянэ не могла с этим согласиться. Она скрестила на груди руки, откинула голову и спросила сладким голосом:

– Ты журналист или врач? Надо, чтобы я это знала. Может, не следует больше беспокоить доктора Оганяна?

В это время вошел отец, и Азад прекратил разговор. Как всегда, Дурян-старший выглядел здоровым и энергичным. Он провел месяц у Ануш, в Трапезунде, и теперь с воодушевлением рассказывал о полюбившихся внуках.

– Обед готов.

– Я спущусь с вами, – закричал Дикран.

– Нет, ты останешься в кровати, – повелела мать.

– Пойдемте, – вздохнул Азад.

II

Как обычно, в четыре часа утра Отелло открыл глаза. Он не двигался, надеясь, что ему удастся вздремнуть до восхода солнца. Занавеска не была задернута до конца и пропускала свет луны, отчего в комнате образовались полосы света и тени.

Отелло занимал небольшой дом в конце площадки для игр. Здесь он жил со дня открытия школы.

Он уставился в потолок. К шести часам придут технические сотрудники убирать классы. А в семь тридцать начнут стучать калиткой первые ученики. Он поднялся и сел, положив за спину подушку. Спать он уже не рассчитывал и ждал пения птиц. В пять часов они облепят все ветки деревьев вокруг школы и начнут концерт. День пройдет быстро. В шесть вечера разойдутся по домам дети, он распрощается с учителями, сделает несколько визитов к друзьям или пойдет к себе обедать.

Грандиозные прожекты рождались в его голове. В пятьдесят четыре года Отелло не порывал с театром, серьезно надеялся, что Азад напишет для него пьесу. За последние годы он поставил немало спектаклей.

Протянув руку к ночному столику, он нащупал сигареты. Закурив, отбросил одеяло и, шлепая босыми ногами, направился на кухню.

Зажег плиту, поставил воду для кофе. Все это он проделывал, не зажигая лампы, ему нравилось сидеть в полутьме и, устроившись в кресле, он вытянул ноги.

Вдруг страшный взрыв потряс воздух. Чашка с кофе выпала из рук Отелло. Все стекла в комнате разлетелись вдребезги. Глухой звук донесся со двора. Оглушенный, перепуганный Отелло прошел по осколкам стекла. Он подумал, прежде всего, что это землетрясение, здесь они не редкость. Но здание школы было разрушено целиком, хотя другие строения оставались целыми. Значит, речь шла не о землетрясении, а о взрыве. Густая пыль стояла над облаками. Люди, обезумев, выбегали из своих жилищ.

Отелло обессиленной рукой стер со лба пот. У ног его валялась грифельная доска, среди нагромождения камней и балок летали обрывки бумаг и тетрадей. Верхний этаж навалился на нижний, в середине образовалась зияющая дыра. Только стены заднего крыла, где находились младшие классы, оставались целыми. Гора камней, обломки балок и стекло, битое стекло повсюду – вот, что осталось от новехонькой школы.

Отелло бросил взгляд на свой домик, он стоял целый, в окнах без стекол парусили занавески.

К Отелло подошел человек в пижаме:

– Что произошло?

Отелло не смог разлепить пересохшие губы, только махнул рукой и отвернулся. Он смотрел, как в дурном сне, на гору камней – все, что осталось от прекрасной школы, которую так торжественно открывали месяц назад.

Он направился к своему дому, толпа во дворе начала быстро расти. Никто не замечал, что взошло солнце, и беззаботные птицы славили новый день. Отелло принялся за уборку в комнате, пришлось множество раз наклоняться, чтобы собрать осколки стекла. Кто совершил этот взрыв? С какой целью? Почему школа? Десятки вопросов требовали ответов. А каково будет Бедросу Дуряну, который финансировал строительство школы?

Надо было пойти сообщить ему. Отелло быстро оделся. Дрожали руки. А когда увидел в рамке окна картину разрушений, в горле образовался ком. Он не мог больше видеть это. Еще накануне он ходил по красивым оживленным коридорам, заходил в классы, поднимался и спускался по лестницам...

Скрепя сердце, Отелло направился к дому Дурянов, не обращая внимания на толчки людей, бежавших к месту взрыва.

В полдень того же дня турок двадцати трех лет, скромно одетый и нагловатый на вид, явился в редакцию «Арарата» и заявил, что хочет видеть редактора.

– Это по поводу армянской школы, – сказал он, беспечно играя золотой цепочкой.

Пять минут спустя Азад принял его. Он был сильно потрясен гибелью школы, но не стал ничего предпринимать в газете до официального заявления. Он посмотрел на турка, который ему не понравился, и указал на стул.

– Садитесь. Кажется, вы хотите рассказать об армянской школе, я слушаю вас...

Молодой человек заметил во взгляде Азада нетерпение, но торопиться не стал, желая удержать инициативу разговора в своих руках.

– Я знаю, кто совершил взрыв, – бросил он небрежно.

Азад не повел глазом. Он сказал твердо:

– Вы ошиблись дверью. Вам нужно обратиться в полицию.

Короткий внутренний смешок потряс турка:

– Вы думаете, она не в курсе?

Мужчины посмотрели друг другу в глаза.

– Чего вы ожидаете от меня? Какова цель вашего посещения?

Турок поднял руку и потер большой и указательный пальцы.

– Как! – удивился Азад. – Но ведь если вы мне даже дадите имена виновных, что я могу предпринять против них?

Он горел желанием узнать наименование организации, которая взяла бы на себя столь ответственный акт, эхо которого разойдется по всей стране и создаст определенные трудности. Уже несколько лет царил относительный мир между турками и армянами. Не создавали ли взрыв брешь в этом союзе? Необходимо было узнать имена виновников.

Азад бросил небрежно:

– Сколько?

– Почти ничего, десять золотых.

– Вы мне скажете правду, я надеюсь?

– Сначала проверите, потом заплатите.

Неслыханно! Азад чувствовал западню. Он попытался проникнуть в глубину мыслей визитера, но, натолкнувшись на наглую улыбку, молча протянул карандаш и бумагу.

– Напишите мне имена...

– Я дам вам одно имя – шефа, – сказал он спокойно. – Скандар Мактуб. Он живет на улице Хамидье, напротив фонтана.

Азад записал адрес.

– Могу я задать вам один вопрос?

Турок сделал утвердительный знак головой.

– Почему вы решили обратиться именно ко мне?

Незнакомец встал и, окинув Азада насмешливым взглядом, сказал:

– Я приду завтра утром за моими комиссионными, – и добавил после паузы: – Я не одобряю это дело. Надо дать армянам жить в мире, вы согласны?

Его тон был так лжив, что это вызвало у Азада отвращение.

– Вам вручат деньги завтра утром, – сказал он сухо.

Оставшись один, он глубоко задумался. Мучила загадка: кто этот Скандар Мактуб и почему его предали?

Азад решил, не откладывая, повидаться с ним. Позвав одного из сотрудников, он сказал:

– Я уйду часа на два. Надеюсь, никому пока не нужен?

– Все в порядке... А вы уверены, что не надо ничего давать в газете о взрыве?

– Абсолютно, – отрезал Азад. – Ни строчки. – И видя несогласие сотрудника, сказал: – Я вам объясню позже.

Прежде чем постучать в дверь, Азад постоял в нерешительности. Никто не знал о его визите. По словам информатера, шеф преступной организации жил в этих четырех стенах. Дом скромный, с крохотным садом. Улица была не из богатых, бегали дети, старики перебирали

свои четки, тут же неподалеку кузнец ковал большую буланую лошадь, вздрагивавшую всей кожей...

Дверь открыл человек высокого роста, в феске, в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, и в белых широких шароварах. Было ему на вид лет сорок.

– Я пришел повидать господина Скандара Мактуба, – сказал Азад.

Человек сложился почти вдвое.

– Он перед вами.

– Я – Азад Дурян, редактор газеты «Арарат».

Мактуб коротко и молча оглядел его и широким жестом пригласил в комнату, скромно убранную цветными подушками и изношенными коврами. Через открытую дверь, выходящую в маленький дворик, белым пыльным светом освещался зал.

– Ваш визит – большая мне честь, господин Дурян. Не угодно ли вам присесть?

Азад несмело сел на диван. Мактуб придвинул к нему подушку. Сам он держался прямо и выглядел вполне доброжелательно. Азад поднял на него глаза.

– Вы знаете мою семью?

Мактуб утвердительно закивал головой, словно хотел сказать, что семья Дурянов ему хорошо знакома.

Удивленный, Азад продолжал:

– В течение многих поколений мы живем в Константинополе, и отец счел за благо построить армянам школу. У вас есть возражения против этого решения?

Мактуб воздел руки к небу.

– Никаких. Я хотел бы, чтобы все дети ходили в школу. Хочу, чтобы все были образованы. Это первое дело для Турции.

Азад посмотрел с любопытством. Глаза турка излучали горячую искренность.

– Значит, по этому пункту у нас с вами полное согласие, господин Мактуб. Тогда каким образом вы объясните нападение на школу этой ночью? Совсем новая школа, обитель мира, взорвана мощными бомбами... нужно было девять месяцев, чтобы построить школу, не говоря о деньгах. И вот – дети на улице...

Мактуб сложил руки на груди и, уперев большой палец в черную, клинышком, бороду, почесал ее.

– Господин Дурян, вы любите кофе с сахаром или без?

Азад удивленно промолчал, затем обронил:

– С сахаром.

Не двигаясь, Мактуб крикнул:

– Принесите нам два кофе с сахаром.

Никто ему не ответил, ничто не нарушило тишины.

Азад продолжал:

– Сегодня утром отец принял решение восстановить школу. Он пригласил архитектора и подрядчика. Рабочие уже на месте, они расчищают завал.

Мактуб молча, кивком головы, выразил свое восхищение, вытащил их кармана четки и стал греть их в ладонях. Затем спокойно заявил:

– Боюсь, господин Дурян, что новую школу постигнет та же участь, что и первую.

Азад поднял голову.

– Почему? Личная месть?

Мактуб отверг тотчас же:

– Ни в коем случае. Ваш отец – уважаемый человек, и мы ценим это...

«Признался-таки!» – Азад призвал все свое хладнокровие.

Вошла девочка лет восьми, черноглазая с розовыми щеками. Она поставила поднос на низкий столик. Отец поднял ее на руки и, лаская, прошептал что-то на ухо. Отправив девочку, Мактуб предложил Азаду кофе.

– Вы знаете, господин Дурян, мы разрушили школу против своего желания. Мы долго колебались...

Опущенные плечи, безграничная печаль в глазах, искреннее огорчение во всем облике...

– Не слишком ли сладкий кофе? – обеспокоился он.

Азад промолчал. Он силился разобраться.

– Если это не личная месть, к чему тогда отнести этот акт? Вы знаете, что армяне доверяют новому правительству. Мы идем рука в руку с младотурками. Ваше намерение – разбить этот союз?

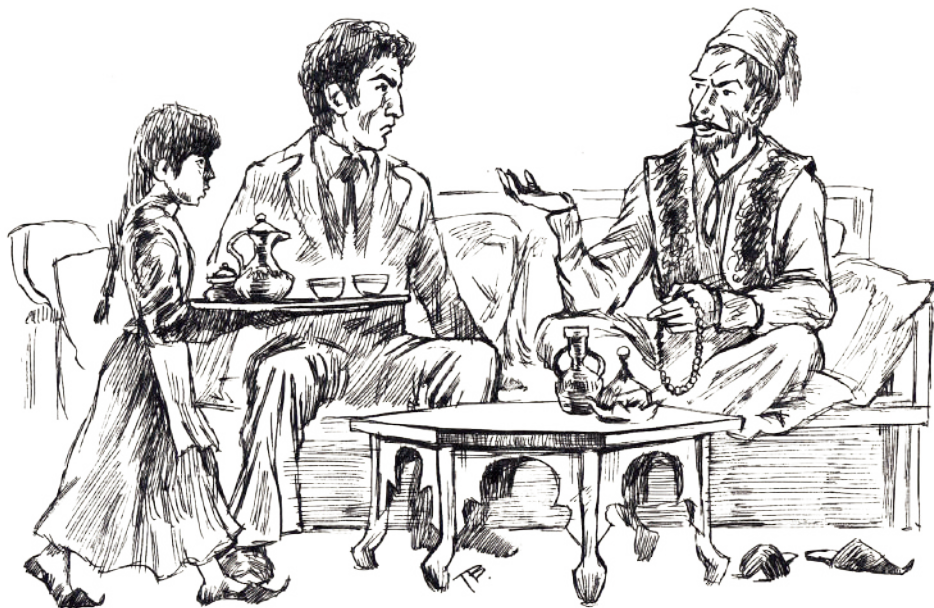
– Вы заблуждаетесь, господин Дурян. У нас много общих дел. Что мы были бы без армян? Вы трудолюбивый, мужественный народ, и вы это доказываете каждые день. Я пойду дальше: вы – дойная корова этой страны. Вы платите основные налоги, вы работаете на нас. У нас нет никакого интереса обрезать вам крылья. Были в прошлом

заблуждения, о которых можно лишь сожалеть, но теперь для нас открывается новая эра...

Куда он гнул? Этот голос, манеры?.. Пора было кончать.

– Чего вы хотите конкретно? Давайте ясно и откровенно. Вы говорите, что одобряете строительство новых школ и разрушаете наши. Я прошу вас сказать правду. Не хотите ли вы денег для каких-нибудь благотворительных целей?

Мактуб поднял руку, протестуя. В течение всего разговора он был

на ногах и только теперь, подложив под себя подушку, сел, скрестив ноги.

– Чего мы хотим, чтобы оставить вас в покое? Это очень просто. Я думал, вы уже догадались.

– Пожалуйста, скажите мне откровенно.

Мактуб молчал. Где-то мяукала кошка. Во дворе показалась женщина под чадрой, она привязывала к столбу веревку для белья.

– Здание, финансируемое вашим отцом, может вобрать, я думаю, триста армянских детей. Это прекрасно. Но в это же время триста маленьких турок остаются лишенными школы. Однако они тоже имеют право на образование, иначе через несколько лет появятся триста ученых армян и столько же турецких неучей. Вы не находите, что это несправедливо? Вот что мы вам предлагаем, господин Дурян:

восстанавливайте вашу школу, мы не тронем ее при условии, если вы финансируете турецкую школу, которая могла бы принять триста учеников. Вот и все.

Азад встал. Рассуждения Мактуба были бессмысленны. Образованием занималось государство. Если армянские меценаты делали значительные взносы, то ведь и среди турок есть богатые люди...

– Я передам ваше предложение отцу.

Мактуб проворно встал. Добрая улыбка озарила его лицо.

– Мы будем вам очень благодарны, – он проводил его до двери. – Вы знаете, где меня найти, господин Дурян. Весьма польщен вашим визитом. Дверь моего дома всегда открыта для вас.

IV

Ануш открыла глаза. Солнечный луч, наискось пронзающий полутьму спальни, освещал висевшую на стене картину: Босфор в лунную ночь. Она поднялась легко и порадовалась хорошему настроению. Обычно она не любила дневной сон, чувствовала себя после него разбитой. Уже две недели она гостила в доме брата Тиграна с мужем и тремя детьми. Она не могла присутствовать на свадьбе Тиграна из-за внезапной болезни старшего сына. Слава Богу, все обошлось, и сейчас он играл в соседней комнате с двумя другими братьями, она слышала их голоса и крики.

Эта небольшая сиеста взбодрила ее. Она широко открыла двери, чтобы спуститься на первый этаж, и осталась стоять: ее поразила таковой знакомый и неожиданный смех. Она прислушалась и узнала голос Седы, своей молодой невестки, жены Тиграна, звонкий говор Гаянэ. Но кто была третья женщина? Ее смех не был чужим для слуха Ануш.

Тигран и Седа вот уже третий месяц жили в своем новом доме. Они вернулись из свадебного путешествия, проведенного в Европе. Ануш жила теперь в Трапезунде и каждый год приезжала повидаться с родными.

Она спустилась по лестнице, стараясь не шуметь, хотелось застать невесток в компании их гости. Каково же было ее удивление, когда она увидела Софи Кариопулос, сидящую между Гаянэ и Седой. Она крутила в руках чашку, гадала на кофейной гуще.

Ануш невольно насторожилась. Разве Седа не знает о его

прежней связи? Она ничего не могла понять. В последнюю поездку в Константинополь ей запомнилась прогулка с Тиграном и Софи – она по-прежнему любила его.

Ануш сделала несколько шагов. Глубоким, чуть насмешливым голосом Софи продолжала свое гадание на чистом армянском языке:

– Моя маленькая милая Седа, скоро ты получишь длинное письмо, которое доставит тебе радость... И это не все, – продолжала она убедительно. – Я вижу женщину в положении, которая родит мальчика. У тебя будет мальчик!

Ануш кашлянула. Гаянэ поспешила встретить ее и, обняв за талию, подвела к остальным.

– Ты хорошо спала? – спросила Седа.

– Даже сон видела.

Софи широко улыбнулась:

– Ануш! Как давно мы с тобой не болтали! Ты живешь слишком далеко от нас.

– Это правда, – вздохнула Гаянэ.

Ануш улыбнулась.

– Это из-за работы мужа.

– Где твои дети? – спросила Софи.

– Наверху.

– Скажи, пусть спустятся, я хочу их расцеловать, – в голосе ее послышалась грусть. – Подумать только! У маленькой Ануш трое детей!

Ануш почувствовала себя слегка стесненной присутствием Софи. Она хотела разобраться в обстановке. Ее невестка Седа, знала ли она о прошлом Тиграна? Стараясь придать голосу оттенок беззаботности, воскликнула:

– Продолжайте, Софи, отыскивать на дне чашки хорошие слова. Мы с Гаянэ погуляем немного по саду.

Сделав несколько шагов, Ануш, понизив голос, заговорила взволнованно:

– Я ничего не понимаю! Что делается в голове Тиграна? Или он собирается учредить в доме гарем?

Гаянэ насупила брови, потом поняла.

– Ты думаешь о Софи? О, это старая история. После ее попытки самоубийства...

– Она хотела покончить с собой?

– Да... потом она поправилась. Пришла на свадьбу Тиграна, хотя ее никто не приглашал. Представляешь, какой прошел холодок. Седа, конечно, была в курсе дела... и я не знаю, что произошло. Они вдруг стали очень хорошими подругами. Вначале твой брат смотрел на эту дружбу очень даже косо, потом привык. Надо сказать, что Софи сильно изменилась. Она всегда весела, приветлива и любит Седу, как сестру.

– На месте Седы я бы поостереглась.

– Ты заблуждаешься. Я тоже не доверяла, пока знала Софи недостаточно хорошо. Это сильная и искренняя женщина. Теперь она – часть семьи Дурянов.

Ануш была убеждена не до конца. Она остановилась и посмотрела Гаянэ прямо в глаза.

– На месте Седы ты согласилась бы?..

– Ты знаешь, Седа – ангел. Она хотела этой дружбы... и я признаюсь, – она права.

– И все-таки!..

Гаянэ проговорила насмешливо:

– Зря бодаешься, моя девочка. Ты забываешь, что твой братец прожил с ней десять лет... И оставил ее, как только встретил Седу... Это жестоко по отношению к женщине!

– А что об этом думают отец и Азад?

– Ты знаешь, Азад витает в облаках. Но он по-доброму смотрит на эту дружбу. Ну а отец... Никто не знает его мыслей. Одна мать в затруднении: как себя вести?

– Вот видишь...

– Все устроится. Время залечит раны Софи. Мы на нее смотрим почти как на сестру...

– О, этот Тигран... – вздохнула Ануш.

Подошел садовник, неся в раскрытой горсти крупную малину:

– Только что собрал, отведайте.

Гаянэ взяла ягоду, надкусила, несколько красных капель попало ей на подбородок.

– Ты не собираешься их мыть? – спросила Ануш.

– Зачем? Они и так красивые. Попробуй.

Ануш взяла ягоду, посмотрела со всех сторон, обдула и положила в рот.

– Я думала, Азад собирался отвезти тебя в Европу.

– Увы, – вздохнула Гаянэ. – Не может он оторваться от этой земли.

– Брат не доверяет туркам. Ну что ж, были жестокости в свое время. Но теперь с этим покончено.

Гаянэ скосила на нее насмешливый глаз.

– Теперь ты интересуешься политикой?

– Разумеется. Только я – оптимистка.

– У Азада твердый характер, с ним ничего не поделаешь.

По лицу Гаянэ пробежало облачко. Помявшись, она призналась:

– Я хотела бы иметь еще одного или двух деток, но твой брат противится, хотя любит детей. Надо видеть его, когда он с сыном. Он без ума от него.

Ануш остановилась, уставившись на невестку.

– Почему? Чего он боится? Я думаю, он абсолютно неправ. Армения нуждается в армянах. У меня вон трое мальчишек, и я хотела бы иметь еще девочку... – она просияла от удачной находки. – Знаешь, как ее назову? Гаянэ. Как ее тетка... К сожалению, моему мужу удаются только мальчишки.

Они рассмеялись и тут заметили, что Софи делает им знаки.

– Идите, мужчины явились...

Тигран, Азад и муж Ануш – Берж пили аперитив. Берж был весельчаком, он не переставал шутить. В стильных очках, близорукий, с круглым кукольным лицом, он краснел от удовольствия, когда находилось точное словцо.

– А мы, женщины, не имеем права на аперитив? – воскликнула Гаянэ.

Берж бросился к бутылке и наполнил всем рюмки. Ануш было любопытно наблюдать за поведением Тиграна в присутствии Софи. Однако через пять минут она совершенно успокоилась. Они разговаривали, ничем не выделяясь в компании, и чувствовалось, что Софи была счастлива в семье Дурянов.

Ануш выпила два глотка раки и почувствовала, что голова пошла кругом. Ей было радостно от близости братьев. Она была довольна Седой, которую видела в первый раз и сразу полюбила. Ей хотелось обнять их всех и прижать к своему сердцу...

V

Один раз в месяц Отелло по заведенному им порядку посещал армянские детские заведения: школы, больницы, детские дома. Здесь он проводил беседы, читал стихи. Его охотно принимали, у Отелло был дар захватывать и увлекать аудиторию.

В этот полдень он оказался в приюте Сурб Ншан, рассказывал о двух армянских поэтах – Мкртиче Бешиктяяне и Геване Алихане, которые оказали значительное влияние на армянскую поэзию XIX века. В зале было человек пятьдесят мальчиков от десяти до пятнадцати лет, и все они дружно хлопали, когда Отелло закончил чтение стихов. К нему с первого ряда подошел с протянутыми для рукопожатия руками воспитатель заведения, который преподавал здесь Слово Божье. Благодарная улыбка осветила его аскетическое лицо.

– Дорогой мой брат, – сказал он дрожащим голосом. – Вы были великолепны. Мы всегда рады видеть вас у себя.

Отелло, польщенный, низко склонил голову.

– Я тоже, но, к несчастью, работа в школе отнимает у меня все время. Во всяком случае, я стараюсь...

Когда аплодисменты утихли, к Отелло подошел мальчишка лет десяти и взял его за руку. Отелло бы растроган. Мальчик смотрел на него смышленными глазами.

– Что ты хочешь? – спросил Отелло. – Я приду снова в конце месяца.

Мальчик не отпускал руку и продолжал смотреть на него. Воспитатель погладил его по голове.

– Иди к своим товарищам, Каро. Наш друг обещал, что придет.

– В каком он классе? – спросил Отелло. – Может быть, это будущий поэт...

Лицо воспитателя опечалилось. Помедлив, он сказал:

– Наш маленький Каро глухонемой. Он понимает несколько обиходных слов по движению губ собеседника.

Отелло почувствовал, как сжалось у него сердце и сделалось тоскливо. Он внимательнее посмотрел на мальчика, который не сводил с него глаз.

– Сколько лет он у вас?

– Нам его доверили в два года. Мальчик исключительно чувствительный. Он родился глухим, и это не позволяет ему говорить.

Мы общаемся с ним с помощью жестов и мимики.

Отелло провел рукой по голове мальчика.

– Как я понимаю, вокальная система у него нормальная?

– Разумеется. Многие врачи смотрели его. К сожалению, нет никакой надежды вернуть слух.

Ученики покидали зал. Каро по-прежнему не отпускал руку Отелло.

– Как он проводит свои дни?

История мальчика заинтересовала Отелло. Вид ребенка не вызывал жалости. В светлом костюмчике, улыбчивый, он источал великую радость.

– Он бывает занят в саду, в остальном следует распорядку сверстников. Забавляется, как они, занимается спортом, но что касается занятий, увы...

– Вы думаете, он понял что-нибудь из моей беседы?

– Нет. Но он должен был отметить вашу мимику, и конечно, отдавал себе отчет, что речь идет о чем-то важном.

– Что можно сделать для него?

Учитель лишь развел руками.

Разговаривая, они подошли к выходу. Отелло держал руку Каро, которого распирала гордость. Его маленькие хитрые глазки отмечали малейшее движение губ взрослых, и когда он ухватывал знакомое слово, сжимал руку Отелло.

Во дворе дети играли в мяч. Воспитатель наклонился к Каро и показал на его товарищей:

– Каро, иди поиграть с мальчиками. Нам надо поговорить.

Печальное выражение омрачило детское лицо. Он неохотно оставил руку и сделал несколько шагов в сторону группы ребят, при этом несколько раз оглянулся. У Отелло сжалось сердце.

Мяч угодил в ноги Отелло. Он послал его Каро, который схватил мяч и прижал к груди, словно это был подарок. Но мальчишки тут же выбили мяч и ввели его в игру.

– Как обстоят дела в школе? – спросил воспитатель озабоченно.

– Пока все хорошо... – он закурил сигарету. – Бедрос Дурян целиком восстановил ее. Дорого она нам обошлась. По тем же чертежам была построена и отдана туркам другая школа.

– Я знаю об этом, – вздохнул воспитатель.

Он опустил голову и сцепил руки. Глаза Отелло остановились на

старом сером здании, в котором обретались сироты.

– Должно быть, у вас плохо с финансами...

– О, мы выходим из положения. Наши дети счастливы здесь. Посмотрите на них. Они прекрасно выглядят...

Отелло не чувствовал ничего, кроме щемящей жалости. Все эти мальчишки не имели ни отца, ни матери и были заключены в этот универсальный загон.

– Какое у них будущее? – спросил он вдруг.

– Наиболее способные получают стипендию и продолжают учебу. Среди наших выпускников есть врачи, адвокаты, архитекторы... Другие овладевают ремеслом. По-разному, но создают свой очаг.

Не столько будущее этих детей занимало Отелло, сколько то, что он видел сегодня. Эти дети отличались от его учеников. Под внешней шаловливостью у каждого было свое, заветное: безысходная тоска. Никогда теплый женский голос не ласкал их слуха, они не знали, что такое материнский поцелуй.

Отелло распрощался с воспитателем и вышел через тяжелую решетчатую калитку. Когда он переходил улицу, услышал за спиной хлопки. Обернувшись, обнаружил за решеткой ограды Каро. Своими аплодисментами он давал знать о себе. Отелло поднял руку и сделал дружеский знак. Каро энергично замахал в ответ. Растроганный Отелло улыбнулся ему. Сделав несколько шагов, он обернулся в последний раз. Маленький Каро был наверху ограды и свободной рукой посылал ему привет.

Отелло с трудом удалось перебороть желание вернуться в детдом и задать вопрос, который сидел у него в голове:

– Отец мой, какие нужно выполнить формальности, чтобы усыновить Каро?..

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ 1915–1916

Восхождение на Голгофу

I

Рука Азада застыла над белым листом бумаги, чернила высохли, и он отложил перо. Поднявшись, Азад закрыл окно и принялся вышагивать по кабинету. Он прислушивался к звукам своих шагов по паркету. В одном месте, ближе к стене, звук был отличным от других. Азад остановился, попробовал исправить изъян в полу носком ботинка, но ничего не добившись, продолжал свое хождение, пока, устав, не вернулся к столу. Взглянув на ожидавший его лист бумаги, сложил руки на груди. Прислушался к сухому кашлю сотрудника, доносившемуся из соседней комнаты. Снизу поднимался уличный гул: смех, крики, ржание лошади... Мало-помалу, он отвлекся от всего и вернулся к своим мыслям. Твердой рукой он вывел на листе заголовок статьи: «Почему?». Статья эта обобщала события последних лет. Отступлениями в историю Азад пытался анализировать и освещать политику, которой следовала Турция. Прежде всего – ее вступление в войну в октябре 1914 года, когда она подписала союз с Германией, несмотря на неблагоприятное мнение посла в Константинополе Вангенхайма, который выступал против пакта из-за плохой военной экипировки Турции. Однако кайзер целил в бакинскую нефть, мечтал о навигации в проливах, о контроле над Средним Востоком – от Персидского залива до Суэцкого канала. Он соблазнял турок обещанием не заключать мирного договора, который угрожал бы им потерей хотя бы пяди земли, и уверял, что обеспечит Турции возможность вернуться в воды Эгейского моря, а также беспрепятственно торговать с мусульманами России, имеющими с ней общие границы.

Турки не замедлили с бомбардировкой русских портов на Черном море. В этом конфликте армяне оказались между двух огней. Меньшинство, боясь новых боинь, как в 1896 году, вступало в русские приграничные войска. Другая часть – десятки тысяч армян – была призвана в турецкую армию. Но турки шли дальше. Они предлагали армянским лидерам спровоцировать выступление среди закавказских армян, что облегчило бы проникновение турок в Россию. Они предлагали также формировать в Турции легионы армянских добровольцев с целью «освобождения русских братьев». Кроме того, они требовали

назначить эмиссаров, которые сопровождали бы татар и грузин, высылаемых в Закавказье для поднятия всеобщего восстания. В обмен турки обещали в будущем автономную территорию под турецким контролем, включающую провинции Ереван, Карс, Елизаветполь, а также области Ван, Битлис и Эрзерум.

Армянские лидеры не пошли на это. Они решили сохранить нейтралитет, защищая свою страну законными средствами, как сделали это в Балканскую войну.

Но в стране начал свое распространение скрытый вирус: отуречивание всей территории. Талаат, министр внутренних дел, используя военное положение, решил очистить страну от всех неверных, одним словом, избавиться от армян. Выступление армян в Ване стало предлогом для объявления Священной войны, для «вхождения во владение страной ее собственных детей, которые слишком долго были лишены своих прав»...

Эйфория, которая последовала за смещением султана и союзом с Младотурками, испарилась. И теперь, в начале 1915 года, судьба двух миллионов армян, которые жили в Турции, ухудшалась изо дня в день. Время катилось назад. Возвращалась старая система, закреплявшая неравенство неверных. Увеличивались налоги. Армяне изгонялись из администрации. В юстиции появились две меры и два веса. Наказывались преимущественно армяне. Мусульмане благоденствовали, пользуясь всеобщей безнаказанностью..

...Азад отложил ручку. Голова пухла от мыслей. За последние два года произошло столько событий, что он один мог бы заполнять страницы газеты. Но приходилось умерять себя из-за цензуры. Газета жила под постоянной угрозой закрытия.

Из коридора послышались голоса и звуки шагов. Кто-то постучал в дверь.

– Войдите, – сказал Азад.

В кабинет вошел в сопровождении работника редакции Аршака турецкий солдат в своей зеленой униформе, застегнутой на все пуговицы.

– Это армянин, – сказал Аршак предупредительно.

Солдату на вид было около двадцати, он шурился от лучей заходящего солнца.

– Я вас знаю, господин Дурян, – сказал он степенным голосом. Вы принимали меня в этом кабинете года три-четыре назад. Я вам

приносил свои стихи...

– Вы – Диран Тибиян? – вспомнил Азад. – Я напечатал три ваших стихотворения, я отлично помню. Что у вас нового?

– Я работал с отцом на маленьком заводе, а потом... – он показал на свою форму. – Вот уже год я в армии. Пишу в свободные минуты. Но они не пригодны для печати.

– Почему?

Солдат замялся, отвел глаза.

– Ну, это ваше дело. Чем я могу вам помочь?

Солдат снова показал на свою одежду.

– В моем гарнизоне насчитывается пятьсот армян, среди них пять офицеров. С турками все было нормально. Вместе изучали оружие и проводили учения, и вдруг сегодня утром... – он проглотил слюну и продолжал – все армяне гарнизона были разоружены.

Азад нахмурил брови и посмотрел на сотрудника, тот покачал головой.

– Кто вас разоружил? За что? Вы что-то натворили?

– Ровным счетом ничего. С того дня, что я в гарнизоне, не было ни одного инцидента. Мы исполняли все приказы. Сегодня у нас отобрали ружья без всяких объяснений. С тех пор мы невооруженные солдаты.

Азад отодвинул свой стул и встал. Новость эта взволновала его. Из каких соображений турки разоружили армянских солдат, которые служат под тем же знаменем? Откуда исходит этот приказ? Кто мог принять такое ответственное решение?

– Что происходит в других гарнизонах? У вас есть сведения?

Диран покачал головой:

– Сегодня мой день увольнений, и я пришел прямо к вам. Ничего не могу сказать больше.

– Вас разоружили без всяких объяснений? И вы к тому же не демобилизованы, как я понимаю?

– Я обязан вернуться в казарму к шести часам.

– Вы хорошо сделали, что пришли ко мне. Я попытаюсь встретиться с депутатом Зорабом до начала собрания Ассамблеи. Он должен быть в курсе последних событий.

Азад поспешно покинул здание газеты. Кучер ждал его у подъезда. Азад сказал ему адрес депутата. По улице текла разноцветная толпа. Война не перевернула привычки людей. Как и прежде, читали

газеты, может быть, чуть нервознее их обсуждали. Новости, как правило, не были радостными для турок. Энвер, герой революции 1908 года, военный министр, руководивший операциями против русских, нес значительные потери. 9-й и 10-й корпуса были опустошены тифом, холерой и морозами. Армия целиком отведена к Эрзеруму. На других фронтах ситуация оставалась не менее драматичной. Наступление против Суэца провалилось. Английский и французский флот оказался в Дарданеллах, готовый захватить проливы. Но турки рассчитывали на своего союзника. Военные корабли Германии стояли в Босфоре.

Кучер остановился у дома депутата как раз в ту минуту, когда тот усаживался в свой экипаж. Мужчины хорошо знали друг друга. Увидев Азада, Зораб пошел навстречу, и они крепко пожали друг другу руки.

– У меня необычайная новость, которая циркулирует в казармах, – сказал Азад. – Похоже, что разоружают армянских солдат.

Зораб покусывал губу.

– Я в курсе, – сказал он усталым голосом. – Признаюсь, что мне тоже это очень не нравится... Я обращался в министерство за разъяснением...

Он поправил шарф, пряча шею от холодного ветерка.

– Чего они боятся? – бросил Азад. – Боятся восстания? Или думают, что армяне убегут в Россию с оружием? Это смешно. Хотя... – он умолк при виде проходивших мимо трех турецких офицеров и продолжал, понизив голос. – Это наверняка Энвер принял такое решение. У него могла родиться задняя мысль. Чем больше я размышляю, тем больше возникает вопросов... Каково ваше мнение?

Зораб уставился на качающиеся ветви деревьев, потом пожал плечами.

– Позавчера я обедал с Талаатом, который должен быть в курсе этого вопроса, но он мне ничего не сказал. Я спрошу его сегодня. Надо вытащить это дело на свет.

– Скажи ему, – попросил Азад, – что армяне Константинополя считают это решение оскорблением!

– Я с вами согласен, – сказал с грустной улыбкой депутат. – Надо действовать немедленно. Вчера я получил письмо от майора Гоффа, норвежца...

26 февраля 1914 года Франция, Англия и Россия, с одной стороны, а также турецкие власти – с другой, подписали соглашение о необходимости привести в действие реформы, предусмотренные Берлинским договором и давно уже требуемые армянами. Это соглашение предусматривало, что армянские провинции будут разделены на два сектора. Во главе каждого из этих секторов станут генеральные инспекторы – европейцы, назначаемые Портой. Эти чиновники, наделенные широкими полномочиями, будут контролировать исполнение реформ, предусмотренных договором. Голландец Вестененк и норвежец майор Гофф должны были занять свои посты в июле. Казалось, готова была открыться новая эра для армянского населения Анатолии. Но началась война, и протокол был уничтожен, а инспекторы изгнаны...

На вопросительный взгляд Азада Зораб ответил бормотанием:

– Письмо очень пессимистичное... Он советует мне... покинуть Турцию.

Азад живо вскинул голову:

– И не думайте! Мы как никогда нуждаемся в наших представителях в парламенте.

Зораб успокоил его жестом:

– Я останусь, что бы ни случилось. В конце концов, я в своей стране!

– Чего он боится, майор Гофф?

– Фанатизма, который усиливается с каждым днем. Война всем принесла заботы, и Англия и Франция потеряла интерес к армянским проблемам. Изоляция христиан...

– Это не ново! В течение веков мы живем с мусульманами... – голос его сделался насмешливым. – Мы никогда не попросили ни одного мусульманина перейти в христианство! Пусть и они оставят нас в покое! Мы хотим работать и жить в мире...

Лицо его пошло пятнами, и он почувствовал, как поднялась в нем мгновенная злость. Зораб все с той же бледной улыбкой заметил:

– Я сегодня же повидаюсь с Талаатом и выведу у него правду. Не надо сваливать в кучу все армянские проблемы. Выясним сначала этот вопрос.

Азад сник, в голосе его послышалась горечь:

– Да, вы правы...

Он почувствовал себя усталым. Пожал Зорабу руку и проводил его до экипажа.

– Я дам вам знать сегодня же вечером, – сказал Зораб, усаживаясь.

Азад кивнул. Он решил вернуться в редакцию пешком. Свежий ветерок приятно остужал лицо. Встречая фланирующих по улице вооруженных турецких солдат, он чувствовал к ним неприязнь, словно хотел упрекнуть за то, что они еще не разоружены.

В кабинете его дожидались жена и сын. При виде их, сидящих тихо, беззаботно, лицо его просветлело. Гаянэ показала ему образцы ткани. Она хотела заменить в спальне шторы. Азад знал, что его мнение в счет не идет, но играя свою роль, помял образцы пальцами и нарочно посоветовал оранжевый бархат, чем привел жену в ужас.

– Ты сошел с ума! Никогда в жизни! Точно как в гареме.

Он любил подтрунивать над женой, вмешиваться в ее хозяйственные дела, это отвлекало его от собственных проблем. Он улыбнулся и склонился над сыном:

– А что ты думаешь?

Мальчик показал на ткань, отобранную матерью, чем привел ее в восторг.

Азад прошел за свой стол, присел и в десятый раз прочел заголовок статьи: «Почему?». Лицо его исказилось болью, и это не ускользнуло от жены.

– О чем ты думаешь?

– Ни о чем, – сказал он беспечно. – Просто перечитываю статью.

– Нет-нет, ты что-то скрываешь от меня.

Азад изменил разговор:

– Ты получила новости от Седы?

Гаянэ не сразу ответила. Тигран, Седа и их дети были в Трапезунде, гостили у Ануш.

– Новостей нет, но я думаю, что у них все благополучно...

Она положила образцы в сумку.

– Если ты хочешь, мы можем не менять шторы...

Азад запротестовал:

– Наоборот, я советую тебе подобрать что-нибудь и для столовой.

– Правда?

– Ну, разумеется, – развел он руками.

Гаянэ встала и сказала неуверенно:

– Раз ты настаиваешь, – она погладила сына по голове. – Пойди, попрощайся с папой.

Дикран подставил отцу щеку. Азад поцеловал его. Прикосновение к свежей и гладкой коже ребенка подняло в нем волну нежности. Он дал ему шуточный подзатыльник от полноты чувств.

– Сегодня я рано приду...

Проводив их глазами, Азад откинулся на спинку стула и задумался. С улицы доносилась песня турка. Это был голос разносчика воды, который, распродав свой товар, возвращался домой. Все было мирно и спокойно...

II

Тигран вздохнул. Он долго смотрел на море, размышляя, потом повернулся к шурина Бержу.

– Панорама великолепна. Уникальный вид на Черное море. Но я тебе признаюсь честно, что все еще сомневаюсь. Разумно ли строить гостиницу в такое смутное время?

Берж вытер платком очки, затем отдал их на вытянутую руку, разглядывая стекла.

– Да, лучше подождать. Война не будет продолжаться вечно. Но в любом случае я советую тебе купить этот участок, он недорог. Самую высокую ренту дает земля.

– Проблема не в этом... Участок я куплю. Если по какой-нибудь причине я откажусь от мысли построить гостиницу, тыстроишь для меня на этом месте хорошенький домик. У нас с Седой есть желание почаще приезжать в Трапезунд.

Берж пожал плечами.

– У вас нет нужды строить дом. Наш достаточно велик, чтобы принять твою семью. Да и сестра твоя не разрешит... Ладно, покупай землю, а там подумаем...

Седа и Ануш прогуливались с детьми по пустынному пляжу. Издали видны были их силуэты. Над морем висело молочно-белесое небо. Возвращались рыбаки. Было холодно. Тигран поднял воротник пальто.

– Пойдем к нашим, – сказал он.

– Вы в самом деле хотите уезжать послезавтра? – спросил Берж. – Оставались бы еще на недельку – две...

Тигран покачал головой.

– Время не то. Мне надо как можно скорее быть в Константинополе. Мы еще вернемся...

Они направились в сторону пляжа. Навстречу им шел человек, он поднял руку. Берж узнал своего чертежника Арама. У него была одышка от быстрой ходьбы, изо рта шел пар.

– Русские прорвали фронт! Они в Кара-Килиссе!

Тигран и Берж переглянулись. Нужно ли было радоваться такой новости?

– Когда это случилось? – спросил Берж.

Арам обрел ровное дыхание. Вытирая слезящиеся глаза, сказал:

– Этой ночью... Говорят, многие армяне присоединись к ним, – новость явно радовала его. – Они дойдут до самого Константинополя и освободят всех армян.

– Вы ошибаетесь, – заметил Тигран. – Турки не допустят этого. В армии служат тысячи армян... Вы считаете, что они не станут сражаться против своих братьев из России?

Арам хохотал.

– Как они будут сражаться без оружия? Вот уже неделя, как все армянские солдаты разоружены. Их заставляют строить дороги! Они превратились в рабочих!

Последовала долгая пауза. Чайки пролетали низко над головами и кружились над вернувшимися с моря рыбаками.

Тиграна охватило плохое предчувствие. Он решил, что немедленно должен вернуться в Константинополь, но боялся, что паническая поспешность напугает жену.

– Турки ждут малейшего предлога, чтобы окончательно похоронить наши реформы и сделать нашу жизнь невыносимой, – сказал Берж. – Из-за нескольких сот армян, присоединившихся к русским, остальных два миллиона ждет судьба заложников, вы увидите.

– Что ты подразумеваешь под «заложниками»?

– А то, что все это дурно пахнет, – скривился Берж. – Турки будут упрекать нас до конца жизни за провинность горстки армян.

Арам возразил:

– Речь идет не о провинности. Мы предпочитаем туркам братство русских. Они такие же христиане, как и мы.

– В какой уже раз мы оказываемся в роли канатоходцев, – вздохнул Берж. – Неужели мы никогда не будем иметь мира? Мы живем в такой прекрасной стране!

– В своей стране, – сказал Арам.

– Да, конечно. У нас прекрасные горы, бескрайние моря, все, что нужно для счастья.

– И даже турки, – пошутил Арам.

Берж не отвечал. Он почувствовал вдруг страшную обиду. Какую гостиницу он мог бы построить на этом месте!

Ануш, Седа и мальчики поспешили навстречу мужчинам. Ануш сразу же по лицу мужа определила, что он чем-то взволнован, но виду не подавала. Тигран, стараясь показать, что у него хорошее настроение, положил руку на плечи жены.

– Хорошему горячему супу я бы охотно сказал: «Добро пожаловать!».

Дома их встретил пылающий камин и приятные запахи с кухни. Берж угостил с мороза шурина и Арама ракой. Мужчины подняли рюмки, и плохое настроение хозяина улетучилось.

– За здоровье наших жен и детей, – сказал он.

Седа и Ануш помогали кухарке собирать на стол. Мужчины в ожидании обеда продолжили разговор.

– Французов и англичан интересует не Турция, – сказал Арам. – Их устроят Египет и Сирия. Оттоманская империя слишком большой

кусок. Они хотят ослабить ее, и очень хорошо. Турки становятся слишком нахальными.

– Какая это глупость – союз с Германией! – вздохнул Берж.

– Турки уже сожалеют, но не осмеливаются сказать об этом. Они рассчитывали на нейтралитет Англии. Я думаю, что они накануне хорошего урока.

Тигран покачал головой.

– Вы забываете, что мы составляем часть Османской империи. Наказание падет и на нашу голову.

– Чтобы нас наказать, туркам не нужны англичане, – сказал Арам. Берж протестовал:

– Я вас не понимаю. За что нас наказывать? В чем нас можно обвинить? Разве мы не сражаемся в рядах турецкой армии? Мы лояльно служим империи...

– Да, но мы христиане. Мы ими были всегда, понятно, но с некоторых пор мы снова стали неверными. Как только ситуация в стране ухудшается, мы становимся козлами отпущения, и нас обвиняют во всех грехах.

– Но это же несправедливо! – воскликнул Берж. – Между тем Талаат, Энвер и Джемал являются интеллигентными людьми. Мы были среди первых, кто их поддержал.

Арам улыбнулся:

– Интеллигентность не имеет ничего общего с властью. Все зависит от того, как она используется, эта самая интеллигентность.

– Что за дым без огня? – проворчал Тигран. Русские заняли деревню, и несколько армян встретили их с некоторой поспешностью. Что тут особенного? Не следует забывать, что семьсот тысяч армян живет в России. У нас у каждого найдется там брат или сват.

Вошла Ануш.

– За стол, мужчины! Обед готов...

Тигран посмотрел на часы.

– Мне надо поторапливаться. В три часа свидание с хозяином участка.

Седа постояла над кроватками близнецов и, покинув детскую, спустилась в гостиную. Берж весь ушел в чтение какой-то исторической книги, Ануш вязала, дети возились на полу с кубиками.

Несмотря на жарко топившуюся печь, Седа почувствовала вдруг, как по спине пробежал мороз, и она обхватила ладонями плечи. Бросила взгляд в окно. Улица была темна и пустынна. Тигран все еще не возвращался. Она села у камина.

– Тебе холодно? – спросила Ануш, отвлекшись от вязания.

– Да лихорадит что-то...

– Хочешь выпить чего-нибудь горяченького?

– Нет, так пройдет...

Седа решила, что у нее это от волнения. Тигран должен был вернуться еще два часа тому назад. Он никогда не задерживался в городе. Он должен был повидаться с хозяином участка и вернуться. Берж встал, чтобы раскурить трубку, улыбнулся Седе и снова принялся за чтение. Ануш подняла на вытянутых руках свою работу, оглядела почти готовый пуловер, осталась довольна и, перехватив взгляд Седы, подмигнула ей. С улицы послышались шаги, все повернули головы, но шаги удалились. Вошла служанка, похоже было, что она хотела спросить, не пора ли накрывать на стол, но почувствовав что-то неладное, повернулась и ушла.

Седа начала серьезно беспокоиться. Было уже половина девятого. Ночь опускалась на дом, слышался свист ветра. Она собралась открыть рот, когда Берж захлопнул толстенную книгу с таким грохотом, что игравшие на полу дети повернули с испугом головы.

– Я пойду, повидаюсь с Кадаром, хозяином участка.

– Я пойду с тобой, – сказала Седа.

Берж замялся, но на лице Седы он прочел такую тоску, что вынужден был согласиться, хотя и не хотелось драматизировать отсутствие Тиграна.

– Они, конечно, удачно совершили сделку, и Кадар оставил Тиграна на ужин. Как тут отказаться от приглашения?

– Он мог бы нас предупредить, – возразила Ануш вместо невестки.

Берж не отвечал. Он начал одеваться. Седа последовала его примеру. Ануш встала.

– Я покормлю детей и буду вас ждать. Не забудьте захватить фонарь.

Фонарь как обычно висел на стенке у двери, Берж снял его с гвоздя. – Кадар живет в десяти минутах ходьбы отсюда. Хороший мальчик. Я работал с ним.

Холодом Седе обожгло щеки, она уткнулась в шарф. Берж шел впереди, освещая фонарем дорогу.

Улицы были пусты, маленькие дома с небольшими садами повторяли друг друга. Даже в поведении людей, силуэты которых виднелись за окнами, было схожее: они или садились за столы, или заканчивали ужин.

– Мы пришли, – сказал Берж. – Он остановился перед каменным домом и поднял фонарь. – Это здесь.

Он прошел через палисад и постучал в дверь. У Седы колотилось сердце, она не чувствовала больше холода. Появился слуга с непроницаемым лицом, в феске.

– Передайте господину Кадару, что его друг Берж Авакян желает видеть его и просит извинения за визит в столь поздний час.

Слуга, сделав легкий поклон, удалился. Седа прислушалась к смутной разноголосице, доносившейся из дома, ожидая услышать или увидеть мужа. Наконец показался Кадар с салфеткой в руках. Он был высок, тощ, черная холеная борода окаймляла его лицо.

Он поднял вверх руки и воскликнул:

- Да входите же, мой друг!
- Со мной моя невестка...
- Входите, входите, прошу вас.

Он проводил их в столовую и, усадив за стол, придвинул вазы с фруктами и сладостями.

– Мы встревожены: мой шурин, Тигран Дурян, ушел после обеда, и его нет до сих пор. Сказал, что у него свидание с вами в три часа по поводу земельного участка.

Кадар погладил бороду.

– Все так, но я его тоже не видел, хотя довольно долго ждал в своей конторе.

Каждое слово, слетавшее с его губ, усиливало боль Седа. Берж потемнел лицом.

– Это не в его правилах... сегодня утром мы обошли участок, он покинул дом около трех часов, чтобы увидеться с вами...

– Да, любопытно. Я решил, что это дело больше его не интересует.

– Где он может быть? – спросила Седа тоскливым голосом.

– В самом деле... – сказал Кадар задумчиво. – Не было у него никакой болезни?.. Возможно...

– Нет-нет, – горячо возразила Седа. – Мой муж совершенно здоров.

– Наши предположения ничего не дадут, госпожа Дурян. Надо навести справки.

– Но где? – воскликнула она осипшим голосом.

Вмешался Берж:

– Господин Кадар прав. Пойдем в комиссариат...

– Если угодно, мой слуга проводит вас.

– Не стоит, я захватил фонарь, а город я знаю, как свой карман.

Они вышли на улицу. Седу охватила дрожь. Берж шагал быстро. Занятые своими невеселыми мыслями, они шли молча.

Возле комиссариата стояли три военных грузовика. Внутри помещения царило большое оживление. Здесь были собраны солдаты и полицейские. Берж подошел к чиновнику, который сидел за своим столом, и казалось, ажиотаж вокруг не имел к нему никакого отношения.

– Извините за беспокойство, я хотел бы видеть комиссара полиции.

Чиновник поднял голову и посмотрел на Бержа стеклянными глазами.

– По какому вопросу? Комиссар сегодня очень занят.

Заметив Седу, он снял с губы окурок и закрыл глаза. Берж подумал, что тот уснул. Он поставил фонарь на стол. Чиновник раскрыл глаза и вскочил на ноги:

– Что это? Что вам надо?

«Пьяный, что ли?» – подумал Берж, но Седа заметно толкнула его локтем и показала глазами на раскрытую табакерку.

– Мы хотим видеть комиссара, – повторил Берж.

Чиновник придвинул к себе табакерку, взял щепотку коричневого порошка и, набив им ноздри, сделал глубокий вдох. На лице заиграла краска, заблестели глаза, он откинулся на стуле и потерял руки, как от мороза.

– Вы – армяне? – спросил он чистым голосом.

– Да, а что? – спросил Берж, предчувствуя неладное. – Вы не подскажите... Мы ищем Тиграна Дуряна...

Чиновник слушал с насмешливой улыбкой. Пока Берж говорил, он открыл ящик стола и взял три листа.

– Как вы говорите? Тигран Дурян...

Он пробежал первый лист. На нем было десятка три фамилий. Седа, приблизившись, попыталась прочитать список.

– Ваш родственник в моих списках.

Он сцепил руки на животе и посмотрел так, словно сказал все.

– Что с ним произошло? – спросила Седа.

Она была расстроена и в какой-то мере утешена: ее муж не был единственным на листе.

– Он был арестован сегодня в полдень.

В комнату вошли человек десять солдат, они поставили ружья в угол и собрались у печки погреться.

Седа спросила растерянным голосом:

– За что его арестовали?

Чиновник покрутил большими пальцами один вокруг другого.

– Документы были не в порядке.

– Но этого не может быть!

– Пожалуйста, – вмешался Берж, – доложите комиссару...

– Но я и есть комиссар.

Он становился нетерпелив, убрал в стол бумаги и холодно уста-

вился на Бержа.

– Где он? – спросила в отчаянии Седа.

– С другими.

– Могу я его видеть? Я его жена.

Он отрицательно покачал головой. Потом поднялся и пошел к солдатам. Берж и Седа, растерянные, остались стоять на месте. Что значил этот самоуправный арест? Документы у Тиграна были в порядке.

– Пойдем, надо возвращаться... Завтра я пойду к знакомому офицеру.

– Ты видел лист? Все армяне...

– Пойдем, надо все спокойно обдумать. Это какое-то недоразумение.

Они вышли и направились обратной дорогой. Седа шла, опустив голову.

– Я должна срочно сообщить Азаду... Или кузену Талаата, он приглашал нас на свою свадьбу...

Мелкими хлопьями начал падать снег. Берж поднял фонарь, чтобы лучше освещать дорогу.

III

Наил Бей, худощавый аскет с брезгливой гримасой, застывшей на желчном лице, был человеком претенциозным и агрессивным. Он прибыл в Трапезунд с поручением министра внутренних дел. Губернатор города и прилегавших областей, насчитывавших миллион турок и шестьдесят тысяч армян, ожидал его в своем кабинете. Его звали Каит Талин, шестидесяти лет, астматик, набожный усталый человек.

Жандарм, ожидавший прихода Наил Бея, прибывшего в город накануне, как только заметил его в коридоре, широко открыл дверь кабинета губернатора и, пропуская его, вытянулся, отдавая честь.

Наил Бей вошел в светлое помещение, где не было ни гардин, ни ковров, ничего, что могло собирать пыль и спровоцировать кризис у астматика. Каит Талин встал, чтобы встретить его. Ответное приветствие было коротким: рука, поднесенная ко лбу. Наил Бей, опустившись на стул, извлек из кармана свернутый вдвое лист и положил его на стол.

– Прочтите это, потом поговорим.

Губернатор надел очки, развернул лист и, пробежав его, побледнел. На лице его было написано глубокое удивление. Он повернулся к окну и прочитал бумагу. Никаких сомнений, это был приказ министра внутренних дел:

«...Правительство по приказу особого комитета решило уничтожить всех армян, проживающих в Турции... Те, кто будет препятствовать этому приказу и этому решению, будут сняты с занимаемых должностей. Приказ выполнять, не принимая во внимание женщин, детей, инвалидов, какими бы ни оказались средства истребления, не слушаясь чувств и совести – кончать с их существованием»...

Подпись: Мехмед Талаат-паша».

Каит Талин молча снял очки. Он почувствовал начало паники, слегка окрашенной возмущением. У него было много друзей среди армян Трапезунда. Он был близко знаком с именитыми армянами. Одним из них был врач, лечивший его от астмы. Он сидел неподвижно под холодным взглядом Наил Бея, и только краешек губ дергался от нервного тика.

– Вы внимательно прочли? Хорошо все поняли? – спросил сухо Наил Бей.

Каит напрасно старался отыскать на костистом лице собеседника следы каких-либо чувств. Скала из плоти. Наконец произнес:

– Да, конечно, я хорошо понял...

– Отлично. Начнем действовать поэтапно. Уже сегодня вечером вы разошлете на улицы города, особенно в армянские кварталы, глашатаев, которые сообщат, что к завтрашнему утру все оружие должно быть сдано в жандармерию под страхом административного наказания. Они потребуют оружие у мусульман тоже, ради принципа. Не надо их пугать. Вы, конечно, знаете, что в каждой семье найдется ружье или револьвер. Через некоторое время произведете обыски в домах. На следующее утро те же глашатаи объявят, что всем армянам надлежит собрать чемоданы для недолгого переселения в другие провинции. Переселение является мерой предосторожности. Брать с собой следует только самое необходимое, имущество будет под присмотром властей до их возвращения. Они будут перемещены в Месопотамию по выбранному мною маршруту. На самом деле они будут перебиты по дороге. Или околют по пути от болезней и голода. Министр требует секретности и уничтожения свидетелей, – Наил Бей

сыпал фразы без малейшего следа волнения и, сделав небольшую паузу, продолжал: – Дома и имущество армян будут выставлены на продажу под контролем комиссии, которую я назначу к завтрашнему утру. Во всяком случае, мы разместим множество турецких семей в покинутых домах.

Он вытащил больших размеров платок и вытер влажный рот. Каит спросил:

– Эта мера касается только Трапезунда или будет всеобщей?

– Господин губернатор, я не желаю отвечать на ваш вопрос. Вам надлежит заняться своим городом, и точка.

Каит кивнул головой. Слова собеседника смутили его. Он сказал, придав голосу равнодушие:

– У нас четырнадцать тысяч армян в самом Трапезунде, не считая тех, что проживают в прилегающих областях. Я несу ответственность за всех, и я боюсь посеять панику. Если перемещать всех одновременно, возможно даже восстание...

Он говорил это не без задней мысли отделить часть обреченных, но посланник отрицательно покачал головой:

– Главное – заставить их выйти из города. Чтобы не вызывать у них тревогу, надо сделать жандармский конвой корректным в обращении и малочисленным, человек сто, не больше. Когда же они окажутся на природе... – его холодный взгляд скользнул по лицу собеседника. – Мы не будем прибегать к помощи армии, у нее свои заботы.

Дверь открылась, и жандарм внес две чашки кофе и стаканы с водой. Наил Бей залпом выпил воду и взял своими ручищами чашку. Каит знаком велел жандарму поставить поднос на стол и удалиться. Наил Бей с шумом втягивал горячую жидкость, выражение лица

оставалось по-прежнему бесстрастным, и Каит спрашивал себя, умел ли посланец министра смеяться или выражать какие-либо чувства, неважно какие: страх, удивление, удовольствие...

Он говорил об истреблении целого народа так, словно речь шла о незначительной формальности. Послать глашатаев. Разоружить. Выставить из домов. Передуть... За что? Этот вопрос не ставился. В качестве губернатора он обязан подчиниться приказам. В голове складывались варианты спасения наиболее близких друзей из армян: дать им возможность скрыться в горах или добраться до Константинополя, где, по-видимому, было тихо. Затем...

Наил Бей поставил свою чашку на пол и хлопнул по ручке кресла, чтобы обратить на себя внимание.

– Турецкие семьи, которые окажут слабость и спрячут у себя армян, будут строго наказаны. Дайте всем это знать. Комитет, руководителем которого я являюсь, не потерпит никаких послаблений.

– Я понимаю, но... вы знаете, сообщество христиан и мусульман складывалось десятилетиями. Существуют симпатии, как, впрочем, и зависть, и ненависть тоже...

– Ненависть, ее мы будем разжигать. Мы рассчитываем, что большинство народа нас поддержит. Каждый дом, покинутый армянами, достанется мусульманской семье. Годами эти люди жили кочевой жизнью, они имеют право на комфорт...

– Вы изволите говорить о курдах?

– Они усердно служат Турции. Они ждут... Кстати, я должен вас предупредить: никаких санкций против них не принимать, что бы они ни делали.

Каит послушно кивнул.

– Какие меры следует принять в отношении администрации? Некоторые армяне занимают значительные посты, – сказал он и добавил, подумав: – Есть такие, что необходимы для дела.

– Временно сохраните наиболее необходимых. Они будут перемещены позже.

Солнце по-весеннему ярко высветлило комнату. С улицы доносилась обычная разноголосица. Каит представил себе на минутку состояние армян, когда им станет известно о переселении. Разрозненные семьи, покинутые дома...

Наил Бей командным голосом подводил итог:

– Разоружение... Образование конвоев... Жандармы и военные

будут осведомлены позже... Армяне не депортируются, а переселяются в их собственных интересах. Русские недалеко, и мы хотим избежать столкновения между армянскими солдатами, сражающимися в рядах русской армии, с нашими армянскими солдатами.

Каит хотел возразить, напомнив, что «наши армянские солдаты» давно разоружены, но промолчал. Его собеседник представлял правительство, следовательно, он подчинялся приказам Талаата, и разжигать огонек недовольства было бесполезно и небезопасно.

– Я буду говорить с жандармами сегодня же вечером. Они должны вести себя корректно и твердо. У вас есть вопросы?

Каит покачал головой. Наил Бей встал, обхватил руками бока и трижды откинулся корпусом назад, чтобы размяться.

– Представьте меня офицерам, – он повернулся к окну и сказал своим ровным голосом: – Хорошая погода. Весна будет в этом году плодородная. Мы соберем хороший урожай...

Ануш задумалась над следующим ходом. Ее старший сын, тринадцатилетний Завен, только что вернулся из школы и, прежде чем подняться к себе и сесть за уроки, уговорил мать сыграть партию в домино. Оба его младших брата гостили уже третий день у стариков со стороны отца в Эрзинджане, что в ста пятидесяти километрах от Трапезунда, и должны были вернуться через два дня.

– Ходи, мама, ты долго думаешь.

– Твои братья отстанут от школы, ты об этом не думаешь?

– Мы такие все умные в нашей семье...

Ануш вздохнула:

– Да, конечно. Твой младший братец был двадцатым в классе последнюю четверть.

– Случайное явление!.. Ну, ты ходишь?

– Я думаю...

Торопливо и настойчиво зазвонил колокольчик на улице. Обеспокоенная, она нахмурилась. Раздался ровный и сильный голос, пронзивший, как нож, стену:

– Губернатор Трапезунда благодарит армян за сдачу в мэрию оружия. Губернатор огорчен, что вынужден сообщить неприятную новость. Он решил, в интересах армян, разумеется, следующее: все армяне без исключения – женщины, дети, старики – должны быть

готовы к завтрашнему утру, к девяти часам, для отправки в менее опасную зону, подальше от русского фронта. Просьба взять с собой минимум багажа и питание на несколько дней. Власти берут на себя сохранение имущества, оно будет возвращено в том виде, в каком было оставлено. Мера эта – временная. Армяне Турции, вы вернетесь в ваш добрый город через несколько недель. – И после ледяной паузы на тон ниже: – Все уклонившиеся будут наказаны согласно закону. Спокойной ночи.

Взгляд Ануш застыл на черных кружочках домино, она побледнела и, встав с трудом, бросилась в прихожую, открыла дверь. Глашатай на своем осле неторопливо продвигался по улице, повторяя через интервалы свое объявление.

Завен стал рядом на пороге. Она проговорила невнятно:

– Ничего не понимаю... Что нам надо делать?

Между тем, она отлично поняла слова глашатая, но услышанное казалось настолько неестественным, что она отказывалась это принять. Как можно выставлять людей из дома, перемещать их с такой беззастенчивостью и произволом?

Армяне высыпали на улицу в поисках ответа на свои вопросы. Ануш с сыном смешались с группой, в центре которой находился их сосед доктор Палудян. К нему были обращены опечаленные лица, отовсюду доносились вопросы. Палудян поднял руку и попросил тишины.

– Дорогие соотечественники, я так же удивлен, как вы. И немедленно отправлюсь к губернатору и потребую разъяснения или хотя бы дополнительного уточнения.

Палудян лечил турецкую знать. Он ставил безошибочные диагнозы. Белобородый, с молодеватой походкой, он вызывал у всех уважение и любовь. Один раз в неделю он давал бесплатные консультации всем, кто в них нуждался, независимо от того, турок это был или армянин.

Какая-то женщина с морщинистым лицом и с руками, сложенными на груди, причитала, с трудом выговаривая слова:

– Я знаю турок... Они хотят отнять наше добро... Мы не вернемся больше в Трапезунд... Я их хорошо знаю... Не надо уходить...

Молодой человек со свирепым выражением на лице сказал:

– Они у нас отняли оружие! Завтра они выпьют из нас кровь! Я не тронусь с места. Пусть меня убьют на моем пороге!

Но почти все были в растерянности. Надо ли ехать? У них не было выбора. Можно ли довериться этой якобы временной мере? Они спрашивали друг друга и себя, но ответа не было. Тоска охватила всех. Женщины плакали. Мужчины сжимали кулаки. Доктор Палудян пытался успокоить их:

– Подождите моего возвращения. Через несколько часов я буду иметь дополнительные разъяснения.

Он отделился от толпы и решительным шагом направился к губернаторскому дворцу, сопровождаемый импровизированным эскортом молодых людей.

Никто не хотел расходиться. Все стремились защититься, слиться с другими. Ануш не спускала руки с плеча сына. Она ожидала мужа. Берж принесет свежие новости. Он сумеет принять верное решение.

Улица была черна от народа. Несколько турецких семей, обитавших на этой улице, сидели, запершись в своих домах, и никто не знал их реакции. До этого дня все жили в мире и согласии.

– Почему дети и старики? Почему женщины? – допытывался человек с корзиной фруктов.

– Ах, если бы русские могли взять город этой ночью! Мы были бы спасены! – провозглашал другой.

– Русские далеко. Мы не можем рассчитывать на них.

Ануш прислушивалась к разговорам, но вопросов не становилось меньше. А двое ее сыновей, которые далеко от дома?.. Тревога и

растерянность овладели женщиной. Она не представляла себе, как сможет вот так сложить чемоданы, покинуть свое жилище, удалиться от Трапезунда... И в каком направлении? Как могло государство принять такое неверное и жестокое решение? Она подумала о брате, арестованном несколько месяцев назад. Говорили, что Тиграну удалось убежать с группой заключенных, и теперь он где-то в горах. Мысли эти только увеличивали неуверенность. С самого начала войны все постоянно бились о стену непонимания и попадали в ловушку ошеломляющих мер администрации. За что арестовали Тиграна?

Ануш провела рукой по волосам сына. Только что, играя в домино, он шутил, теперь же взгляд его посуровел, и на лбу образовалась складка. Внезапная нежность охватила сердце Ануш, она притянула к себе сына и попыталась улыбнуться.

– Ты знаешь, Завен, от турок можно всего ожидать. Завтра они могут переменить свое мнение, – мать почувствовала, как у мальчика напряглись мускулы. Она добавила: – Но если даже нам придется временно покинуть город, то ведь мы не одни. Все соседи, все наши друзья разделят с нами это путешествие. Может быть, мы будем проходить через Эрзинджан, кто знает?

Он поднял голову и посмотрел на мать:

– Нет, мама, лучше будет, если они останутся в Эрзинджане...

У Ануш сжалось сердце. Значит, она не скоро увидит своих младших сыновей? В глазах у нее засверкали слезы. Она промолчала. Какая-то старуха приговаривала:

– Бог нас спасет. Бог нас спасет...

Пришел священник, его тесно обступили.

Своим уверенным голосом он провозгласил:

– Мои дорогие братья и сестры, я буду рядом с вами, буду шагать как вы. Господь не оставит нас. Пойдемте в церковь, помолимся.

Он увлек за собой большую часть толпы. Лучи полуденного солнца терялись в ветвях цветущих деревьев. Воробьи с шумом гонялись по ветвям друг за дружкой. С вершины минарета разносился голос муэдзина, созывавшего на молитву.

Противоречивое чувство овладело армянами. Этот гортанный голос, который они слышали в течение дня, вдруг сделался враждебным. Человек, который надрывался со своего насеста, прокладывая границу между христианами и мусульманами, молил того же самого Бога. Бог всем поможет...

– А вот и отец!

Ануш заметила его еще в начале улицы. Берж шел торопливой походкой. Он остановился, чтобы отдышаться, и тут же кивнул жене:

– Войдем в дом...

Берж пытался умерить свои чувства. Он снял куртку, выпил стакан воды и показал жене и сыну на стулья. Сам тоже сел за стол, на котором лежали кости домино, положил руки на скатерть.

– Я иду из банка. Мне удалось получить немного наличными, но с завтрашнего дня все счета армян будут блокированы.

Ануш хотела прервать его, но он продолжал:

– Я знаю, что вы пережили, но не надо слишком драматизировать. Я заходил к моему другу Кадару, он тоже взволнован не меньше нас, и я считаю его человеком искренним. Короче, по нему, так это мера временная. Все армяне, живущие поблизости от фронта, должны быть эвакуированы. Турки боятся братания с русскими, как это произошло в Ване. Они не хотят рисковать. В этом причина того, что они хотят удалить нас на некоторое время.

Он умолк и вытер платком сухие губы. У Ануш была тысяча вопросов к мужу, но она знала, что ответить на них не в его компетенции. Негодование душило ее. Она сказала:

– Почему мы должны тащить за собой стариков и детей? Разве они не могут остаться дома? И женщины тоже. Никто никогда не видел, чтобы женщины и старики сражались!

– Ты тысячу раз права, дорогая. Но поставь себя на место турок. Они переселяют только мужчин. Приходят русские, находят женщин, детей и стариков. И что же? Они могут оказать отличную помощь армии: расселить солдат, побеспокоиться о продуктах, кормить их, выхаживать раненых, носить снаряжение и делать тысячу других дел, только кажущихся мелочами. Вопрос уже решен. Нам надо организоваться.

Он умолк. Сквозь стильные стекла очков возбужденно блестели глаза. Он скрывал, насколько мог, свою растерянность.

– Вы играли в домино?

Не получив ответа, улыбнулся. Ему хотелось разделить атмосферу. Но он видел, что старания его были напрасными. Дрожащими губами Ануш произнесла:

– Наши дети... они далеки от нас...

– Им повезло! – живо откликнулся Берж. – Старики их балуют...

После небольшой паузы Ануш сказала:

– Мне все кажется, что я во сне. Неужели это правда? Завтра утром мы покинем наш дом?

Она посмотрела на молчавшего в растерянности сына.

Берж искал сигареты в кармане куртки.

– Разве это в первый раз? Вспомни, когда мы ездили в Константинополь, мы так же покидали дом, – он чиркнул спичкой, стараясь унять дрожь в руке.

Горькая улыбка тронула губы Ануш:

– Тогда мы уезжали по собственной воле.

У Бержа округлились глаза. Ануш не стала продолжать разговор. Ей не хотелось огорчать мужа. Сделала усилие, чтобы встать. Она всегда старалась в трудных обстоятельствах оставаться сильной.

– Ты хоть знаешь, в какой город нас отправляют?

– Мы едем в Алеппо.

Ануш сдвинула брови.

– Это сколько километров отсюда?

– Около шестисот.

– На чем же мы поедem?

– На машинах и на поезде.

Легкая надежда переменяла ее лицо.

– Мы будем там через два дня...

– Возможно...

Вмешался Завен:

– Ты права, мама. Глашатай предлагал взять продуктов на два дня.

Ануш задумалась на минутку.

– Мы возьмем... У меня есть очищенная курица, я ее сейчас приготавливаю. Есть бисквит слоеный, хлеб...

– Хлеб купим по дороге.

– Никогда не знаешь, как сложится.

Она открыла шкаф.

– У меня тут четыре горшочка с абрикосовым вареньем, колбаса, сыр... все пойдет.

Ануш заметно оживилась, легче дышалось, думалось свободнее.

– Нет ли у нас знакомых в Алеппо?

Берж задумался и радостно выбросил вверх руку.

– Ну конечно! Мы поселимся у моего друга Говеляна! У него большой дом. Мы не виделись два года, но я знаю, что он по-прежнему в

своем Алеппо. Вот все и решилось!

Они переглянулись с неподдельной радостью.

– Боже мой, – вздохнула Ануш, – хотя бы все прошло благополучно.

– Нет никаких причин сомневаться, – сказал Берж.

– Что мы возьмем как багаж?

– Летнюю одежду...

– Хорошо, помоги мне...

Они натолкали в три чемодана минимум необходимого. Ануш устало говорила:

– Никак не могу поверить...

Как только один сдавался, другой старался поднять дух.

– Я дам вам денег. Нельзя, чтобы всю сумму я хранил при себе.

Могу потерять или украдут...

Берж вытащил из кармана новенькие купюры, полученные в банке, и разложил их на кровати на три пачки. Завен воскликнул:

– Это много для меня. Куда я их дену?

– Мама пришьет тебе карман.

Чемоданы были собраны. Продукты уложены в две корзины. Была полночь. Все переглянулись.

– Иди спать, Завен.

– Бесплезно, я не усну.

– Ладно, я приготовлю кофе...

Ануш бросила взгляд на улицу. Все было тихо. В соседних домах горел свет. Луна ярко светила в небе. Ночь как ночь...

Они все пытались казаться оптимистами, но внутренне терзались неясным опасением. Так жестоко оборвать нить привычного существования, бросить дом, отправиться в неведомую дорогу...

В два часа ночи уснул на диване, не раздеваясь, Завен. Ануш дремала, положив голову на плечо мужа. Берж мял и гладил ее шелковистые волосы. Легкий, влажный ветерок приносил через открытое окно весенние запахи. Слышались далекие крики птиц. Берж шепнул:

– Поспи немного, дорогая...

Ануш вздохнула, раскрыла глаза и подняла голову.

– Мне хочется пить...

Голос у нее изменился. Берж поднялся. Принес стакан воды. Она выпила воду мелкими глотками. Берж поставил стакан на стол и лег на кровать. Ануш уткнулась ему в грудь. Берж повернул голову к окну. Тысячи мыслей не давали ему вздремнуть. Давешний оптимизм иссяк в ночи. Он пытался собраться с мыслями, предать им логическую стройность. Но вся его логика разбивалась, как тонкий стакан, брошенный в стену. Какие у турок действительные намерения? Почему это массовое переселение не пощадило женщин и детей? В Трапезунде оставалось очень мало молодых людей. Большинство было взято в армию. Его самого в сорок семь лет должны были забрать, спасло то, что он разрабатывал архитектурный план больницы, финансируемой итальянским послом Горини.

Острая боль разрасталась в его груди, учащенно билось сердце. Он сделал глубокий вдох, один и другой, чтобы унять нервы. Хотелось закурить, но сигареты были на столе, и он не решился встать, боясь разбудить жену. Он подумал о сыновьях, которые не вернулись еще с каникул, и порадовался тому, что в эту минуту они в безопасности. А Тигран? Действительно он укрывался в горах или бедствовал в тюрьме? Несмотря на многие попытки, ему так и не удалось установить, что с ним произошло на самом деле.

Свет луны, покинутой облаками, проник в комнату, ушла тень с лица Завена, лежавшего на диване. Он спал глубоким сном, закинув руку за голову, на пальцах виднелись чернильные пятна, блестели на свету густые черные волосы. «Боже мой, как он вырос», – вздохнул отец. Он вспомнил сына, ползавшим на ковре на четвереньках. Вспомнил его первые слова. Безмерная тоска охватила Бержа. Через несколько часов они должны покинуть свое насиженное гнездо, оставить привычные вещи, с каждой из которых связано столько воспоминаний! Он старался убедить себя, что речь идет о простом путешествии, как он говорил жене, но тяжелое предчувствие сжимало сердце.

Уступив непреодолимому желанию закурить, Берж поднял голову жены со своего плеча и положил ее на подушку. Ануш не проснулась. Он подошел к столу и закурил, жадно затягиваясь. Мебель, ковры, драгоценные предметы? Плевать на все. Можно сжечь дом, уничтожить все. Потом это можно восстановить. Как только они вернутся,

он впряжется в работу, и сегодняшние переживания покажутся не более чем дурным сном. Он закурил новую сигарету, подошел к окну, выходящему на улицу, и застыл в недоумении.

Солдаты с примкнутыми к ружьям штыками стояли с интервалом в десяток метров по всей улице. Между этой живой оградой прохаживались жандармы.

Что обозначало это использование силы? К чему эти штыки? И где военные машины, которые должны послужить транспортом для первой части пути? Берж охватила паника. Он пытался унять нервы и найти какое-нибудь объяснение для жены и сына, когда они проснутся. Он остановился на том, что солдаты, опасаясь возможных волнений, приняли свои меры предосторожности.

Боясь быть замеченным, Берж отступил на шаг. Он насчитал трех солдат и одного жандарма перед своим и тремя соседними домами. У них был мирный вид. Один из солдат, зажав ружье коленями, мастерила самокрутку, старательно смачивая бумажку кончиком языка.

Начинался рассвет. Берж обернулся на шум за спиной и встретился с недоуменным взглядом жены, которая, похоже, не могла сообразить со сна, почему она одетая лежит на нераскрытой постели. Ануш протерла глаза и собиралась заговорить, но Берж предупредительно приложил палец к губам. Заинтригованная, она подошла к окну и увидела солдат. Желая ее успокоить, он прошептал:

– Они только что явились.

Она округлила глаза, но ничего не сказала. Потом промолвила:

– Я приготовлю кофе, – и позвала: – Завен...

Ответом было сонное бурчание. Она прошла на кухню. Окинув взглядом привычные предметы, вдруг отчетливо поняла, что этот утренний кофе она готовит в последний раз...

На улице началось оживление. Подходили солдаты, число их значительно увеличивалось. Вдоль улицы стояли в ряд телеги, запряженные волами.

Ануш приготовила завтрак. Берж, весь натянутый как струна, довольствовался чашкой кофе. Ануш не пошла дальше кусочка сыра. И только Завен не потерял обычного аппетита. Подавленные общей бедой, они не разговаривали. Улица давала о себе знать. Начинали подавать команды. Берж, как обычно по утрам, раскашлялся.

Ануш улыбнулась ему.

– Ты сегодня не сильно разоспался.

Он показал на горло.

– Я много курил, надо бы остановиться...

– А у тебя, Завен, прошел зуб?

– Это не у меня, у брата.

– Правда, я вас все путаю.

Берж застегнул рубашку.

– Я растолстел за последнее время. Это твоя разнообразная кухня...

Все говорили банальности, желая придать разговору привычный тон.

– Как можно предупредить наших детей? – спросила вдруг Ануш.

Берж снял очки и принялся протирать их краем скатерти.

– Такие новости распространяются быстро. Отец узнает. – Он вздохнул. – Завену надо было ехать с братьями.

Мальчик запротестовал:

– Я хочу остаться с вами.

– Во всяком случае, теперь уже поздно...

С улицы доносились голоса. Берж отодвинул занавеску и увидел группу армян соседей, скучковавшихся между двумя телегами, которые были нагружены чемоданами, корзинами, узлами. Одна женщина держала на руках младенца. Малыши цеплялись за полы матерей. Старики чего-то добивались от жандармов.

– А где военные машины? – спросила Ануш.

– Должны быть сразу на выезде из города, – неуверенно бросил Берж.

Они закончили завтрак. Ануш, глядя на посуду, подумала, должна ли она заняться ее мытьем. В это время послышался стук в двери. Берж послушно пошел открывать. Вошли и направились в гостиную офицер и два жандарма. Офицер держался корректно, в отличие от жандармов, глядевших насмешливо.

– Сколько вас?

– Нас трое. Двое моих детей находятся у дедушки.

Один из жандармов поднялся на второй этаж, осмотрел комнаты и вернулся.

Офицер приказал:

– Берите багаж и становитесь со всеми вместе. Ключ от дома

дадите мне.

Как автомат, Ануш подняла один из чемоданов. Муж и сын захватили остальное, и они оказались на улице. Офицер запер дверь и оставил ключ у себя.

Странное чувство охватило Ануш. Дом, в котором она прожила годы, не принадлежал ей более. Ключ, который символизировал домашний очаг, колыбель, интимную жизнь, счастье, – лежал в кармане постороннего человека. Кусок металла, но как бы она хотела хранить его у себя, чтобы касаться время от времени!..

Человек пятьдесят выстроились в линию. Ануш знала их всех. Инженер Папазян со своей семьей; торговец тканями, его жена и маленький сын; жена Ерванда, который был в армии, его родители и две девочки; толстяк Мурадян, который жил у сестры...

У всех этих людей было сонное выражение лица. Они с недоверием ожидали дальнейших событий.

Офицер, окинув всех высокомерным взглядом, громко прокричал: – Женщины должны быть отделены от мужчин и детей старше десяти лет. Будет два обоза, которые пойдут по разным маршрутам.

Отовсюду раздались голоса протеста, разрывающие грудь причитания. Для Ануш новость была ударом ножа. Она смирилась со всем, будучи с мужем и сыном, но разделенная с ними... она почувствовала, как у нее подгибаются ноги и темнеет в глазах. Все семьи пришли в отчаяние. Женщин насильно усаживали в телеги. Мужчин отгоняли ударами прикладов. Неподалеку раздался крик солдата:

– Последнее предупреждение! Если ты не отойдешь, я проткну тебя!

Армянин гигантского роста не отпускал жену и сына. Солдатский штык упирался ему в грудь, женщина закричала в ужасе:

– Оставь нас, Саркис, мы найдем друг друга.

Гигант стоял на месте с глазами, полными ненависти. Он небрежно отвел рукой штык. В одном из домов раздался выстрел. Показался старик, весь в крови, он тут же рухнул на пороге дома. Появившийся за ним солдат резюмировал:

– Он не хотел покидать дом, пусть тут и останется.

События ускорились. Отошли первые подводы с женщинами, девушками и детьми. Когда подошло время прощаться, Ануш попыталась собраться с силами. Она молча поцеловала мужа и сына. Берж показал на их дом.

– Он будет стоять всегда. Мы расстаемся на время.

Ануш сцепила зубы, чтобы не разрыдаться. Она сделала попытку улыбнуться. Голос Бержа врезался в ее память:

– В Алеппо сразу свяжись с моим другом Говаляном. Он тебе поможет во всем. Мы с Завеном тоже постараемся попасть туда.

Она перевела взгляд на сына, хотела поговорить с ним, но не сумев выдать из себя ни одного слова, отвернулась от них. Страх охватил ее при виде наполовину загруженной телеги. Ей никогда не приходилось подниматься в такого рода транспорт. Она положила чемодан и почувствовала, что муж помогает ей. Хотелось сказать ему что-то на прощание, но язык словно отнялся, не поворачивался во рту.

Солдаты увели Завена и Бержа в сторону телег для мужчин. С кем ей предстояло проделать путешествие? Она знала их: Папазян, Мурадян, Жамурян... девушки-подростки в возрасте ее сына.

Последние жители покидали свои дома и вручали офицеру ключи. Солнце поднялось. Сохло чье-то белье на веревке. Многие женщины плакали. Девушка лет пятнадцати, с длинной косой, инстинктивно прижалась к Ануш и заговорила как бы сама с собой:

– Мама умерла два года назад, мы остались вдвоем с папой, он там... Что он будет делать без меня?..

Турки, живущие на этой улице, наблюдали за событиями из-за занавесок. У некоторых на лицах читалось злорадство, но большинство выглядело обеспокоенными. Однако никто не посмел вмешаться: впечатляла жандармская униформа.

Солдаты начинали терять терпение. Отовсюду слышались команды. Отыскивали в домах отказников. Снова раздался выстрел, за ним другой. Жандарм с револьвером в руке пошел в дом и тот час же вышел.

– У этих подлецов было оружие, – он пожал плечами и добавил: – Они застрелились.

Мычали волю. Солдаты толкали в спины опоздавших. Ануш, встав, отыскала глазами мужа и сына. Берж улыбался ей. Завен что-то говорил мальчику его лет. Чемоданы и узлы утряслись, все разместились, какая-то старуха пристроила под мышкой зонт и осталась довольна собой.

– Вперед! Вперед! – скомандовал офицер.

Заскрипели колеса. Мужчин направили в сторону моря. Вдруг Берж

спрыгнул с телеги и, оттолкнув солдат, бросился к Ануш с криком:

– Мы скоро увидимся, не горюй!

Ануш наклонилась, она могла коснуться его, но и на этот раз она решила не отвечать ему. Она знала, что он непременно зарыдает, и прикусила язык. Послала воздушный поцелуй, помахала рукой. На него накинулись два солдата и водворили на место.

Обоз женщин протянулся через город, в котором шла обычная жизнь. Шныряли со своим товаром уличные торговцы. Большинство лавок было открыто, исключая армянские, эти были заперты на железные решетки. Люди ели сладости, курили наргиле. За телегами увязались мальчишки. Кто-то крикнул:

– Счастливой дороги без возврата!

Большинство горожан смотрело на армянский обоз равнодушно. А ведь многие годы они жили вместе... Ануш душила обида от этих невидящих, а порой, враждебных глаз.

Несколько жандармов были верхом, другие шагали неспешно. Конвой был малочисленный, всего пятнадцать человек на обоз из трехсот женщин. Командовал всем лейтенант Кюллюк, красавец с тонкими чертами лица и завитыми усами. В зеленой форме, белых перчатках и феске, чуть сдвинутой назад, чтобы можно было оценить роскошную шевелюру, блестящую от бриалина, он гордо гарцевал на беспокойном жеребце, круп которого сверкал не хуже хозяйского чуба. Картину дополнял висевший на поясе револьвер с перламутровой рукояткой.

Ануш впала в полудремотное состояние. Открыла глаза, услышав тихий плач девушки рядом.

– Как тебя зовут?

Слезы текли по розовым щекам тонкими ручейками.

– Гоар...

Ануш улыбнулась ей.

– Я никогда не встречала тебя на нашей улице. Ты не выходила из дома?

Девушка вытерла слезы по-детски, ладонями.

– Мы жили в Мерсиване. Всего месяц, как мы приехали в Трапезунд. Мой отец столяр.

– Он должен быть в том обозе, что мой муж. Может быть, они познакомились.

Ануш не знала, как утешить девушку. У нее был всего лишь

небольшой узел в ногах.

Старуха, окинув Гоар долгим взглядом, вздохнула:

– Моя девочка, ты слишком красива, слишком...

Она говорила об этом как о большом несчастье. Гоар посмотрела на старуху, но та отвернула лицо. Заплакал ребенок, мать укачала его на руках. Дорога становилась труднее из-за выбоин и рытвин. Обоз вышел в чистое поле. Во все стороны, насколько хватало глаз, виднелись зелены. Местами попадались крестьяне, обрабатывавшие землю. Они без любопытства оглядывали обоз и снова принимались за работу.

– Кто займется армянской землей? – спросила молодая женщина с пышной грудью.

– Нет больше армянских земель, – сказала сухо старуха. – Волки там бегают.

Ануш растрогало растерянное лицо Гоар.

– Не слушай ее, – сказала она тихо. – Старики всегда пессимисты. Мы обречем и наши земли, и наши дома. Ах, если бы не было войны!..

Гоар улыбнулась ей.

– В Мерсиване мы жили в турецком квартале, моя лучшая подруга была турчанка. Когда умерла мама, я целую неделю жила у них.

– Когда приедем в Алеппо, ты будешь жить со мной у друзей моего мужа.

По приказу Кюллюка обоз остановился, раздался громкий голос офицера:

– Всем сойти на землю. Мы будем продолжать наш путь пешком, ибо есть нужда в телегах. Поторапливайтесь!..

Послышались протесты и возмущения, но солдаты не думали шутить. Приклады прошлись по спинам замешкавшихся. Через десять минут триста женщин и детей ступили на землю. Телеги развернулись, и толпа раздалась, чтобы дать им проехать. Зловещая тишина воцарилась над полем. Что обозначает этот маневр? Неужели предстояло пройти пешком до Алеппо? Это немыслимо. Среди женщин были беременные, у многих малые дети, наконец, больные старухи.

Кюллюк велел солдатам согнать всех вместе и, гарцуя, поднимая пыль из-под копыт, бесстрастно заявил:

– Высокая Порта оказывает вам честь. Те из вас, кто пожелает

перейти в исламскую веру, будут немедленно освобождены и могут вернуться к себе. Формальности будут выполнены в Трапезунде. Остальные продолжат путь пешком. Даю пять минут на размышление.

Слова Кюллюка были встречены ледяным молчанием. Самые старые женщины, сидевшие на своих узлах, поднялись, готовые продолжать путь, подавая тем самым пример молодым, молча отговаривая их от объятий с мусульманской религией.

Кюллюк окинул всех своим презрительным взглядом, посмотрел на часы и, поиграв цепочкой, опустил в карман. Он помедлил еще секунду, затем поднял руку и скомандовал:

– Вперед!

Группы людей сами собой переформировались, и процессия растянулась по дороге. Некоторые женщины вынуждены были бросать что-то из вещей. Чувство, словно удалось избежать опасности, оставшись верными своей религии, прибавляло обреченным силы. Некоторые громко молились, прося благословения Святой Девы. Другие молча переживали оскорбление, нанесенное предложением Кюллюка. В конце часового марша Кюллюк приказал сойти с главной дороги на тропинку, которая вела в зеленый лес.

– Здесь мы отдохнем немного.

Воздух, настоящий на травах, кружил голову. Сотни птиц старались в лесном оркестре. Влажный мох ковром устилал поляну. Многие из женщин узнали излюбленное место горожан, здесь проводили пикники и семейные празднества. Расстилали ковры, жарили на кострах мясо. Неподалеку было озеро, оттуда мужчины приносили ледяную воду. Здесь же резвились дети и старались не отставать от них взрослые. К концу дня собирались на кофе, для которого кипятили воду на углях догоравших костров.

Этот прекрасный и знакомый пейзаж подействовал на всех умиротворяюще. Кто-то сбросил обувь и прогуливался по мягкой траве, кто-то готовился перекусить, для этого собирались группками. Кюллюк и солдаты устроились поодаль, чтобы не смущать женщин.

– Где мы будем спать сегодня? – спросила беременная женщина.

– Должно быть, в деревне. Я слышала, что для этого приспособлены школьные помещения.

– А сколько нам придется шагать?

На это никто не был способен ответить. Вдруг поднялась Ануш и бросила:

– Я пойду, спрошу у офицера.

Всех восхитила ее решимость. Ануш, не задерживаясь, направилась к солдатам, которые сидели кружком, отложив оружие.

Кюллюк наблюдал ее приближение с насмешливой улыбкой. Он сидел на сваленном стволе дерева с тонкой сигареткой в уголке язвительного рта. Феска его висела на сучке. Он спросил, не скрывая насмешки:

– Вы передумали? Турция может считать себя на одну верную богаче?

На язык просилась ядовитая фраза, но она сдержала себя и сказала спокойным голосом:

– Господин офицер, все мы верим в Бога. Разве не это главное? Я пришла получить у вас разъяснения, если вам будет угодно ответить мне...

Она знала, что с военными всегда следует держаться светского тона, многие из них с большими претензиями. Кюллюк слегка поклонился:

– Говорите, мадам. Спрашивайте все, что хотите.

– Мы хотели бы узнать, как долго нам еще идти пешком? Среди нас есть пожилые, дети...

– Ваш вопрос очень уместный, мадам. К сожалению, дорога будет очень длинна для некоторых.

Он замолчал и сделал глубокую затяжку. Что означали эти слова? Почему дорога будет длинна только для некоторых?

Он продолжал:

– Я всего лишь исполнитель. У меня есть приказ. Но я могу вас успокоить: нам предстоит идти еще неделю или две, потом мы сядем на поезд...

Он прикрыл глаза, сказать было больше нечего. Ануш вернулась к женщинам и повторила слова Кюллюка.

– Две недели пешком! – воскликнула старуха. Нет-нет, я никогда не выдержу.

Красавица Гоар протянула Ануш биточек, от другого откусила сама. Здесь, в лесу, она казалась еще красивее. Зелень отражалась в ее глазах, а кожа лица, казалось, светилась. Ануш принялась за еду, этим были заняты все вокруг, словно это был импровизированный женский пикник. Налетевшие воробьи быстро освоились и смело прыгали, лакомясь крошками хлеба и мяса. Беременная женщина вольготно рас-

селась, опершись спиной о дерево. Ее маленькая дочь не очень умело махала перед ее лицом куском картона, охлаждая воздух. Молодая женщина, устроившись за кустами, переодевалась. Дети затеяли игру в прятки. Остановка на всех подействовала благоприятно. Если все путешествие пройдет таким образом – жить можно!

Сидя на траве, Ануш и Гоар разговаривали обо всем, о прошедшем и о будущем. Гоар была чрезвычайно чувствительной и привязчивой натурой. Очень скоро у нее не осталось секретов от Ануш, которая всем сердцем потянулась к девушке и даже искренне вздохнула:

– Моя милая Гоар, как я жалею, что мой Завен младше тебя. Иначе ты вышла бы замуж за него. Вы так сходны, такие искренние и наивные...

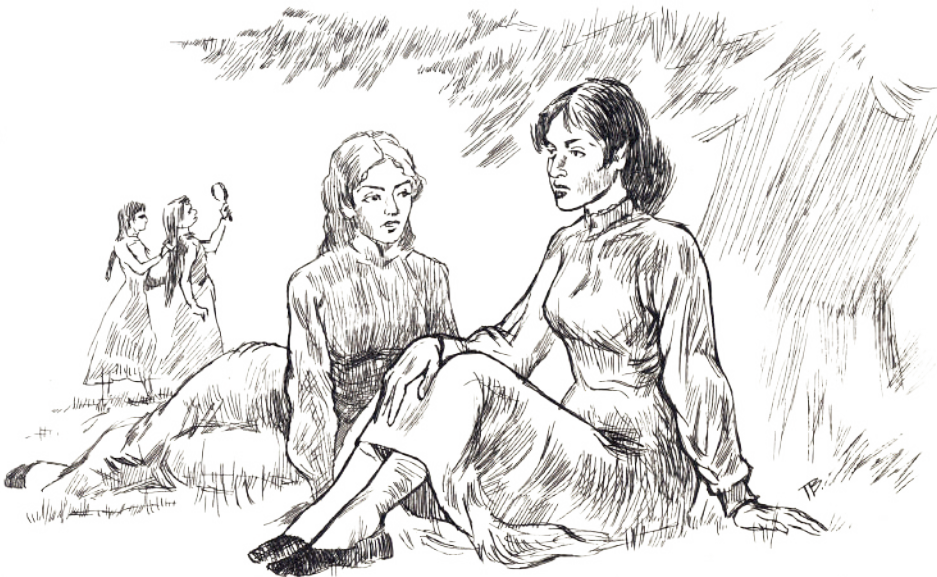
Гоар улыбнулась. Послышалось легкое похрапывание. Это забылась сном беременная. Ее дочь, пользуясь тем, что мать спит, с любопытством ощупывала ее живот. Поодаль девочка расчесывала косу подружке, которая стояла к ней спиной.

Гоар вздохнула:

– Зачем нас отделили от мужчин? Папа переживает там из-за меня.

– Ты должна знать турок, – утешала Ануш, – женщины живут в тени мужчин. Никаких смешений...

Иголки сосны кололи шею, Ануш переменила положение и

обратила внимание, что ни Кюллюка, ни солдат нет на месте. Только лошади стояли на привязи. Какая-то из молодых женщин, заметив то же самое, воскликнула радостно:

– Нас больше не охраняют! А что если повернуть назад?

Старуха резво принялась собирать свой узел. Беременная горячо целовала дочь. Надежда охватила всех. Но тут кто-то бросил с сомнением:

– А лошади?..

Никто не мог ответить на этот вопрос.

Ануш затихла. Ей послышался говор, доносившийся из глубины леса. Обеспокоенная, она сказала Гоар:

– Оставайся около меня, не отходи никуда.

Голоса усиливались, слышно было, как трещат ветки, надвигалось что-то хищное. Ощущение небывалой беды передалось всем женщинам, они почувствовали, что готовится что-то ужасное, избежать которого не удастся никому...

IV

Колонна, в которой находились Берж и Завен, состояла из четырехсот пятидесяти мужчин и пятидесяти подростков. Конвоировали их человек тридцать солдат с примкнутыми к ружьям штыками. Командовал офицер лет сорока, с желтоватым аскетическим лицом. В одной руке он держал поводья, в другой – револьвер. Он, похоже, очень торопился и нервничал, последнее передавалось лошади, она то и дело поднималась на дыбы. Солдаты шли пешком и подталкивали мужчин.

Завен не отходил от отца, шагал с тяжелевшим чемоданом в руке. Тяжело было и на сердце от запечатлевшегося в нем образа матери, стоявшей в телеге в последнюю минуту расставания. Как ни старался сдержаться, глаза его намокли, он опустил голову и стал по носкам ботинок считать шаги. Так они шли молча с четверть часа, потом Завен почувствовал на голове руку отца.

– Слушай, Завен, кажется, ты положил в чемодан домино?

Мальчик сдвинул брови. Он не помнил об этой мелочи. Потом он воскликнул:

– Да-да!..

– На первой же остановке сразимся...

Рядом шли соседи, все были знакомы между собой.

– Смотри, даже Карекин здесь...

Он был достопримечательностью улицы: горбун, который читал всем стихи и с готовностью выполнял мелкие услуги. У него не было при себе ничего, кроме книги, которую он нес под мышкой, временами пытаясь открыть и полистать страницы.

– Мой маленький Завен, у нас сейчас трудный момент в жизни, мы должны преодолеть его. Но скоро, ты увидишь, мы снова будем все вместе.

Никто из них не произносил имени Ануш. Завен с трудом удерживал желание спросить о ней отца. Он понимал в глубине души, что отец знает не больше его самого, но искал успокоения, пусть даже самого малого.

Они прибыли в рыбацкий порт, где царило заметное возбуждение. Солдаты заняли набережную. В море выстроились в линию моторные лодки, на которые перегружали из военной машины бочки с бензином. Из сарая тянуло запахом протухшей рыбы. Турецкие рыбаки возмущались:

– Вы увозите наших лучших клиентов! Кому мы будем продавать рыбу в пятницу утром?

Офицер приказал армянам выстроиться в колонну по четыре. Он жестикулировал, размахивая револьвером в руке.

– Первая половина партии садится на катера и будет отправлена в Самсун. Вторая половина продолжит путь.

– Почему в Самсун? – удивленно спросил кто-то.

– Таков приказ. Давайте не будем терять времени.

Очевидно, всем хотелось побыстрее выйти в море. Отбор зависел от суммы, врученной солдатам.

Берж с сыном оказались стиснутыми, как сардины в банке.

На катере было человек сорок и пятеро солдат.

– Не двигайтесь особенно, – сказал солдат, – можем перевернуться.

На катере попадались незнакомые лица. Незадолго перед отправкой в порт пригнали новую вереницу воловьих упряжек: чистили все армянские кварталы. Старик, притиснутый к Бержу, не переставал повторять:

– Господь, спаси и помилуй...

Мотор подал надсадный голос, и катер отвалил от берега.

Солнце светило высоко в небе. Подул освежающий ветер. Ни ма-

лейшего волнения на морской глади. Солдат, сидевший у выхода, положил ружье на колени и запел старинную турецкую песню. Когда доходил до припева, закрывал глаза и раскачивался всем телом: «Я ждал тебя, а ты не пришла. Скажи мне, почему, почему?»... Все армяне знали эту песню – это была одна из редких мелодий, прижившихся в армянских домах.

Пять катеров шли один за другим, постепенно легкий туман скрыл очертания Трапезунда.

– Прибудем в Самсун, а потом куда? – спросил молодой человек у солдата, который держался вместе с остальными военными в носовой части.

Вопрос, казалось, озадачил солдат, потом тот, что постарше, пробурчал:

– Это будет зависеть от вашей щедрости.

– Мы уже заплатили за проезд...

Вмешались двое других солдат:

– Следующие этапы будут сложнее.

– И гораздо труднее.

Солдаты посоветовались, и тот, что постарше, сказал:

– Давайте все, что у вас есть, и мы, как только прибудем в Самсун, найдем вам подводы.

Предложение это пришлось не по вкусу армянам: каждый дорожил небольшой суммой, оставшейся после первой платы. Вдруг один из солдат вскочил и, нацелив ружье, закричал:

– А ну быстро! Очищайте карманы! Ты... Считаю до трех!..

Дуло ружья уперлось в затылок старика. Дрожащими руками он вытащил платок с четырьмя узлами по углам. Солдат вырвал его и закричал с лихорадочным возбуждением:

– Руки в карманы! Быстро! Выгребайте деньги, которые вы украли у турок.

Кто-то выкрикнул с надрывом:

– Мы ничего не крали! Мы работали, как собаки!..

Он не закончил. Раздался выстрел, говоривший схватился за плечо и присел с искаженным гримасой лицом, кровь из раны окрасила рубашку. Пораженные столь быстрой расправой, все опешили и умолкли.

– Теперь понятно? Выворачивайте карманы!

Солдаты с четырех сторон взяли в прицел свои жертвы. Все то-

ропливо освобождали себя от последних сбережений, словно они им жгли руки, и совали их назначенному солдатами сборщику, который вскоре набрал горсть золотых и бумажных денег. Возбужденные солдаты с руганью начали делить поживу.

– Черт, к нам с визитом, – сказал кто-то.

Все взоры обратились к моторной лодке, которая шла прямо на них. На борту видно было шесть вооруженных жандармов. Зачем они тут? Что им надо? Лодка приблизилась к катеру, который замедлил ход. Возможно, пришел новый приказ?..

На лодке выключили мотор. Отчетливо видны были спокойные лица жандармов. Солдаты подавали им знаки, и один из них крикнул:

– Пора уже. Скоро бензин кончится.

Жандармы разом, с двух метров открыли огонь. Они стреляли в кучу. Солдаты последовали их примеру. У армян не было времени понять, что случилось. Человек десять успели вывалиться за борт. Не торопясь охотились жандармы за своей легкой добычей, не целясь нажимали на курки. Горький пороховой дым витал над побоищем. Летавшие низко чайки подняли громкий пронзительный крик.

– Бесплезно тратить патроны, – сказал один из жандармов, по-видимому, старший.

Раздался еще один залп. Берж, держа сына в объятиях, отвернулся от солдат, подставил им спину. Завен сквозь одежду слышал, как у него колотится сердце. Он услышал вскрик. Ручеек горячей крови залил лицо Завена. Руки отца ослабли, и в следующую минуту он свалился навзничь. Завен вытер лицо рукавом и увидел отца. Он с ужасом смотрел на него: половина лица была снесена, на то, что осталось, невозможно было смотреть. Он хотел закричать, но не было голоса.

– Давайте к берегу, вплавь, – скомандовал жандарм. – Живо! Пока мы не передумали!

Завен почувствовал, как чья-то рука вцепилась в него и тут же отпустила. Это была дружеская рука, спасавшая его от пули. Холодная купель вырвала его из оцепенения. Он инстинктивно поплыл. То же самое делали окружающие, некоторые безуспешно. Он прошептал: «Папа, папа...» – и почувствовал, что тонет. Хлебнув соленой воды, выплыл на поверхность. Кто-то сказал ему в спину на последнем дыхании:

– Плыви, сынок, плыви...

Завен повернул голову и увидел искаженное лицо, силлившееся улыбнуться ему. Тут же человек перестал действовать руками и ушел под воду. Все произошло с такой скоростью, что показалось нереальным, жутким кошмаром. Завен не задумывался над тем, правильно ли он плывет. Берега он не видел. Вокруг была бесконечная гладь воды и несколько трупов со вздувшейся пузырями одеждой.

Он орудовал руками и ногами без всякой мысли. Он услышал новые залпы, но не повернул головы. Это расстреливали очередной катер. Жандармы подло обманули всех, уверяя, что везут в Самсун. Почему в Самсун? А его мать?.. При этой мысли он почувствовал, как напряглись его мускулы. Турки не случайно отделили женщин и детей...

– Завен...

Он увидел слева голову своего школьного приятеля, который плыл, раздевшись.

– Сбрось с себя одежду!

Завен подумал о деньгах, которые ему удалось утаить, но тут же принялся расстегивать ремень, и через пару минут, сбросив с себя все, почувствовал, насколько свободнее и легче сделались его движения.

Приятель плыл, отставая, он поминутно выплевывал воду и воскликнул с гневной тоской:

– Ах, сволочи, сволочи... Но мы им отомстим...

Завен хотел попросить его замолчать, но не мог ничего выговорить, он с трудом дышал, присутствие приятеля воодушевляло его. Надо было добраться до берега!

Крики гибнущих под пулями не стихали. Мысли сумбурно мелькали в голове. Отец мертв. Что теперь делать? Мама! Мама... Она жива и, должно быть, сейчас в пути. Он отыщет ее, чего бы это ему ни стоило!

– Я не могу больше...

Голова приятеля исчезла под водой и снова показалась. Завен хотел повернуть к нему на помощь, но было уже поздно: парнишка, нырнув еще раз, не появился больше...

Море было тихое. Завен лег на спину и увидел чаек высоко в небе. Долго лежал он так бездумно на воде, потом снова поплыл. Он увидел берег и приказал себе не сходить с ума. Силы были на исходе. Берег

должен приближаться к нему метр за метром. На некотором расстоянии плыли мужчины, он только теперь заметил их и насчитал пять человек. Берег выростал в его глазах, он видел скалы, деревья, домик в стороне. Он плыл, едва поднимая руки, казалось, что тело парализовано. Сил больше не было. Он перестал двигаться, и был удивлен, что не тонет: ноги коснулись песчаного дна. Кружилась голова, его вырвало. Он пошел на четвереньках, потом встал и глубоко вздохнул. Мальчик был гол, как червь, и ноги его дрожали. Передохнув, он взял направление на скалу и ступил на берег.

– Какая красивая цель! – сказал турецкий солдат своему напарнику.

Их было человек десять, сидевших в засаде, чтобы добить случайно уцелевшие жертвы. Он приложился и, прицелившись прилежно, плавно нажал на спусковой крючок.

Пуля попала Завену в лоб...

Ануш прижала дрожащую Гоар к своей груди. В лесу воцарилась настороженная тишина. Все женщины стояли, чутко вслушиваясь. Вдруг появились человек десять мужчин, одетых в звериные шкуры, с серыми и черными тюрбанами на голове. Курды... У них не было огнестрельного оружия, только кривые ножи на поясах. Они ничего не говорили, только смотрели на женщин, скалясь как волки, в предвкушении пира. Их предводитель, чей тюрбан был обмотан ярким шерстяным шарфом, вошел в толпу женщин и, оглядев их, жестом позвал своих. Он показал на четырех девушек, самых молодых, почти подростков. Мужчины зверски набросились на них и, подхватив, вынесли из толпы. Раздался нечеловеческий крик женщины:

– Дочь моя!.. Не смейте!.. Оставьте...

Предводитель выхватил нож и с силой воткнул его в горло матери. Она свалилась без звука. Сигнал был дан. Засверкали ножи, полилась кровь. Первыми жертвами были старухи и дети. Окровавленные тела их валялись на траве. Резали горло. Смерть мгновенная. Девочка попробовала убежать. Главный улыбнулся, метнул нож и угодил ребенку в ногу. Она, закричав, остановилась. Курд спокойно шел за своим ножом. Девочка бросилась на него с кулачками. Он стиснул ее горло своими ручищами и, оторвав от земли, задушил на весу. Чтобы увериться в ее кончине, схватил за ноги и разбил череп о ствол дерева. После этого, удовлетворенный, отбросил тельце прочь, как

ненужную куклу.

Со всех сторон неслись душераздирающие крики. Женщины плакали, молили, падали на колени, прося пощады.

Ануш не двигалась. Она прижимала к груди голову Гоар, чтобы избавиться от страшной сцены резни.

Женщина, прижав к груди ребенка, пыталась скрыться в лесу. У заметившего это курда появилось желание позабавиться, и он крикнул другому, помоложе:

– А ну-ка, покажи мне, что ты бегаешь быстрее ее.

Тот неспешно пошел по следу и пять минут спустя вернулся с отрезанной головой ребенка в руке. Он метнул ее в дерево, где она и осталась висеть на суку.

Ануш бесчувственно, словно парализованная, смотрела перед собой. Пальцы глубоко вонзились в косу Гоар. Они сидели чуть поодаль от других. Курды вершили свой произвол без ненависти. Как формальность. Трава пропиталась кровью. Стонали умиравшие. Девочка с распоротым животом моргала глазами. Она была прислонена к стволу. Курд из любопытства подошел к ней, провел ножом перед глазами, чтобы убедиться, жива ли она. Глаза девочки двигались. Курд потянул за волосы. Открылась зияющая рана. Он толкнул ее на землю и ударом сапога преломил позвоночник.

Предводитель поднял руку.

– Посчитайте перебитых, – сказал он равнодушно.

Ануш сидела, не дыша, боясь навлечь на себя внимание. Ей хотелось кричать, но страх сковал ее всю, сделав живым истуканом.

– Двадцать пять мертвых. Раненых, которые не выживут, добивать?

Главный отрицательно покачал головой. Возможно, число жертв его устраивало. Неожиданно лицо его оживилось. Он указал на девушек, которых держали в стороне.

– Начинайте, – скомандовал он.

С звериной радостью несколько двуногих кинулись к своим жертвам и поволокли их в заросли. Вскоре крики отчаяния разнеслись по лесу. Оставшиеся курды покатывались от смеха. Четверть часа спустя, когда вернулись насильники, все принялись грабить трупы. В живых оставалось пятнадцать женщин. Курды исчезли так же неожиданно, как появились. Обессиленные, в полной прострации, женщины плакали, боясь пошевелиться... Ануш встала и, оглядевшись,

почувствовала, что теряет сознание. Страшное видение открылось ее глазам. Изуродованные тела, наполовину отрезанные головы, распоротые животы... Потемневшая трава перестала быть зеленой...

Ануш, собрав все свои силы, крикнула:

– Кто пойдет со мной посмотреть, что с девушками?

Никто не пошевелился. Она пошла одна. Сделав несколько шагов в сторону зарослей, она вынуждена была остановиться и перевести дыхание – так сильно колотилось сердце.

Девушки, полураздетые, валялись, как манекены. Ручеек крови все еще продолжал наполняться. Надругались, искалечили, обезглавили...

Ануш с трудом вернулась на то место, где ее дожидалась Гоар, и молча упала на траву. Тело ее сотрясали нервные спазмы. Потом наступило полузабытье, из которого ее вывели мужские голоса. Она мигом вскочила и схватила Гоар за плечо:

– Пойдем... Убежим!

Девушка открыла глаза и прошептала:

– Я не могу... Я хочу умереть...

Послышалось ржание лошади, треск сучьев, и из зарослей показался всадник. Это был Кюллюк, феска его была сдвинута назад.

– Вот вы где спрятались!

Послышались голоса солдат. Ануш измерила его ненавистным взглядом.

– Чего вы хотите?

Он сказал насмешливо, с кривой улыбкой:

– Я ничего не хочу. Надо идти дальше... Опаздываем...

Гнев и отвращение охватили Ануш. Она бросила в лицо офицеру:

– Куда идти? Зачем? Вы видели, что здесь произошло? Я думала, что турки наши защитники...

Голос оборвался, и она заплакала горячими слезами.

Женщины, поддерживая друг друга, образовали группу, конвой окружил их, и процессия двинулась в сторону дороги. Гоар поддерживала Ануш за талию. Ануш старалась отогнать от себя кошмарные картины и думать только о муже и детях.

На дороге им встретился крестьянин, везший в город овощи, он напевал песню. Маленькие хутора виднелись неподалеку от дороги. У домов играли дети. Жизнь продолжалась.

На развилке дорог их остановили. Подошла новая партия,

насчитывавшая около сотни женщин и детей. Конвоировавшие солдаты сдали их Кюллюку и развернулись назад. В новой партии не знали о резне. Как только траурная весть пробежала по рядам, женщины отказались идти. Кюллюк хладнокровно поднял свой револьвер.

– Считаю до трех. Или вы продолжаете марш, или я даю приказ моим солдатам стрелять в толпу.

Марш в никуда продолжался...

V

Талаат, министр внутренних дел, закурил английскую сигарету и отвалился к спинке кресла. Он занимал огромный кабинет. Богатая библиотека красовалась на одной из стен с зеленой обивкой. Вышитые гардины падали с высоких карнизов трех окон, выходивших на небольшой сад. Пол был покрыт персидским ковром.

– Какие последние известия? – спросил он спокойным голосом.

Перед ним стояли военный губернатор Константинополя Джевад и начальник охраны Азиз Бей.

– Мы начали отправку. Все идет, как было предусмотрено. В настоящий момент на дорогах, ведущих к Алеппо, семьсот тысяч армян. Мы оставили мелких ремесленников, большинство из них работает на турок. Мы их переместим позже, в свою очередь они тоже попадут на дорогу в Алеппо.

Азиз Бей умолк. Это был шестидесятилетний мужчина с тонкими чертами лица. Пальцы его непрерывно перебирали амбровые четки.

Слово взял Джевад:

– Мы уничтожим революцию в зародыше. Все армяне ведут подпольную борьбу против империи, чтобы совершить внутреннюю революцию, в то время как наши силы заняты на фронте.

Лицо покрыто густой бородой, круглые, серые, чуть навывкате глаза. Он вытащил из кармана табакерку, взял щепотку табака и, набив им ноздри, глубоко вдохнул.

Талаат, покинув свое кресло, направился к окну, раздвинул гардины. Он заговорил твердым, размеренным голосом:

– Ни один армянин не должен выжить. Я ищу окончательное решение. Нужно избавиться от них вчистую. Я знаю, что раненые находят убежище в миссиях и посольствах, все это создает много шума и оставляет следы. Конвои должны избегать больших дорог и приводить

в Месопотамию четвертую часть от первоначального состава...

Он умолк, раздумывая. Азиз Бей спросил:

– Что мы будем делать с оставшимися в живых?

Талаат обернулся, удивленный.

– Да ничего... об этом позаботится песок. Я прошу только обеспечить истребление на марше. Длина пути и условия перехода сделают естественный отбор, останутся единицы, особенно если не кормить. Если точно выполнять мой план, никогда больше не будет армянского вопроса. За несколько месяцев я сделаю больше, чем султан Абдул Хамид за все свое царствование.

Пепел его сигареты рассыпался по ковру. Он вернулся в свое кресло.

– Нужно избавиться от них с наименьшими издержками. Надо, чтобы благоденствие политическое слилось с экономическим благом империи. Движимое и недвижимое имущество, банковские счета, акции переходят государству. Деньги и взятый с собой багаж выселяемых пойдут на вознаграждение жандармам и курдам. Нужно блокировать утечку информации, запретить всякое фотографирование, уничтожить любой специфический документ турецкого правительства. Я вам советую использовать случаи дезертирства, малейшего неподчинения, малейшего волнения, чтобы оправдать репрессивные меры.

У Азиза Бея было озадаченное лицо:

– Что мы будем делать с детьми? Их большое число...

Талаат насупился:

– Ни в коем случае нельзя тратить на содержание детей, которые скоро превратятся в опасных существ. Их нужно отправлять с общим караваном. Дети растут быстро, и они будут думать только о том, как отомстить за родителей.

Окурок начал жечь ему пальцы, он положил его в пепельницу и нажал кнопку. Тотчас же отворилась дверь, и появился служитель с тремя чашками кофе на подносе. Расставив их на столе, он исчез.

– Мне не нравится атмосфера, которая царит в среде армянской интеллигенции Константинополя. Прямо с завтрашнего дня надо их арестовать побольше, отправить в Ангору и там судить. Из-за бесчисленного количества посольств в городе не будем проводить резню, ограничимся реквизицией всего их состояния. Я составил список.

Джевад встал и взял свою чашку. Он казался растерянным.

– В Константинополе турки насчитывают много друзей среди

армян. Так уж необходимо братья за всех?

Азиз Бей добавил:

– Среди них много богатых. И потом, откровенно говоря, мусульманин и христианин не созданы, чтобы ладить друг с другом. Могут существовать определенные коммерческие отношения, какие-то симпатии...

Талаат подул на свой кофе, остужая.

– Машина уже запущена. Из провинции поступают ободряющие вести. Все проходит гладко и безгласно. Турция станет, наконец, процветать, избавившись от лишних ртов, – он тянул мелкими глотками кофе и продолжал: – Я дал приказ. Теперь всякое преступление, совершенное против армян – кража, физическое насилие, убийств, – перестанет считаться наказуемым, а барыш будет неприкосновенным. И потом, не будем забывать, что идет война. У больших государств слишком много своих проблем, чтобы заниматься судьбой армян. Отличный момент, чтобы от них избавиться.

Зазвонил телефон. Талаат поднял трубку. На лбу обозначились морщины и тут же исчезли. В глазах загорелись чертики.

– Я приму его через десять минут, – он положил трубку с мечтательным выражением на лице. – Это мой друг Зораб, он хочет меня видеть.

– Он очень деятелен, – сказал Джевад. – Только его и видишь в министерстве.

– Он самый умный из армянских депутатов. – добавил Азиз Бей.

– И очень опасный, – вставил Джевад.

Талаат поднял руки и опустил на стол.

– Соберемся позже.

Азиз Бей и Джевад покинули кабинет. Талаат открыл окно, чтобы проветрить помещение. Он подошел к библиотеке и, взяв из ящика нарды, положил на низкий столик. Расставил стулья по обе стороны и крикнул через дверь:

– Пригласите господина Зораба!

Вошел депутат, ухоженная борода, розовые щеки...

– Как поживаете, Зораб?

Он не сразу ответил, сделал два шага и остановился. Мельком заглянул в глубину глаз министра и ответил тихим голосом:

– Я-то поживаю хорошо...

Фраза повисла в воздухе, Зораб рассчитывал, что министр, не

ожидая прямых вопросов, даст объяснения, но тот лишь сладко, по-восточному, улыбнулся:

– Вы видите, я приготовил нарды. Выбирайте: черные или белые?

У Зораба не было никакого желания играть, но он сказал:

– Беру белые.

– Как всегда, – сказал Талаат, полный азарта. – Садитесь, садитесь...

Зораб повиновался.

– Будем играть и разговаривать, – сказал Талаат. – он бросил кость – выпало шесть. – Мне начинать, хотя...

Рука у Зораба слегка дрожала. Ему выпало два. Талаат взял обе кости в горсть, потряс ими. Он казался раскованным, все время улыбался.

– Мне докладывали, что ваши соотечественники разошлись всюду возле границы.

У Зораба оживились глаза, он ощутил прилив гнева, но сказал сдержанно:

– Рапорты, которые приходят в этот кабинет, всегда преувеличены. На самом деле были отдельные волнения, вызванные паникой, которые ограничились обороной в рамках законности...

Талаат привычно бросил кости и широко улыбнулся:

– Возможно... Но как лицо ответственное, я должен был принять некоторые меры...

Зораб вздохнул. Наконец заговорили по делу! В свою очередь он бросил кости и, помедлив, передвинул шашки.

– Я слышал разговоры об этих мерах, господин министр... Они тяжелые, очень тяжелые... Я думаю, вы знаете всю правду...

Талаат, покашляв, раздавил пальцами сигарету, не прикурив.

– Кое-что, возможно, вызывает сожаление... Я отдал приказ, чтобы все проходило спокойно, – не хочу давать вашим соотечественникам возможность пользоваться случаем. Я решил провести временное выселение. Как только кончится война, все вернется в норму, поверьте мне.

Слова сходили с его губ с трогательной искренностью. Возражения Зораба звучали укоризненно, не более:

– Не забывайте, господин министр, что мы, не задумываясь, поддерживали движение Младотурок. Мы боролись на вашей стороне и продолжим это делать. Все способные к строю армяне находятся на

фронте...

Талаат постукивал пальцем по столу.

– Вы только что допустили ошибку по рассеянности... Я воспользуюсь этим, чтобы выиграть партию.

Казалось, он целиком был занят игрой, сдвигал брови, внимательно рассматривал расположение шашек противника, шумно радовался малейшей удаче.

– Что вы говорите, мой друг? Мы разоружили армянских солдат. Да, я вам говорил, это – ошибка. Эту идею подал военный министр. Я не один принимаю решения. Но солдат остается солдатом.

Зораб проворчал:

– Не много же стоит солдат без ружья. Все равно, как если бы я должен был продолжать игру, не пользуясь игральными костями.

– Эту партию вы проигрываете, мой друг.

Мысли Зораба были далеки от игры. Его взволновала безмятежность Талаата. Выселяли тысячи армян, вырезали их как скот, а у министра не болит голова. Между тем все приказы выходят из этого кабинета... Он вытер платком лоб. На пределе сил слушал стук шашек по дереву, отделанному богатой инкрустацией, громкие возгласы противника...

– В районе Трапезунда армян истребляли целыми семьями. Снова появились курды, как во времена султана. Я прошу вас, господин министр, объясните, успокойте меня.

Талаат скрестил на груди руки и уставился рассеянным взглядом в стену.

Он вздохнул:

– Ах вы, армяне, вы хотите все одновременно. Вы бьете тревогу, обращаясь к могущественным державам... Вы замышляете заговоры... Без конца жалуетесь... Вы не реалисты. Вы забываете, что мы воюем.

Он говорил спокойно, с оттенком иронии. Зораб же воскликнул, сдерживаясь из последних сил:

– В данный момент мы просим вас, господин министр, прекратить выселения. Возможно, есть среди армян несколько виновных, но ведь несправедливо рассчитывать жизнями ни в чем не повинных людей. Женщины, старики и дети умирают на дорогах.

Талаат улыбнулся:

– Откуда у вас такие сведения?

Зораб пожал плечами.

– У плохих новостей длинные ноги. Я не вхожу в детали, которые от вас, может быть, скрывают.

Талаат встал, разминая поясницу.

– Какие детали, мой друг? Вы можете говорить открыто. Мои рапорты сообщают о некоторых оскорблениях, грубостях...

Зораб вскочил из-за стола, лицо его пылало.

– Ваши люди топят детей, насилюют девушек, бесцельно рубят головы мужчинам...

Он умолк. Талаат стоял с насупленным лицом:

– Вы уверены в обвинениях, которые выдвигаете?

Он казался настолько пораженным словами Зораба, что тот не мог удержаться, чтобы не добавить:

– Господин министр, ваши люди явно скрывают от вас правду! У меня есть сведения от свидетелей, чудом избежавших резни, которые прибыли в Константинополь вчера утром.

Талаат прошептал:

– Странно...

Годами отношения, которые поддерживались между Зорабом и Талаатом, были дружескими и чистосердечными. Об этом знали все в Константинополе.

Зазвонил телефон. Талаат не шелохнулся. Откровения Зораба, казалось, погрузили его в глубокие раздумья. Такое впечатление создавалось у Зораба. Следовало ковать железо, пока оно было горячо.

– Я вас умоляю, надо действовать немедленно. Наибольшая паника царит в провинции. Там выставляют на продажу имущество, лишают еды, уничтожают с корнем!

При этом слове Талаат поднял голову, и на лице его застыла гримаса удивления.

– Уничтожают с корнем? – спросил он, как бы не веря до конца.

Зораб был в растерянности. Он не мог поставить под сомнение чистосердечность своего собеседника. Но, с другой стороны, кто-то, а уж Талаат не мог не быть осведомленным до мелочей. Но ведь именно этот человек во многих случаях проявлял интерес к армянам. Это он раздавал армянам оружие во время революции. Благодаря ему в парламенте сидело значительное число армянских депутатов. Он положил начало либерализму во времена деспотического правления Абдул Хамида.

– Что вы хотите, чтобы я сделал, мой друг? – взгляд чиновника

выражал сожаление.

Тысячи предложений завертелись в голове депутата. Надо было обдумать, отобрать самое важное. Кончил тем, что сказал твердо:

– Абсолютно необходимо прекратить выселение, которое не делает чести Османской империи.

Глаза Талаата замигали, словно только что видели взрыв. На щеках заиграли желваки. Зораб внимательно наблюдал за ним. Он пытался разгадать ход его мыслей. Секунды мучительно текли, все труднее становилось дышать, шумело в голове. Чувствовалось сильное биение сердца. Человек, который стоял перед ним, мог изменить судьбу армян. Он обладал неограниченной властью. В какое-то мгновение Зораб почувствовал себя пигмеем. Потом он подумал о множестве сыгранных с ним партий в нарды, об интимных и официальных обедах, о доверительных разговорах, словом, о дружбе, которую вел с ним в течение многих лет один из сильных людей Турции...

Мышцы на лице Талаата расслабились, черты стали спокойными. Он прошел за стол, сел и взял телефон, не отводя глаз от Зораба.

– Джевад еще в министерстве? Скажи ему, чтобы был у меня через пять минут.

Он положил трубку и вытянул под столом ноги:

– Успокойтесь, мой друг. Я сделаю все необходимое.

Непомерная радость переполнила сердце депутата. Он проговорил взволнованно:

– Спасибо... Спасибо... Армянский народ будет вам благодарен...

Талаат разом вскочил на ноги. Он положил руку на плечо Зорабу и проводил до двери.

– До скорого свидания...

Зораб схватил его руку и крепко пожал. Он не мог говорить, заглянул с чувством в глаза собеседнику, резко повернулся и ушел твердой, молодой походкой.

Талаат закрыл дверь, постоял у раскрытого окна, потом, глубоко вздохнув, пошел на свое место. Он выдвинул ящик стола, взял лист бумаги и положил перед собой. Долго макал перо, попробовал на промокашке и без колебаний, твердым почерком вывел фамилию Зораба на листе, первой среди лиц, подлежащих аресту завтра утром, на заре.

VI

Азад проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза и увидел склонившуюся над ним жену. Она говорила:

– Стучат в дверь...

Она казалась взволнованной и перепуганной, но полусонный Азад невольно залюбовался ее полными губами. И тогда она топнула ногой и закричала:

– Вставай! К нам ломятся в дверь!

Азад, слегка ошеломленный, очутился на ногах. Он пошел, как сомнамбула, в коридор, спустился по лестнице и здесь, на первом этаже, встретился нос к носу с двумя жандармами. Вынужденная открыть дверь служанка, с шалью, наброшенной на ночную рубашку, стояла в стороне. Азад наконец пришел в себя. Старший из жандармов сказал ровным голосом:

– Вы Азад Дурян, редактор газеты «Арарат»?

– Да, это я.

– Соблаговолите следовать за нами.

– Могу я узнать, какие мотивы?

– У нас имеется приказ.

Азад тотчас же подумал о своем брате Тигране, исчезнувшем в горах уже несколько месяцев назад. Может быть, его нашли и арестовали?

– Хорошо. Дайте мне время одеться.

Не дожидаясь ответа, он поднялся на второй этаж. Раздался голос отца:

– Что происходит?

Бедрос Дурян, в рубашке и ночном колпаке, выглядел, против обычного, растерянным.

Азад обнял его за плечо:

– Ничего особенного, отец...

Гаянэ вошла за ним в комнату. Она молча смотрела на Азада. Он попытался улыбнуться ей и начал одеваться.

– Должно быть, что-то связанное с Тиграном.

В дверях показалась голова сына.

– Иди ложись спать, – сказала мать.

Но он оставался, с полусонным лицом, обеспокоенный. Азад поцеловал его. Гаянэ набросила на себя халат.

– Запомни: брат был выслан, и никто его больше не видел. Все. Я хочу знать, куда тебя поведут.

Азад раздвинул гардины: у подъезда стоял экипаж. Жандарм разговаривал с кучером. Ничего подобного не было у дверей других армянских домов. Он вернулся к жене и улыбнулся ей. Хотелось уменьшить значение инцидента.

– Если я не вернусь до обеда, дай знать Зорабу. Я думаю, что меня могут допросить по поводу репортажа, который я опубликовал позавчера... Время такое шекотливое...

Довод не убедил Гаянэ. Лоб ее покрылся мелкими морщинками.

– Я не понимаю... Они должны были вызвать тебя, а не тащить ночью из постели, как вора какого-нибудь.

– Ты знаешь, дорогая, не обходится без издержек, когда комиссар берется за дело с рвением.

Жандармы ожидали его внизу. Возможно, они не знали причины столь раннего ареста. Промелькнула мысль о побеге. Он мог на простынях спуститься в сад. Но куда идти дальше? А семья? Пустить ее на погибель? Нет, он явно утяжелял свой случай. Ему не в чем упрекнуть себя, вдобавок, в Константинополе у него солидные друзья. Так просто не разбрасываются редакторами газет.

Азад погладил по голове сына. Как он вырос! Он все больше начинает походить на мать.

– Я пошел...

Гаянэ провожала мужа. В зале его ожидали мать, отец, служанка и оба жандарма, они пили кофе. Это обстоятельство немного успокоили его. Отец сказал:

– Эти господа думают, что министр внутренних дел хочет провести пресс-конференцию очень большой важности. Он велел собрать всю армянскую интеллигенцию, – видя потерянное лицо сына, он добавил: – Конечно, он мог бы выбрать время попозже...

Чтобы не продолжать гнетущее состояние неведения, Азад отрезал:

– Я готов. Идемте.

Жандармы поставили чашки на стол. Азад вышел первым. Жандарм, который оставался на улице, занял свое место возле кучера.

– Ну, вы не очень-то расстраивайтесь, – сказал Азад, обернувшись.

Гаяанэ, едва сдерживая слезы, прижимала к себе сына. Родители стояли молча, потерянные, в ночных рубашках. Азад поднялся в экипаж, рядом сели жандармы, и кучер погнал лошадей.

Всю дорогу никто не проронил ни слова. Город еще спал. На крыше небольшого дома какой-то неистовый голубятник размахивал холстиной. Голуби кружились над его головой. Он гнал их все выше, размахивал руками, свистел и добился своего: белые комочки вели свою игру высоко в небе.

Экипаж проезжал мимо фонтана. Старик в длинных кальсонах намывливал руки. Он едва поднял глаза. Из переулка вышли трое босоногих мальчишек, они несли на головах стопки лаваша, и в воздухе проплыла струя запаха теплого хлеба. Ночной сторож, стуча своей толстой палкой, медленно брел по улице.

Они пересекли площадь Пера, где возвышался отель Токатлияна, красовавшийся своими огромными стеклами. Тишину нарушил гудок парохода, оставлявшего Босфор. Экипаж остановился перед большим серым зданием. Азад прикрыл разом отяжелевшие веки: это была главная тюрьма Константинополя.

Жандармы сделались торопливее. Двое встали по бокам Азада, и вскоре они оказались перед начальственным лицом, который бросил коротко:

– Кто?

– Азад Дурян.

Он сверился с листом, который держал в руках, смочил языком кончик карандаша и сделал пометку.

– Отведите в блок А.

Азад услышал за спиной голоса и обернулся: три знакомых ему армянских писателя что-то доказывали жандармам.

Конвоир открыл дверь, и Азад оказался в тюремном дворе. Странное чувство охватило его. Он уже имел дело с тюрьмой: арестовали за статью, но ведь это было при султанине Абдул Хамиде.

Десятки людей были собраны в одном из углов. Они не были похожи на обычных арестантов. Азад испытал шок, разглядев их: два врача, банкир, архитектор, два журналиста, высокопоставленный чиновник... он знал почти всех. Что должен был означать этот арест?

Медленно, как сквозь туман, шел он к ним. Архитектор с небритыми щеками протянул в его сторону обе руки.

– Добро пожаловать к нам, Азад Дурян.

Азад откашлялся, но комок в горле не проходил.

– Что происходит?

Архитектор казался самым беспечным. Ироническая улыбка не сходила с его губ.

– Много чего происходит, Азад Дурян. Всех нас разбудили на заре ангелы Талаата. Вот мы в прихожей рая, который выглядит не совсем так, как мы себе представляли. «Святые», которые обитали в этих местах, как то – любезные воры, веселые убийцы, невинные бандиты – все они выдворены досрочно вчера вечером ради того, чтобы дать нам вольготно расположиться на их вонючих соломенных матрацах...

Азад раздраженно прервал его:

– Вам сообщили какую-нибудь причину?

Архитектор пожал плечами. Вмешался банкир:

– Лично мне сказали, что министр хочет со мной говорить. Я, конечно, ни на секунду не поверил. Когда министр желает говорить с подчиненными, он не посылает за ними жандармов.

Он был одет в черную пару. Золотая цепь от часов выписывала на жилете восьмерку. Тщательно выглаженные брюки ниспадали на начищенные ботинки. Азад не один раз встречался с ним на армянских празднествах.

– Да, странно, – пробормотал Азад.

Жандармы приводили новых лиц. За каких-нибудь полчаса число арестованных достигло двухсот пятидесяти человек. Никто не знал причины ареста, и все спрашивали друг друга об этом. Последним пришел депутат Зораб. Он остановился и по привычке почесал бороду, увидев, что большая часть интеллигенции города Константинополя собрана во дворе.

Он был тотчас же окружен. Посыпались вопросы. Он закрыл глаза и поднял руку, словно просил пощады. Наконец заговорил:

– Это – недоразумение!

Стало тихо. Он открыл глаза и несколько мгновений всматривался в лица своих соотечественников. Внешне казалось, что он спокоен. Круглые фразы легко слетали с его губ:

– Я покинул кабинет Талаата вчера вечером... Мы играли в нарды, как это обычно делаем два-три раза в неделю... Я пришел выяснить насчет выселения. Он меня долго слушал и был чувствительно тронут, узнав о вопиющих случаях превышения власти. Он обещал мне,

что наведет порядок... Проводил меня до дверей... – Зораб умолк, переводя дыхание, на шее вздулась вена, по лицу пошли пятна. – Вот так, друзья мои... Это все, что я могу вам сказать... Я не скрою от вас, что сам потрясен... но мы не должны давать повод. Приказ должен был исходить от начальника охранки Азиз Бея, которого я очень хорошо знаю. Я часто встречал его у Талаата. Я призываю вас к спокойствию. Это страшное недоразумение.

Его губы дрожали. Банкир посмотрел на часы, было семь утра. Между минаретом и стеной проскользнул луч солнца. Послышались голоса уличных торговцев.

– Я все спрашиваю себя, сколько они собираются держать нас здесь? – проговорил журналист, стягивая с себя пиджак. Он закатил рукава рубашки и принялся шарить по карманам в поисках сигарет.

Врач, получивший диплом в Париже, вскрикнул озабоченно:

– В десять часов меня ждут в доме военного атташе Германии... Я лечу его сына. Они, конечно, будут тревожиться...

– У меня тоже очень важная встреча, – сказал известный адвокат.

Зораб поднял руку:

– Без паники, друзья мои. У всех у нас неотложные дела, и мы не простые люди – почему не сказать это? От нас нелегко отделаться...

Кто-то бросил:

– И мы знаем всю турецкую администрацию, мы работали с ней. Добавлю, что у нас много друзей... Одна деталь меня беспокоит: присутствие среди нас депутата Зораба...

Слова эти снова повергли всех в растерянность. Зораб нервно потирал руки. Он сделал несколько шагов.

– Надо, чтобы я немедленно известил Талаата, – проговорил он глухим голосом. – Наверняка тот не знает о моем аресте... Это невозможно... Я провел целый час у него в кабинете вчера после обеда, – он глубоко вздохнул и спросил: – Есть у кого-нибудь бумага и карандаш?

Архитектор подал три аккуратно заточенных карандаша. Писатель быстро перелистал свою записную книжку и на чистом листе протянул ее Зорабу.

Депутат удалился в сторонку и задумался, искал подходящую формулировку. Зораба не покидало убеждение, что Талаату неведомы аресты – ни его, ни других интеллигентов. Он принялся писать и сломал кончик карандаша. Архитектор, наблюдавший за ним, подал два

других. Рука депутата слегка дрожала. Он писал как можно разборчивее: «Господин министр, пишу вам из Константинопольской тюрьмы. Я был арестован на заре без всяких мотивов. Здесь со мной находятся более двухсот интеллигентных и именитых соотечественников. Я настоятельно прошу вас сообразоваться вмешаться, ибо я предполагаю, что вы не в курсе этого недоразумения. Ваш друг Зораб».

Он зачитал эти несколько фраз в полной тишине.

– Надо добавить, что мы оскорблены, – сказал адвокат, – ведь мы не совершили никакого преступления.

Два-три человека предложили свои фразы, но Зораб покачал головой и вернул хозяину записную книжку.

– Здесь все ясно и понятно. – Он сложил листок вчетверо. – Нет ли у кого-нибудь случайно конверта?

Чистого конверта ни у кого не оказалось, и Зораб написал крупно на записке: «Вниманию Министра внутренних дел».

– Может быть, надо поставить имя внизу?..

Депутат поразмыслил и прибавил свою роспись.

Поезд шел медленно. Влажный воздух продувал вагон, в котором разместились человек тридцать. Азад был в компании Зораба, архитектора и банкира. Двести пятьдесят арестантов Константинопольской тюрьмы после двух томительных дней были погружены в вагоны и теперь направлялись в город Алеппо. Им не дали никаких объяснений. Смутно муссировались слухи, что все это делается ради предосторожностей, связанных с наступлением русской армии и что это сугубо временная мера.

– На следующей неделе мы будем дома, – говорил Зораб, оптимизм которого радовал сердца собратьев по несчастью.

Он не получил ничего от Талаата, неизвестно было, попала ли тому в руки записка, Зораб утешался тем, что из Алеппо напишет жене с просьбой лично обратиться к министру.

Поезд все продолжал свой грохочущий бег в ночи. Видны были обработанные поля, мирные огни мелких селений. Вагоны сопровождали по два вооруженных жандарма.

Сидя напротив Зораба, который не отрывал глаз от окна, Азад грубо задумался. С самого начала, несмотря на попытки властей что-то объяснить, эта авантюра казалась начиненной злыми намерениями.

Его подняли на заре и везут ночью. Так поступают с опасными преступниками. Следовательно...

Совершенно непонятен был оптимизм Зораба. Прятался ли он за ним, чтобы успокоить других?

– Зораб... – позвал он тихо.

Депутат придвинул к нему голову.

– Я покидаю вашу компанию при первой возможности. Выслушайте меня... – Депутат опасливо глянул по сторонам. Азад продолжал. – Я советую вам последовать моему примеру. Мы можем совладать с жандармами и скрыться в горах. Эта поездка не внушает мне никакого доверия. Зачем нас надо куда-то везти? Нас могли держать в тюрьме в Константинополе.

Зораб задумался.

– Чего вы опасаетесь?

– Всего. самого страшного. Они могут нас уничтожить.

Депутат развел руками.

– Да нет, Азад, вы преувеличиваете. Никогда в жизни! Как можно так просто избавиться от интеллигенции страны?

Азад терял терпение.

– Но они уже делают это! Хитро, на свой лад. Можете мне сказать, чем мы будем заниматься в Алеппо? Мы никогда не вернемся в Константинополь, подумайте сами. Нас отправят еще дальше, я не знаю куда... У них отлично составленный план, рассчитанный на нашу наивность.

Зораб откинулся на спинку скамьи и, задумавшись, принялся пощипывать бородку.

– По-вашему, турки собираются нас уничтожить?

– Я уверен в этом.

Зораб показал на двух жандармов, храпевших на задних скамьях.

– Это было бы чудовищно! К счастью, я не разделяю вашего мнения. Если бы у них было такое убийственное намерение, они бы усилили охрану. Посмотрите на них, они спят. Скорость поезда позволяет всякому выпрыгнуть и скрыться на природе. Нет-нет, Азад, вы глубоко заблуждаетесь. Я все продумал. Речь идет исключительно о мерах предосторожности. На какое время мы расстались с нашими близкими, этого я не скажу, но рано или поздно...

– Ну, знаете! – взорвался Азад. – Можно подумать, что вы с неба свалились! Вспомните, еще несколько недель назад вы рассказывали

о письме, полученном вами от иностранца, который советовал вам покинуть Турцию!

Зораб не отвечал. Черты лица его заострились.

– Да, это верно... Но я вам сказал, что никогда не покину страну. Я специально вернулся с Лазурного берега, где спокойно проводил отпуск, чтобы заняться Армянским вопросом. Вы также правы в одном пункте: мы катимся в неизвестность. Но, несмотря ни на что, я остаюсь оптимистом.

Азад добавил недобро:

– Вы играли в нарды с Талаатом. А на другой день вас арестовывают, сажают в тюрьму, отправляют в город, где у вас нет никаких дел, а бравый Талаат понятия ни о чем не имеет. Самый сильный человек режима! Стоит ему бровью повести – и наш поезд покатится назад. Я вам вот что скажу: именно Талаату мы обязаны этим путешествием. Военный губернатор Константинополя и начальник охраны – пешки в его игре. Оба его приспешника – Джемаль и Энвер – боятся его, они дали ему полную свободу действий. Если есть в Турции человек, которого следует убить, то этот человек – Талаат!

Архитектор проснулся и слышал разговор. Банкир без конца поглядывал на часы. Зораб был в растерянности. Азад во многом прав, конечно, но как можно согласиться с тем, что турки пойдут на избавление от интеллигенции?

– Через полчаса мы будем в Алеппо, – сообщил банкир.

– Без меня, – сообщил Азад.

Он встал, посмотрел в сторону посапывающих жандармов и стал поджидать поворота, на котором поезд замедлял ход.

– Я прошу вас, Азад...

Поздно. Азад решительно подошел к полуоткрытой двери, спрыгнул с поезда и покатился в траву.

– Боже мой, боже мой, – твердил Зораб, нервно потирая руки.

Банкир и архитектор, ошеломленные, не верили своим глазам.

– Он совершил ошибку, – неуверенно произнес Зораб.

– Зачем он это сделал? – спросил банкир.

На вокзале Алеппо поезд поджидали человек двадцать жандармов с ружьями на плечах. Армяне, сходя с поезда, оказывались в их окружении. Какая-то нервозность чувствовалась в среде сил порядка. Кортёж направился в сторону заброшенной школы.

Азад встал на ноги. Ночь была на исходе. Дул легкий ветерок. Вдоль дороги выстроились телеграфные столбы. Он сделал шагов десять и почувствовал колющую боль в левой лодыжке. Он был один в чистом поле и двинулся вперед, ориентируясь на столбы и стараясь не сильно наступать на левую ногу. Он рассчитывал на друзей в Алеппо.

Через час нескорой ходьбы Азад достиг окраины города. Он не думал о больной ноге и, пытаясь не хромать, двинулся вверх по окраинной улице. Белый город, оштетинившийся минаретами, просыпался. Крестьяне погоняли своих ослов, нагруженных ящиками, полными фруктов и овощей. Сирийки, одетые в черное, легкие на ходу, с огромными кувшинами йогурта на головах, направлялись в сторону рынка. Туда же катились телеги, груженные горами арбузов.

Азад остановился, вытер лицо. Он решал, к кому направиться: к журналисту Гуляну или писателю Катяну. Подумал, что оба они могут быть под надзором полиции, и вспомнил об Агопе, фотографе, сын которого жил в Константинополе и работал в конторе Дурянов бухгалтером. Мастерская его находилась на главной улице. Азад несколько раз бывал в Алеппо и неплохо ориентировался на его улицах. Он издали заметил вывеску, железная решетка на витрине была еще опущена. Азад постучал в дверь. Она широко открылась, представив хозяина с кувшином в руке: он шел за молоком. Глаза его расширились.

– Господин Азад...

В голосе слышалось предчувствие беды, Азад успокоил его жестом.

– Я с поезда, который пришел по назначению без меня.

– Входите, входите, прошу вас.

Он закрыл дверь, поставил кувшин на стол. Азад с облегчением опустился на стул. Нога заметно опухла. Агоп протянул пачку сигарет. Мордатый кот прыгнул на стол, обнюхал кувшин и, недовольно мякнув, сделал обратный скачок. В нескольких словах Азад поведал о своих злоключениях. Лицо Агопа вытянулось.

– Зораб арестован? Он в Алеппо?

Он никак не мог поверить этому.

– Что здесь происходит? – в свою очередь спросил Азад.

Гримаса искривила лицо фотографа.

– Плохо, очень плохо... Обыскивают дома. Запрещено давать приют армянам, прибывающим, откуда бы то ни было. Но не беспокойтесь, господин Азад, ни один турок не посмеет переступить этот порог, вы в безопасности, – он сел напротив и продолжал сердечно: – Вы хорошо сделали, что пришли ко мне. В данное время я один, жена у дочери, которая собирается рожать, в Гоме... – он сцепил пальцы, желтые от табака. – Я в очень хороших отношениях с жандармским капитаном. Я ему сделал много портретов, он наполовину сириец.

Небольшое недомогание охватило Азада. Он закрыл глаза. Агоп заметил это и разом встал.

– Я приготовлю вам кофе...

Он пошел на кухню, кот за ним. Азад сбросил башмаки, протянул ноги. В мыслях зародилось сомнение. Вправе он был бросить товарищей? Надо было разделить с ними судьбу. Ну что ж, теперь уже поздно. Зачем изводить себя понапрасну? Он подумал о семье. Совершенно необходимо было оповестить Гаянэ. Он встал и спросил вошедшего с подносом Агопа:

– Я хотел бы послать письмо жене, знаете ли вы какой-нибудь способ?

– Почта работает как всегда, но довериться нельзя, – на лбу его собрались морщины. – Кажется, я нашел! Напишите ваше письмо без указания города, скажите ей просто, что вы в безопасности. Я передам письмо через одного турецкого чиновника, который два раза в месяц бывает в Константинополе.

Обрывки фраз складывались в голове. Надо было их просеять, хорошо законспирировать. Продолжая размышлять, он с удовольствием отхлебывал из чашки горячей кофе. Агоп выставил на стол сыр, колбасу, варенье, хлеб.

Азад ел без аппетита, довольствовался одной чашкой кофе с кусочком сыра. Начинала оживать улица. Сильная усталость охватила его.

– Я вас провожу на второй этаж, – сказал Агоп. – Вы отдохнете в комнате моего сына. Вы будете здесь жить столько, сколько хотите, это ваш дом!

Он был горд принять у себя члена семьи Дурянов, особенно Азада, редактора «Арарата».

Азад не заставил себя упрашивать. Он поднялся в отведенную комнату и, не раздеваясь, растянулся на кровати.

В течение трех дней Азад лечил ногу и не выходил никуда. Он старался не подходить к окну. Турки начали охоту за пришлыми армянами. Главы нескольких снисходительных турецких семей, давших приют армянским девушкам, были преданы суду и заплатили значительные штрафы. Можно было подумать, что первейшей заботой Турции была не война, а охота на армян.

Азад держался постельного режима, чтобы поскорее стать на ноги. Хозяйский кот не покидал его. Он нашел уютное местечко на одеяле и грел его целыми днями.

Агоп был повсюду разом. Он открывал ателье, собирал новости, ходил за покупками, готовил на кухне. Его слышно было сквозь стену: глуховатый кашель, разговор с клиентами (сядьте так, улыбнитесь), шаги, песенка, которую он мурлыкал...

Иногда Агоп, проснувшись ночью, неслышно приоткрывал дверь, чтобы убедиться, что у гостя все в порядке.

На пятый день Азад был встревожен плохим предчувствием. Агоп ушел на базар, но вот часы пробили полдень, а его нет как нет. В его отсутствие несколько раз стучали в дверь. Азаду удалось разглядеть группу молодых людей, наверное, это были клиенты.

Куда мог деваться Агоп?

Нога у Азада почти совсем зажила. Он ходил по комнате. Одиночество разделял с ним все тот же кот, к которому он привязался. Вдруг Азад услышал небольшой шум на первом этаже, вышел в коридор и

склонился над лестницей. Он увидел Агопа, который, сгорбившись, сидел за столом. Агоп курил, бесцельно вертя в руках железную сигаретницу.

– Агоп...

Он поднял голову, лицо его скривилось в страдальческой гримасе. Азад спустился к нему. Они посмотрели друг другу в глаза. Агоп отвернулся и сделал глубокую затяжку. Пальцы его дрожали. Плечи совсем опустились. Наконец, он произнес сдавленным голосом:

– Все казнены...

Азад не ухватил сразу его мысли. Агоп скрывался за клубами дыма.

– Вся интеллигенция Константинополя, все ваши спутники...

В жилах Азада застыла кровь.

– Как?.. Объясни мне...

Агоп дико уставился на него.

– Расстреляны! Они посмели расстрелять их! Всех! Зораба, Варужана, всех... Ни один не остался в живых! Что я говорю – расстреляны! Затоптаны! Их добивали камнями...

В комнате воцарилась давящая тишина. Глаза Агопа были мокрыми. Азад взял стул и сел рядом. Он потянулся за сигаретами, но рука застыла на полпути, он почувствовал пощипывание в носу, в горле образовался ком, мешающий дышать. Рука судорожным движением шарил в карманах в поисках платка.

Агоп глубоко вздохнул и продолжал глухим голосом:

– Сегодня утром, в девять часов, во дворе школы... без суда, без предупреждения. Стреляли в упор, настоящая бойня... Двести пятьдесят окровавленных тел... Самая драгоценная кровь нации...

Это известие потрясло Азада. Он предполагал, что могут быть репрессии, но чтобы такое!.. Он пытался понять. Власти арестовали интеллигентов и расстреляли их вдали от столицы. Но к чему эта предосторожность? Новость распространится в тот же день. Он не мог найти никаких слов.

– У вас есть какие-нибудь вести из Константинополя? – спросил он пустым голосом.

Агоп утвердительно качнул головой.

– В окраинных районах столицы прошла резня. Все добро армян расхвачено. Ваша газета разорена, – он посмотрел на Азада. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Агоп продолжал гневным голосом.

– Банковские счета, недвижимое имущество, магазины... – все отобрано. – Он помолчал немного и спросил: – Хотите, чтобы я продолжал?

– Я вас слушаю...

– Сотни армян нашли приют в церквях и посольствах. Полный хаос и паника. Аресты увеличиваются. Разорен отель Токталяна... Дикие банды бродят по улицам, издеваются над армянами, делят между собой их лавки при полном попустительстве полиции, все посольства в тревоге... Неоднократно обращались к Талаату. Положение ухудшилось. Выселение стало всеобщим. Не осталось армян в провинции, теперь взяли за столицу. Такое впечатление, будто хотят стереть с лица Оттоманской империи всех армян.

– Ну что ж, – сказал Азад, скрестив руки на груди. – Я не могу задерживаться здесь, и не могу вернуться в Константинополь. У меня остается один выход: драться...

Агоп вскинул голову.

– Я буду драться, – повторил тихо Азад. – У меня есть опыт. Я пережил эпопею Зейтуна, когда был молод. Начну снова.

– А ваша семья? – не мог удержаться Агоп.

– Моя семья... – боль стиснула сердце. Как в кошмарном сне увиделись ему отец с матерью, жена, сын, невестка... – Будем надеяться, что они выкрутятся как-нибудь, может быть, останутся живы. Я ничего не могу сделать для них. Я всегда слушался своего инстинкта, и вот я единственный, кто уцелел из этих двухсот пятидесяти. У меня своя задача...

Агоп поднялся и через пять минут вернулся с чашками кофе в руках. Он был удивлен, отметив на лице Азада выражение покоя и решимости.

– Мне будет очень недоставать вашего кофе, он по-настоящему хорош, – Азад сделал пару глотков, и бледная улыбка появилась на его лице. – Похоже, что вокруг Алеппо высокие горы. И за каждым камнем притаился армянин. У меня большое желание подышать воздухом этих гор.

Кот прыгнул на его колени и завел свою ласковую песню...

VII

Ветер свистел в ушах Азада. Он остервенело карабкался на гору. Одежда прилипла к телу. Он продвигался мало-помалу, сильно набил руки, но усталости не чувствовал. Время от времени делал глубокие вдохи, обновляя запас кислорода в легких. И только воспоминания о резне, о смерти Зораба парализовывали его силы. Усилием воли он снова сосредоточивался на подъеме – в нем была его вселенная, и небо – крыша над головой, и ненависть – под ногами. Если он вернется в город, то только победителем. Надо было все забыть: семью, сына, родителей. Перечеркнуть прошлое и вновь родиться. Родиться новым человеком, готовым присоединиться к жаждущим свободы, к муравьям, которые прогрызают скалы, прокладывая путь в свое будущее. Никакая жалость не удержит его руку, тянущуюся к горлу врага. Он отомстит за Зораба!

Под ним вдали виднелись селения, очерченные деревьями, ветряные мельницы в легком тумане. Поднявшись на высокую скалу, он протер глаза, вытер лицо. Отдыхать – значило охладить мускулы, поэтому он решил с ходу продолжать подъем, карабкаться все выше, удалиться от смрада турецкой армии...

– Добро пожаловать, товарищ.

Из-за скалы показалась голова горбоносого бородача. Он держал в руке бинокль. Было ему лет шестьдесят, но выглядел он крепким и сильным. На нем был жилет из шкуры, а на обнаженных руках играли мускулы.

– Как тебя зовут, и откуда ты идешь?

Азад огляделся. Вокруг стояли человек десять вооруженных мужчин с патронташами через плечо.

– Иду я откуда – неважно. А зовут меня Армянин!

Среди мужчин прошел шепоток. Казалось, кто-то узнал его. Бородач представился:

– Меня зовут Шаган. Ты находишься среди своих братьев. Тебе, должно быть, хочется пить, иди отдохни...

Его окружили соотечественники, повели в пещеру. Свечи, одежда, корзины с едой – все это было разложено на земле. Где-то невдалеке слышался голос ручейка. Шаган протянул ему кувшин с водой, Азад пил большими глотками.

– Мы тут ни в чем не нуждаемся. У нас есть вода, дичь, дикие

фрукты, немножко бы больше патронов...

– Чего вы ждете, почему не сходите за ними? – спросил Азад. Жандармы и солдаты размещаются во всех селениях. Вам должно быть видно в бинокль.

Немного удивленный столь быстрым решением, Шаган сказал, улыбаясь:

– Мы тут прибили несколько курдов, которые слишком близко подошли к нам. Это их оружием мы воспользовались, – он подумал минутку. – Я тебе сейчас дам ружье и патроны.

– Нет, ни к чему. Я хотел бы иметь просто нож.

Один из тех, кто узнал его, воскликнул:

– Да здравствует «Арарат»!

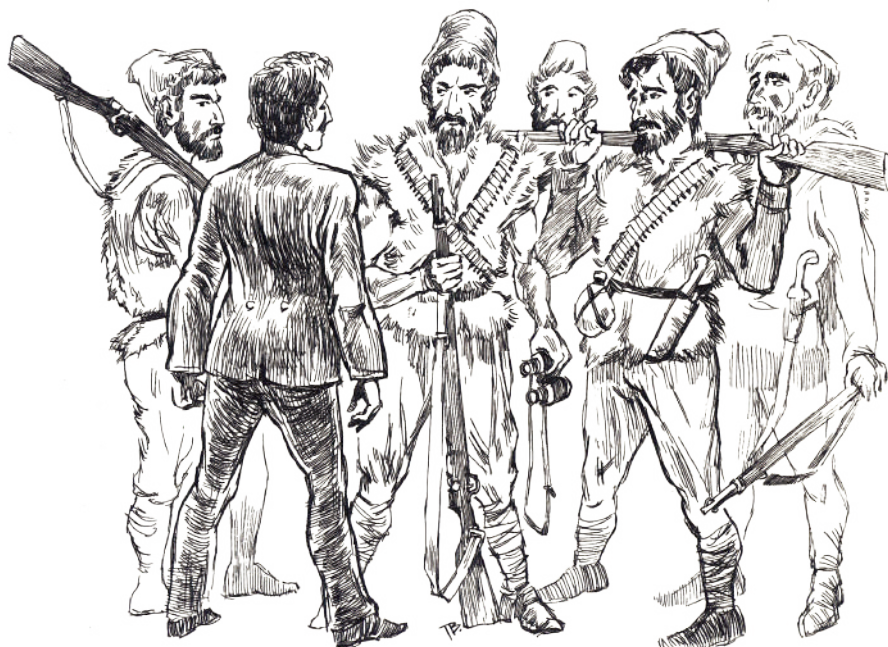
Азад поднял на него глаза и с горечью сказал:

– Да, да здравствует наш «Арарат»! – и после паузы спросил: – Давно вы здесь? Где остальные?

– Везде, – отвечал Шаган уверенно. – Никакой солдат не посмеет сунуться сюда. Горы стали нашей второй родиной. Мы пришли сюда месяц назад. Семьи наши высланы. Они в дороге...

– Ну и какова ваша цель?

– Мы спасли свои шкуры. Теперь будем охотиться за шкурами курдов и турок.

– Этого недостаточно. Армян надо спасать, – он окинул взглядом горы и равнины внизу. – Поставьте наблюдателей в пределах селений. Тысячные толпы движутся к Алеппо и дальше – в пустыню. Кого-то погонят и по этой дороге.

Шаган улыбнулся:

– Видишь эти скалы? Вглядишься хорошенько и ты заметишь, что они движутся. Мы все предусмотрели, но ни один конвой пока что не проходил здесь.

– Пройдут, – сказал Азад. – А нет – мы пойдем навстречу...

Он открыл глаза, лицо его было на уровне земли: целая колония муравьев собралась вокруг трупа осы. Сантиметр за сантиметром передвигали они свою добычу. Иногда казалось, что муравьи покинули ее, но вскоре снова возвращались и продолжали свой титанический труд.

Азад поднялся и огляделся: в пещере ни души. Рядом с собой он обнаружил нож. На расстеленной газете – фрукты. Но его тронула сама газета, он узнал ее – это был «Арарат» месячной давности. Под одной из статей стояла его фамилия. Он пробежал несколько строк и, отбросив газету, вскочил на ноги. Он прикрепил к поясу нож и вышел из пещеры.

Бледное солнце одиноко висело в небе, воробьиные стаи радовались чему-то своему и без конца щебетали в кустарнике.

– Хорошо поспал, Армянин? – улыбнулся ему Шаган.

Азад усмехнулся и кивнул на бинокль:

– Высмотрел что-нибудь?

– Моих людей. Они разбросаны повсюду. Я жду сигнала. В этих краях замечен конвой.

У Азада загорелись глаза, забилось сердце, он не мог стоять на одном месте.

– А как насчет нападения? Мы должны перебить всех солдат.

Шаган сощурился и одарил Азада лукавым братским взглядом.

– Мы должны действовать осторожно, чтобы не испортить удар. Немного терпения...

Он приставил к глазам бинокль и долго стоял неподвижно. Азад страдал от нетерпения. Шаган повернулся к нему и бросил:

– Думаю, что время...

Он коротко свистнул, и десяток голов поднялось над скалами. Шаган поднял руку и показал на узкую дорогу, огибавшую село. Люди начали спускаться по каменистой почве. Можно было подумать, что они всю жизнь тренировались ради этой операции. Азад, как мог, подражал им. Ружейные стволы были обернуты тканью, чтобы в них не попадала земля. Старались не поднимать пыль и не переговаривались.

Рядом с этими людьми Азад чувствовал себя неумейкой. Слишком долго он пробыл в своем кресле среди четырех стен, с ручкой, зажатой в пальцах. Отныне он будет макать свои руки в кровь!

Мелкие камни катились из-под его ног. Наконец он опустил на площадку между скалами, неподалеку от пыльной дороги. Его товарищи уже были там и приводили в порядок оружие. Он пожалел, что у него нет ничего, кроме ножа, как он хотел. Что ж, ему придется выкручиваться с помощью этого стального лезвия.

Вскоре послышался скрип колес. Высоко клубилась пыль. Показался первый турецкий солдат на коне, с висящим на шее ружьем.

Азад перестал дышать. Кровь ударила ему в голову. Он не мог отвести взгляда от этого всадника. За ним тащилась арба, запряженная парой усталых лошадей и заваленная наспех собранными чемоданами, из которых высовывались женские одежды. Азад насчитал двенадцать всадников, конвоировавших сотню женщин, детей и стариков. Они уже не шли – тащились. Одетые в лохмотья, с искаженными лицами, они походили на призраков. Двигались малыми группами, молчаливые, подавленные и покорные. Те, кто мог, поддерживали обессиленных. Почти все были разуты. Женщина несла на руках ребенка, лицо которого сплошь было покрыто мухами. Девочка сосала кору водяного ореха. Старик с блуждающим взором чему-то улыбался...

Вдруг раздались выстрелы. Заржали и вздыбились перепуганные кони. Поднялся страшный крик: переселенцы подумали, что стреляют по ним. Из-за скалы раздался возглас:

– Не бойтесь! Мы – армяне...

Азад видел, как согнувшись вдвое, сползали с коней первые шесть солдат. Старший конвоя, офицер, сорвал с шеи ружье и выстрелил, не целясь. Пятеро остальных укрылись за телегами и оттуда повели стрельбу. Воспользовавшись паникой, армяне покинули свои укрытия и набросились на турок.

Азад крепко сдвинул рукоять ножа. Он видел все ясно и чувствовал себя неуязвимым. Для него ничего не оставалось, кроме одного: вонзить нож в горло офицера. Последний заметил его и перезарядил ружье. Азад набросился на ружье и стал выкручивать его. Раздался выстрел. Азад остервенело потянул к себе разогревшийся ствол и вырвал винтовку. Офицер, оценив положение, дал шпоры коню, но было поздно: Азад сбил его с седла ударом приклада. Офицер поднялся на колени и сунулся под мышку за револьвером. Азад предвидел и хотел этого момента, он вихрем набросился на турка, схватил его за голову и полоснул ножом по горлу. Кровь фонтаном ударила из раны. Офицер зажал рану обеими руками и рухнул наземь.

Над толпой зазвучали победные и радостные возгласы. С конвоирами было покончено. Все дело не заняло и пяти минут. Женщины падали к ногам Шагана, они плакали, рассказывали о своих несчастьях.

– Встаньте, – велел Шаган. – Наша задача не окончена. Займите свои места за телегами. – Женщины ничего не понимали. Он обратился к своим товарищам. – Нам нужно добыть продукты и снаряжение. Применим хитрость. Надевайте форму солдат, трупы оттащите за скалу. Пойдем через село.

Началось переодевание. Азад облачился в форму офицера. Воротник куртки был в крови. Кто-то подал голос:

– У меня на куртке две дыры.

– Сделай что-нибудь, чтобы не видно было.

Старики и женщины смотрели на все круглыми глазами. Шаган предложил им стать по местам и по пути ни во что не вмешиваться. Он стал впереди колонны. Азад, взобравшись на офицерского коня, пристроился рядом.

– Я должен быть впереди, у меня офицерский галун.

При входе в село они были встречены радостными криками толпы и аплодисментами в честь солдат. В женщин бросали камни. Шаган не подавал вида, вел себя отменно. Он заметил у родника человек шесть жандармов. Азад выбрал свою жертву: толстяка, который макал платок в воду и прикладывал к лицу, массируя пухлые щеки. Шаган поднял руку, и колонна остановилась. Он подошел к первой телеге и стал выбрасывать узлы и чемоданы.

– Подарок от армян!

Толпа набросилась на дары, в руках у них появились женские

одеяния, платья, шали, белье. Азад крепя сердце смотрел на их возбужденные лица, на жадные руки, вырывавшие ткань. Старики и женщины в колонне вели себя сдержанно. Каждый играл свою роль.

К Азаду подошел с приветствием жандарм:

– Мы слышали выстрелы. Что произошло?

В военной форме Азад чувствовал себя свободно. Он широко улыбнулся.

– Какие-то собаки бродят на дорогах. Пришлось потратить несколько зарядов.

Он услышал за спиной плач и обернулся. У всех его соотечественников глаза были обращены к роднику, слышно было, как он звал жаждущих своим ласковым журчанием. Люди страдали от жары и жажды, их трудно было удержать на месте. Но и опасность была велика. Он обратился к жандарму.

– Сколько вас здесь?

Вопрос удивил турка, он нехотя показал на людей в форме у родника.

– Нас всего шестеро, и мы отправляемся завтра в Константинополь.

– А село большое, я смотрю...

Жандарм кивнул в сторону толпы:

– Все жители тут, человек сто – двести.

Шаган и его люди поняли обстановку, каждый выбрал свою жертву и изготовился.

Азад поднялся на стременах и обратился к женщинам:

– Становитесь в ряды и отправляйтесь к роднику... Но чтобы был мне порядок. Воды всем хватит.

Тотчас же родник облепили со всех сторон. На этот раз удивление жандарма не знало границ.

– Вы разрешаете им пить?

– Да, а что? Эти люди два дня не видели капли воды, а у них еще долгий путь. – Он обратился к селянам: – Несите сюда хлеб, сыр, фрукты.

Напряженная тишина воцарилась над толпой. Кто-то выкрикнул:

– Это армянам? Пусть они сдохнут!

У Азада было неодолимое желание уничтожить их всех. Шаган разгадал его состояние, но вмешаться не мог: у Азада на рукаве красовалась офицерская нашивка.

– Давайте, торопитесь, – продолжал Азад. – Несите все, что попадается: кур, рис, муку, консервированное мясо, мед, соль, перец... Вам будет щедро заплачено. Мы тут набрали денег, много денег. Все, что было у этих неверных.

Он сунул руку в карман и был удивлен, нащупав кучу денег.

Его люди обнаружили у себя золотые монеты, кольца, браслеты.

Соблазненные селяне быстро рассеялись. Жандарм, забавлявшийся у родника, не прикрыв обнаженного торса, подошел к Азаду:

– Кому предназначены продукты, господин офицер?

– Я вам скажу, и вы будете удивлены. Немного терпения.

Жандарм почесал голову. Он взгляделся в Азада. Турок ли он? Но откуда взяться сомнению? Все армяне разговаривают на турецком, как на родном. И весьма похожи на турок...

Стали появляться жители села, нагруженные мешками муки, сахара и другим добром.

– Складывайте на арбу, – приказал Азад.

Он не выпускал из вида жандармов. Шаган был начеку. Нервный тик пробежал по его левой щеке. Палец нащупал спусковой крючок. Он рассчитал угол, чтобы свалить толстяка, разговаривавшего с Азадом. Наконец арба была нагружена, и руки потянулись за обещанными деньгами.

– Встаньте в ряд, чтобы я мог подойти к каждому.

Они отступили, выровнялись. Жандармы, стоявшие полукругом, остались в сторонке. Азад обратился к своим на армянском:

– Смерть туркам! Отомстим за наши муки!

Раздались выстрелы. Все шесть жандармов были сражены разом. Охваченные паникой, селяне бросились бежать с криками:

– Это армяне! Это армяне!..

Они забаррикадировались в своих домах, улица разом опустела.

– Забирайте оружие, снаряжение и – вперед! – скомандовал Шаган.

Лошади дружно потянули арбу. Куры и утки подняли гвалт, выбираясь из мешков. Колонна, покинув село, свернула на каменистую дорогу.

Шаган поднял руку и показал на гору:

– Мы скроемся там, наверху. Надо разобрать все, что на арбе, на себе понесем.

Пока наблюдатели, скрывшиеся в кустах, стерегли дорогу,

женщины, старики и дети перегрузили на свои спины поклажу из арбы и, уподобившись муравьиной колонии, принялись взбираться на гору. Они не думали о своих страданиях, у каждого в груди билась надежда. Через пару часов вокруг не было ничего, кроме скал и кустарников. Грелись на солнце ящерицы, высоко в небе парили грифы, высматривающие добычу. В последнее время ее было предостаточно...

VIII

Прошло три месяца с тех пор, как Тиграна забрали в армию. После ареста в Трапезунде с сотней других армян он был направлен на дорожные работы, которые вели несколько тысяч солдат армянского происхождения. Кирка заменяла им ружье. Они строили дорогу для беспрепятственного передвижения военных машин.

У Тиграна не было никаких сведений о семье. Со дня ареста связь с родными полностью оборвалась. Он часто думал о Седе и детях, которые должны были остаться в Константинополе. А сестра Ануш, брат, родители, Берж? Что с ними?.. На фронте творилось непонятное. Русские, французы и англичане играли в какую-то странную игру. Прошел слух, что они собираются двинуться на Константинополь. Целую неделю оттоманская столица пробыла в страхе и панике, потом все улеглось и пришло в норму. Русские довольствовались захватом нескольких турецких селений, расположенных вдоль иранской границы, англичане целились на дорогу в Индию, французы, под предлогом защиты христиан, сражались на стороне Ливана и Сирии. Настоящая война развернулась в Европе. Антанта хотела попросту растянуть Османскую империю по частям – здесь ку-

сок, там кусок – не завоевывая целиком.

В полудюжине палаток располагалась сотня армян. Ночи были холодные, и они спали в одежде. Не хватало одеял. Отделение турецких солдат, которые под руководством одноглазого сержанта руководили работами, едва ли было в лучшем положении. Они спали на соломе и два раза в неделю имели мясо. Кормежка армян не знала перемен: фасоль, чечевица, время от времени соленая рыба, солдатские галеты и лук. Запас воды помещался в двух бочках, стоявших в тени дерева. Вечером в лагерь прибегал старый, но еще шустрый грузовик, привозивший из окрестных сел пополнение рациона. Жизнь текла монотонно, без особых стычек с турками. Сержант Гюзель проводил дни, не отрывая зада от маленькой скамейки и не выпуская из руки берестяной трубки. Будучи оптимистом по натуре, он провозглашал время от времени: «Эта грязная война кончится когда-нибудь, но кто мне вернет мой глаз?». По его легенде, глаз был потерян в бою, но известно было, что он лишился его еще в ранней молодости.

Кто-то из солдат заглянул в палатку:

– Подъем, лежебоки! Солнце уже встало!

– Сказал бы что-нибудь новое.

– Новые кирки привезли, вставляйте!

Тигран вышел из палатки и задумался. Вот уже несколько дней, как он решил покинуть лагерь и отправиться к русским, передовая которых проходила в ста километрах. Он без конца обдумывал свой план, знал, что в случае провала будет расстрелян. Здесь не церемонились с армянами и стреляли под разными предлогами.

Сержант разбил всех на группы, дал распоряжение и закурил первую трубку. Приятель и напарник Тиграна – Сурен поднял свою новую кирку и вогнал ее в землю.

– Эта земля становится все тверже и тверже...

– Это твои руки становятся все мягче и мягче, – поправил Тигран.

В мирное время Сурен был художником. Он рисовал море в непогоду, кораблекрушения, и продавал свои картины на базаре.

– Да, кирка тяжелее кисти, – вздохнул он.

Тигран понизил голос:

– Ты знаешь, что русские недалеко отсюда?

Сурен поплевал на ладони и взялся за черенок кирки.

– Может быть, мы работаем для них. Мы откроем им дорогу...

– Мы пойдем к ним навстречу, – сказал Тигран. – Я решил не до-

жидаться, может, они никогда не дойдут до нас. Что ты об этом думаешь?

Ни один мускул не дрогнул на лице Сурена. Он не раздумывал.

– Когда выходить?

– Ты умеешь водить машину? – Тигран кивнул в сторону грузовика, стоявшего возле бочек с водой.

– Я не то, что грузовик, – танк поведу!

Довольные, они по-своему выразили свои чувства – набросились, что было сил, на каменистый грунт. Проходивший мимо солдат задержался, удивленный.

– Вы что, колодец копаете? Или ищете что-то?

– Я добиваюсь от земли, – откликнулся Сурен, – армянская она или турецкая?

Солдат сдвинул брови, он не решил, обижаться ему или нет. Потом широко улыбнулся.

– Она турецкая, но если ты копнешь еще глубже, найдешь труп армянина.

Он пошел, с винтовкой на плече, весьма довольный своей находчивостью.

Третий день Тигран и Сурен, набившись сержанту в помощники, ездили на машине в село за продуктами. Обнаженные по пояс, стояли они в кузове, обдуваемые ветерком, и любовались видами долины с редкими хуторами.

На въезде в село машину встретили мальчишки и с криками припустились за ней. Машина остановилась у единственного колодца, в центре, возле бакалейной лавки. Гюзель первым спустился на землю, прошелся, разминая ноги, снял феску, вытер платком внутри и водрузил на голову. Шофер присоединился к нему, и они отправились к лавочнику.

Сурен наполнил ведро и передал веревку Тиграну, который, стоя в кузове, переливал воду в бочку. Сержант с шофером, устроившись на маленьких скамеечках, пили кофе. Бакалейщик охотно угощал своих оптовых покупателей, селяне привыкли к ним.

Полчаса спустя первая бочка была наполнена. Бакалейщик нагружал свои мешки. Сурен передал ведро для второй бочки. Тигран застыл с ним в руках.

– Ты слышишь? – спросил он вдруг Сурена.

Сурен прислушался. Звук шел со стороны долины.

– Это военная колонна, – сказал он.

В подтверждение его слов десять минут спустя показались первые машины с солдатами. Гора пыли поднялась над селом. Охваченный внезапной мыслью, Тигран велел Сурену:

– Запускай машину!

Сурен не двигался. Колонна проезжала село без остановки.

– Мы присоединимся к ним, они едут на фронт. Торопись! – командовал Тигран. – Это уникальный случай!

Сурен сделал прыжок к грузовику, в следующую секунду он уже крутил рукоятку, и мотор закашлял.

– Садись за руль! – крикнул Тигран.

Последняя машина колонны проезжала село. Сквозь стену пыли Тигран видел, что Гюзель и шофер не сдвинулись с места. Сержант, спасаясь от пыли, дышал через платок, придерживая его на лице обеими руками.

– Давай, Сурен! Поехали!

Грузовичок дернулася и побежал, как сумасшедший, под носом у сержанта, глядевшего на происходящее круглыми глазами. Сурен машинально подчинялся командам товарища и вскоре они пристроились в хвосте колонны, производившей страшный шум в округе. У солдат был усталый вид, многие из них дремали на своих скамейках, положив оружие на колени.

Через четверть часа Тигран забарабанил по кабине. Он был обрызган водой из расплескавшейся бочки. Промокли и мешки, и связанные куры, поднявшие шум.

Машина остановилась, показалась голова Сурена.

– Ну как, товарищ? – спросил он с ангельской улыбкой.

– Езжай тише, но колонну не выпускай из вида. И не приближайся особенно, оставайся в тени.

Сурен поехал тише, но вел машину по-прежнему безобразно, задевал редкие деревья и вдруг на повороте съехал с дороги и остановился.

– Ты что, первый раз за рулем? – не выдержал Тигран.

– Да! Заметно? – воскликнул Сурен восхищенно.

Легкая тоска прошла по сердцу Тиграна. Он пересел в кабину, и они тронулись с места в карьер, по-другому Сурен не умел. Состояние

его было близко к опьянению. Стиснув зубы, с поднятой головой, он весь был устремлен вперед, к горизонту, и нисколько не заботился о дороге под колесами, словно собирался взлететь и опуститься на другой стороне фронта.

– Осторожно, правый поворот, – предупредил Тигран.

Сурен, не сбросив скорости, заложил такой вираж, что заскрипели шины. В кузове свалилась вторая, неполная бочка.

– Далеко до Вана? – спросил он лихо.

– Километров пятьдесят. Мы туда едем, если, конечно, не свернем в преисподнюю.

Сурена сотрясал внутренний смех, он кинул на Тиграна хитрый взгляд.

– Ты еще будешь мною гордиться, товарищ!

– Ты говорил, что умеешь водить машину...

– А я что делаю?

Прошло еще полчаса без происшествий, машина мчалась, сохраняя дистанцию. Вдруг, колонна остановилась. Тигран положил руку на руль:

– Остановись, Сурен. Что-то происходит.

Солдаты спрыгивали с машин и разбирались повзводно.

– Все, приехали, – весело комментировал Сурен. – Дальше – фронт. Видишь, вояки строятся, они рвутся в бой.

Не было слышно взрывов, ни малейшего выстрела. Наоборот, какая-то торжественная тишина вокруг.

– Смотри, машины разворачиваются...

– Скроемся, пока не поздно.

Оглядевшись, Сурен свернул вправо. Перед ним открылась большая поляна. Под колесами была мягкая почва.

– За пригорком виднеется лесок...

Тигран повернулся на шум и увидел мчавшиеся по дороге пустые машины. Похоже, что они ехали за подкреплением.

– Как бы нам не влипнуть...

– Да нет, у них полный рот своих забот, – уверенно сказал Сурен. – Они нас давно заметили. Ну и что? турецкая машина, армейская.

Но Тиграна не убеждали эти доводы. Он продолжал наблюдение за дорогой. Машина продвигалась тяжело по мягкому грунту.

– Скоро мы будем в укрытии, – сказал Сурен. – С голоду не

помер – сегодня у нас в меню курочка!

– Ты будешь есть ее сырой, твою любезную?

Сурен соорил горестную гримасу:

– Я забыл, что мы оба некурящие, и у нас нет спичек. Но ничего, поедим копченую рыбку, предназначенную господину кривому сержанту.

А вот и лесок. Сурен нажал на акселератор, выскочил на бугорок и остановился под деревом. Ветви мешали открыть двери со стороны водителя, и он вылез из машины вслед за Тиграном.

– Кажется, неплохо выкрутились, товарищ!

– Самое трудное еще предстоит совершить. Пока что мы на турецкой территории.

– Отдохнем, а завтра...

Он не закончил, охваченный какой-то идеей. Вскочив в кузов, он выбрал из связки цыпленка по вкусу, свернул ему шею и принялся ощипывать. Тигран с удивлением наблюдал за ним. Когда показалась желтоватая кожа, новоявленный повар выпотрошил свою жертву и, открыв капот, прилепнул ее к разгоряченному до предела мотору.

– На войне как на войне, – подмигнул он хитро Тиграну. – Ты ведь хотел жареную... Она будет немного пахнуть машиной, но – таков наш век...

Тем временем незаметно опустилась ночь. Тигран расстегнул форму и, прислонившись к стволу дерева, закрыл глаза.

– Не спи, товарищ, время ужинать...

Сурен пронес у него под носом наполовину сожженную ножку. Тигран, помедлив, ухватился за нее и вонзил зубы в мякоть. Сурен смотрел на него вопросительно.

– Не с чем сравнить, – признался Тигран, – но вполне...

– Вот так! В жизни надо быть находчивым.

– Посмотрим завтра, до чего нас доведет находчивость.

– Ну что ж, пока мы здесь, на воле... Завтра соединимся с русскими...

– Я говорю не о нас двоих, – сказал Тигран с горечью, – а о судьбе нашего народа. О, мы были очень находчивые!

Они замолкли, охваченные каждый своими думами, и в тишине отчетливо слышались отдаленные залпы и одиночные выстрелы.

– Это русские атакуют, – сказал Сурен.

От этого предположения стало чуточку легче на душе. Усталость

навалилась на Тиграна, не было желания ни говорить, ни думать. Привыкший спать на земле, он растянулся поудобнее; давно забыто, что значит спать в постели, прижав к груди нежное, теплое, надушенное тело жены.

Разбудили их на заре. Человек десять мужчин в гражданской одежде со свирепыми лицами взяли их в кольцо, нацелив ружья. Тигран сразу подумал на курдов. Он не двинулся с места. В глазах этих людей была такая ненависть, что о спасении нечего было и думать. Не хотелось даже притворяться и выдавать себя за турок. Перед тем как их разбудили, он видел чудесный сон: в обнимку с Седой он плыл на лодке по Босфору, над ними кружились чайки, сопровождая их до другого берега... Что-то собирались им нашептывать чайки по-птичьи, но что?..

Вдруг раздался пронзительный крик Сурена:

– Да мы же армяне!

Гнев сменился на удивление. Люди опустили свои ружья. Старшой, маленький полноватый человек, спросил:

– Что вы тут делаете? Кто вы?

– Мы бежали из военного лагеря. Это мой друг – Тигран

Дурян... – Он не мог говорить от волнения и, встав, показал на машину. – Мы приехали не с пустыми руками...

Казалось, они явились сюда ради того, чтобы сказать эти слова, настолько все переменялось. Тигран тоже поднялся. Все смотрели на него с уважением, тянулись пожать руку.

– Где русские? – спросил он.

Старшой сказал, улыбаясь:

– Они идут за нами... Мы находим целину, они пахнут. Мы довольны таким союзом.

– Может, вы допашете до Константинополя?

– Все может быть...

Сурен похлопал Тиграна по плечу.

– Мы спасены, товарищ.

Тигран не отвечал. Он спасен. С этих пор он станет разделять жизнь русских и тех армян, что живут на другой стороне границы. Границы, увы, слишком эластичной, то приближающейся, то отдаляющейся в зависимости от политики, в которой он уже ничего не мог понять... Он спасен. А что будет с родными, с теми, кого он любил? Увидит ли он их когда-нибудь...

IX

Колонна состояла из пятисот женщин и детей. Она была в пути уже неделю. Охраняли ее десять верховых солдат.

Перед глазами Ануш простиралась бесконечная равнина, без единого кустика, без воды, только камни да солнце над ними. Впереди небо сходилось с землей, и казалось, что вскоре путники коснутся плечами облаков и шагнут в бесконечность.

Сегодня солнце не пекло так безжалостно, с утра даже было пасмурно, и Ануш радовалась за свою юную спутницу. Гоар не покидала ее ни на шаг и шла рядом. Эта дружба помогала им держаться. Когда одна падала духом, другая ободряла, и вместе они сохраняли надежду и веру на избавление. Ануш удивлялась и восхищалась выдержкой девушки. Она ничего не ела второй день, и на лице ее не видно было страдания, хотя вокруг раздавались стоны, причитания и просьбы. Сколько времени могла она еще продержаться? Дети едва плелись, они изнемогали от жажды...

Арба с пищей и водой катилась впереди. Она предназначалась для

солдат. Ели они два раза в день и пили вволю. Остановливалась колонна по вечерам, неподалеку от села, чтобы солдаты могли покормить лошадей и пополнить свои запасы.

Все женщины опасались курдов и жили в тоске и страхе. Как только замечали облачко пыли, сразу же сбивались в кучу, чтобы защититься, хотя понимали, что шансов у них не было никаких.

Ануш приложила ладошку ко лбу и вздохнула:

– Нам потребуется еще шесть часов, чтобы добраться до цели.

– Какой цели? – бледная улыбка оживила лицо Гоар.

– Я вижу горущку, в ее окрестностях должно быть селение. Нам не дадут околеть от жажды...

Девушка поддержала ее:

– Сегодня мы обязательно встретим колодец.

Заржала лошадь. В седле сидел здоровый солдат, который нагло разглядывал ее. Веки его были прикрыты, виднелись только темные зрачки. Гоар спросила его:

– Мы хотим пить. Почему вы не даете воды, ведь она бесплатная?

Солдат показал на своего коня:

– Со вчерашнего дня не поен, и ничего, везет. – Он рассмеялся, довольный собой, и смягчив голос, сказал: – Если я дам тебе попить, что получу взамен?

Гоар пожала плечами.

– Ничего.

Новый раскат смеха сотряс его жирное тело. Он ласково потрепал гриву коня.

– В таком случае я напою коня.

Изможденная старуха простерла к нему руки и запричитала умоляющим голосом:

– Мы идем уже неделю, выдохлись совсем. Разве у вас нет матери, сестер?

– Я – сирота, – насмешничал солдат, удаляясь.

От долгого разглядывания горизонта у Ануш мутнело в глазах. Так она думала, но причина была, конечно, все в том же: голод и жажда делали свое разрушительное дело. Порой было трудно раздвинуть челюсти. Судорога стягивала икры ног, никогда раньше ей не приходилось ходить так много. Она старалась не думать о прошлом и о настоящем и связывала все надежды с будущим. Война не будет продолжаться бесконечно. Она найдет свою семью, и жизнь начнется заново...

В пять часов вечера колонна подошла к селу. Жители стояли у дверей своих домов. Дети смотрели круглыми глазами. Все бросились к колодцу. Одна деталь поразила Ануш: домов двадцать она насчитала, покинутых хозяевами, двери и окна раскрыты настежь, дворы заросли сорной травой. Сиротливо стояла церквушка с крестом. Нетрудно было догадаться, что отсюда были высланы армяне.

Женщины и дети валились без сил на землю. Вдруг в воздухе поплыл запах жареного мяса – солдаты на костре зажаривали баранью ножку. Подошли несколько женщин с детьми и тут же были отогнаны плетью. Один из солдат крикнул:

– Вон во дворах сколько травы!

Об этом никто не подумал. В считанные минуты были заняты все пустующие дворы. Обследование всех уголков в домах ничего не дало, самым удачливым досталось несколько зерен кукурузы или риса. Похоже, что здесь уже побывали такие же несчастные, как они. Голодные люди принялись за траву. Очищали корни и жевали. Главное было открыть рот, положить туда что-нибудь твердое или мягкое и жевать, наполнять желудок. Вкус не имел никакого значения. Голод, удовлетворение его, работа челюстями, смачивание слюной того, что было похоже на пищу, – все это откладывало на лице отпечаток тупой животности.

Ануш вошла в один из крайних домов ряда. Сломанные остатки мебели, разбитое зеркало, наполовину спаленная скатерть, разоренные книги, страницы которых устилали пол. Она с тоской разглядывала эти следы разгрома человеческого гнезда. Вошла Гоар. Возле края губы виднелся зеленый след слюны. Она улыбнулась виновато:

– Я сделала как все: ела траву... А это вам. – Она протянула на ладони несколько зерен кукурузы.

– Спасибо, я не хочу.

Они соорудили из травы подобие веника, подмели пол и улеглись рядом. Гоар вытянула ноги и скрестила руки на животе.

Вздыхнула:

– Хорошо, что еще не холодно.

Входили другие женщины, занимали свои углы. Плакали дети. Истово молилась старуха, громко стуча сухим кулаком себя в грудь. Молодая мать укачивала на руках плакавшего малыша. Девочки, собравшись в кучу, о чем-то загадочно шептались. Потерявшийся мальчишка искал свою мать.

Быстро опустилась ночь. Ануш лежала с открытыми глазами. Она слышала вокруг приглушенный стон, тихий плач, отчаянный зов, обращенный к мужьям и сыновьям, отторгнутым высылкой.

Она уснула, наконец, но не прошло и часа, как горячее дыхание обдало ее лицо. Она открыла глаза и увидела давешнего солдата-толстяка, который, передав керосиновую лампу своему напарнику, с довольной улыбкой ловко опустился на корточки, прикрыл ладонью рот Гоар и поднял ее, как пушинку. Ануш поднялась на локти, готовая закричать, но тут же удар солдатского сапога свалил ее на место. Солдаты, спотыкаясь о ноги спящих, вышли из дома.

Скрепя сердце, Ануш старалась отогнать мрачные видения. Бедная Гоар, сколько раз она избегала подобных ловушек!

Ануш поднесла руку к кровающему носу. Она найдет слова, чтобы утешить девушку. Если эти злодеи не удавят ее после насилия...

Душил комок в горле. Она ничем не может помочь девочке. Остается только ждать. Она попыталась уснуть, но нервы были так натянуты, что о покое нечего было думать.

Из раскрытого окна подул свежий предутренний ветерок. Ануш сделала глубокий вдох. Вдруг возникли картины давних лет. Она увидела себя девчонкой, возлежащей под деревом в саду. Азад и Тигран читают газеты, мать расставляет на столе тарелки с фруктами и сладостями. Приходит Отелло, он читает стихи... Потом она видит своих детей... Опираясь на локти, поднимается, садится, кусая губы. Она хочет отвести в сторону реку воспоминаний, текущую по ее венам, чтобы думать только об одном – о будущем, о том, что она обязана выжить!

Ануш оперлась о стену и расслабилась, пытаясь отдохнуть. Свет луны через разбитую ставню проникал в комнату, освещая впалые щеки спавших. Она задремала, и в эту минуту ей послышался легкий шум, похожий на шелест, и за ним тень, которая приближалась к ней. Это была Гоар. Девушка посмотрела на нее и легла рядом. Лицо ее было бесстрастно. Она молчала. Ануш погладила ее по щеке, и девушка прижалась к Ануш, как зверек.

– Все пройдет, все устроится, увидишь.

Ей казалось, что девушка найдет облегчение в слезах. Нет. Ануш чувствовала, как учащенно билось ее сердце, но глаза оставались сухими.

С восходом солнца в дом вошел солдат и, стуча прикладом о дверь, стал поднимать всех на ноги. Он был чем-то обозлен. Красные глаза говорили о том, что он недоспал. Орал с ненавистью в голосе:

– Выходи! Поторапливайся, не то начну стрелять!

Он наставил ружье, и видно было, что готов исполнить угрозу. Женщины и дети поднимались безропотно, никто не издал жалобы или плача.

Вместе со всеми оказались на площади у колодца Ануш и Гоар. Опустели другие дома, и колонна, сформировавшись, потянулась дальше. Часа два спустя солдаты остановили колонну. Вскоре стала ясна причина остановки: впереди, на пересечении дорог, из-за взгорья выступила многочисленная толпа мужчин и подростков, окруженная усиленной охраной из полусотни солдат и жандармов. Выходя на дорогу, толпа приобретала форму человеческой реки. И не было ей конца. Мужчины, наполовину голые, изголодавшиеся, с рассеянными лицами и блуждающими глазами, босые – это было невыносимое зрелище. Оттуда доносились обрывки патриотической песни, которая то поднималась вверх, то обрывалась. Солдаты прикладами подгоняли отстававших. Какой-то старик крикнул в сторону женщин:

– Нас было три тысячи...

Ему не дали договорить, удар сапога свалил его наземь.

– Мы выживем, – сказала вдруг Гоар.

Это была первая фраза за долгое время.

– Да, – повторила как эхо Ануш. – Мы выживем...

Предстояло взобраться на гору. Зачем? Была ли это кратчайшая дорога в Алеппо? Все задавали себе этот вопрос. У солдат, очевидно, был план, но какой? Уменьшить численность колонны? Но почему не уничтожить всех на месте? Зачем этот изнурительный марш?

К счастью, подъем был не очень крутой, шли по удобной тропе. Надо было лишь опасаться пропасти справа и передвигаться осторожно. Свежий ветер охлаждал лица и уменьшал усталость. Когда поднялись на небольшое плато, солдат во главе колонны крикнул:

– Отдохните немного...

Все тут же упали на землю. Ануш заметила пастуха, окруженного дюжиной овец. Эта картина подействовала успокоительно. Молодой пастух выстуригивал себе дудочку, ловко орудуя ножом. Он не обратил никакого внимания на пришедших. Должно быть, он успел наглядеться

на подобные зрелища. Даже собака, сидевшая рядом и помахивавшая хвостом, не стала утруждать себя лаем.

Солдаты, собравшись вокруг, что-то решали.

Ануш закрыла глаза и впала в приятное оцепенение. Усталость растворялась в ее крови. Та самая усталость, живущая в теле самостоятельно, грызущая каждую клеточку и сверлящая мозг. Какое это блаженство – растянуться вот так и растаять...

Внезапно крики ужаса и отчаяния поднялись вокруг. Она живо приподнялась с мыслью о нападении курдов, но увидела совсем другое, невообразимое зрелище: солдаты, разбившись по двое, хватили старух и детей и бросали их в пропасть... «Да нет, это невозможно! хотелось ей крикнуть, – нельзя же совершать такие немыслимые поступки!» Но действительность продолжала разворачиваться перед ее глазами. Она слышала душераздирающие крики, видела конвульсивно дергавшиеся тела в руках солдат, которые торопливо избавлялись от ноши, швыряя их в пустоту. Ануш бессознательно вскрикнула, кровь в жилах заледенела от ужаса. Она видела, как пыталась спастись бегством девочка лет пяти, но была настигнута и подброшена над пропастью вверх, как мяч.

Солдаты, казалось, выполняли некий ритуал. Никаких эмоций на лицах, словно они имели дело с мешками картошки. Две старухи, взявшись за руки, заковыляли в сторону от всех. У них был жалкий испуганный вид, но они не оборачивались и ускоряли свои мелкие неверные шаги прочь от страшной картины. Наконец, солдаты заметили беглянок и принялись хохотать, показывая их друг другу. Казалось, этот печальный дивертисмент вернет солдатам человеческие чувства, и они прекратят свое палачество. Увы, старухи были убиты меткими выстрелами.

Молодая женщина с искаженным от ужаса лицом принесла своего маленького ребенка под рукой, прижав к бедру и, опустив его между Ануш и Гоар, попросила невнятным шепотом:

– Спрячьте моего маленького...

Ануш прикрыла его шалью. Два солдата подошли к своей очередной жертве и стали вырывать из ее рук хорошенькую трехлетнюю девчушку. Женщины, забыв на время о себе, с болью смотрели на эту кроху и теряющую разум мать. Солдаты, отчаявшись вырвать ребенка, потащили к обрыву женщину. Видя безысходность положения, она опустила ребенка на землю, оттолкнула от пропасти и, упав на

колени, стала молить солдата взять ее жизнь и оставить девочку. Солдаты остались глухи к мольбе. Увидев в последний раз ангельское лицо дочери в рамке курчавых волос, зависшим на мгновение над пропастью, она упала без чувств. Солдаты, пользуясь этим, столкнули ее в пропасть пинками своих пыльных сапог.

Вдруг заплакал ребенок. Гоар принялась успокаивать его. Ануш старалась угадать выражение лица солдата, стоявшего неподалеку. Солдат нагнулся, отодвинул шаль, легкая улыбка коснулась его губ. Он сел на корточки и протянул палец. Малыш ухватился за него ручонками и перестал плакать. Хрупкая надежда затеплилась в матери. Она прошептала:

– Правда, хорошенький?

– Как, это мальчик?

– Да, Ервант...

– Будущий армянин? Нет, такие нам не нужны.

Он подхватил сверток и направился к обрыву. Ошалевшая мать брела за ним следом, но в последнее мгновение оттолкнула его и, закрыв глаза руками, слепо шагнула в пропасть. Сына ей швырнули вслед.

Ануш и Гоар сидели, прижавшись, друг к другу, окаменев от ужаса. Солдаты казались им существами с другой планеты, не имевшими ничего человеческого. Звери, которые жили по непостижимым им законам.

Полчаса спустя колонна была уничтожена наполовину. Не стало детей и пожилых женщин. Оставалось загадкой, почему они не избежались разом от всех?

Солдаты сели на коней, послышалась команда:

– Встать! В путь!

Все встали. Пастух, видевший все, и ухом не повел. Он закончил свою дудочку, осталось проделать дырки, этим он и был занят. Одна из женщин не выдержала:

– Пойди, расскажи своим родителям о том, что ты видел здесь.

Пастух повернулся спиной и стал ласкать собаку. Мирно паслись овечки...

Солнце начинало припекать, когда колонна вошла в расположение села. Самого села не было, его сожгли, по-видимому, не так давно, еще не улетучился запах гари. Две тощие собаки лежали возле колодца.

Подошел солдат, заглянул внутрь и отвернул нос: колодец был

забит трупами.

– Эти собаки-армяне даже воду у нас отнимают.

Его взгляд задержался на Гоар, в глазах вспыхнул огонек, от которого ее бросило в дрожь.

В колонне осталось не более сотни, в основном, молодые женщины. Обессиленные, голодные, усталые. Те, что потеряли детей или матерей, плакали, сгрудившись в кучу. Неподалеку устроились солдаты. Они ели арбуз с сыром, завернутым колбаской в тонкий, как бумага, лаваш. Ели с удовольствием, уписывая за обе щеки. Солдат набрал горсть скользких семечек и бросил женщинам. Ануш попросила подруг не двигаться с места, но это не помогло. Те, кому достались семечки, с наслаждением смаковали их. Другой солдат швырнул арбузные корки. Повторилась та же картина.

Ануш смотрела на эти жалкие лица, на их дрожащие руки, на жадные рты, в минуту смолотившие пожалованный корм и, перевернувшись на живот, зарыдала, дергаясь плечами.

Гоар была в стороне. Она искала острый камень и, найдя подходящий, спрятала в карман в ожидании ночи.

Насытившись, солдаты запели хором любовную песню с переливчатыми модуляциями голоса и томными вздохами. Неужели это были те же самые, которые несколько часов назад бросали в пропасть живых, невинных, незащитных существ? Эти ностальгические звуки, сладко вибрировавшие в горле, делали их еще отвратительнее, ибо им доступны были нормальные чувства и переживания в отношении близких им людей, а что до армян, то это были в их глазах ненужные предметы, от которых следовало избавиться.

Пришла еще одна ночь – тихая и милосердная после жестокого дня. В небе без облаков показалась луна. Тоска стискивала грудь, слезы заливали глаза. Зачем эти мучения? Почему так жестока судьба? Душевные муки были особенно невыносимыми в эту тихую ночь. Молодая женщина заливалась горячими слезами. Другая молилась. Небольшая группа пела как бы в ответ на песню солдат, словно говоря, что их нежная мелодия тоже принадлежит человеческим существам.

Ануш, услышав тяжкий вздох, повернулась к Гоар. Девушка сидела, подобрав под себя ноги, и острым концом камня раздирала себе щеку. По другой щеке текла струйка крови, которую она стирала рукавом платья.

– Что ты делаешь? – вскричала Ануш, не поняв сразу, что происходит.

– Вы увидите... – Она увернулась от Ануш, отнимавшей у нее камень. – Не мешайте. Я не хочу больше быть их жертвой. Лучше я изуродую себя.

– Раны могут загноиться.

– Тем лучше! Я хочу, чтобы мое лицо стало сплошной раной, которая будет их пугать.

Она сделала два глубоких креста на щеках, и силы окончательно оставили ее. Ануш притянула к себе девушку, обняла и стала целовать, ощущая на губах солоноватый привкус крови. Какое надо иметь мужество, чтобы устроить себе такую пытку! Сколько же надо перетерпеть, чтобы пойти на такую крайность ради избавления от насильников!

Ночь наполнилась неясным движением. Зловонное дыхание, звериные хриплые звуки в сдавленном горле. Стальные руки, распинающие в пыли полуживые женские тела. Треск раздираемого платья. Крики отбивающихся женщин. Мерзкое зубоскальство.

Блеснули в свете луны ножи. Залаяли собаки.

Набег длился не более получаса. Силуэты удалились в ночь. Стало тихо, только слышно было ржание лошадей.

То, что осталось лежать на земле, было похоже на жалкую отару сбившихся в кучу овец в ожидании нового нападения волчьей стаи.

Первые лучи солнца высветили полуголые тела, ручейки крови, перерезанные горла, искалеченные груди. Стоны, предсмертные бормотания, безутешный плач...

Ануш казалось, что она видела все немыслимые ужасы, но перед этим зрелищем она закрыла глаза. Она тоже прошла через насилие. Платье на ней было разорвано. Она с трудом поднялась, искала глазами Гоар. Ее не было среди скрюченных тел. Окровавленная женщина доползла до колодца. Рядом собака вгрызалась в бедро свежего трупа. Ануш отвернулась и заметила вдруг, что на месте солдатской палатки тлел костер. Солдаты исчезли.

Ануш обернулась на жалобный крик. Женщина делала ей знаки. Она лежала в луже крови. Помедлив, Ануш подошла к ней. Женщина,

прижав руки к груди, говорила тихо и невнятно:

– Я ранена... но... можно спасти...

Губы ее дрожали. Она пошевелила руками, и правая грудь, едва державшаяся на коже, отвалилась вниз. Рука конвульсивно приставляла ее на место, а губы шептали:

– Брат... Мой брат врач... Он...

Чем можно было помочь несчастной? Ануш подобрала камень и швырнула в собаку, но та и не подумала бросить добычу.

Где же Гоар? Курды увезли с собой? Оставшихся в живых и не раненых женщин было не более десяти душ. Они пытались помочь тем, кто в этом еще нуждался, но средств для этого у них не было никаких, и поняв это, женщины побрели по дороге навстречу своей разбитой судьбе.

Ануш осталась одна. Она не могла уйти, не выяснив, что с Гоар. Она обошла два-три не до конца сгоревших дома, кричала, приложив ладони ко рту. Никакого ответа. Ануш решила покинуть это проклятое место и, повернувшись спиной к селу, вышла на дорогу. Внутренний голос придал ей силы: «Ты жива и свободна, ты должна бороться, у тебя есть дети и муж...».

Вдруг ее внимание привлек силуэт на верхушке небольшой скалы. Она узнала черную косу Гоар, и сердце наполнилось радостью.

– Гоар!

Девушка стояла с широко открытыми глазами, но взгляд ее был холоден.

– Это я, Ануш, иди ко мне...

Ануш с трудом удалось снять ее со скалы. Девушка была совершенно нагая. Ануш накинула на нее свою шаль и, оторвав кусок ткани от нижней рубашки, соорудила нечто среднее между набедренной повязкой и юбкой.

– Обопрись на меня... Тут недалеко должно быть селение... мы спасены... – слова раздирали ей горло.

Мухи облепили щеки несчастной. Ануш взмахом руки прогнала надоедливых насекомых, обе потихоньку двинулись в путь.

«Это шок, – уговаривала себя Ануш, – скоро она вернется в сознание».

После трехчасового пути Ануш увидела с высоты пригорка минареты и колокольни. Надежда придала ей сил. Это был, конечно, один из маленьких городов, где они обязательно встретят армян. Воспаленными глазами она пыталась пересчитать колокольни.

Показались первые дома. Придерживая за плечо Гоар, Ануш ускорила шаг. В город входил караван верблюдов, после них в пыли искали зерна куры и гуси. Играли дети у своих дверей.

Озерцо воды у дороги притянуло Ануш. Она наклонилась, чтобы попить, и невольно задержалась, увидев свое отражение. Она ли это? Растрепанные волосы, высохшее лицо, лохмотья, не прикрывающие все тело. Она взглянула на Гоар. Бедняжка своим бессмысленным взглядом и фантастической одеждой напоминала привидение.

Начали собираться дети, одна девчонка швырнула камень. Ануш сделала угрожающий шаг, и они разбежались. У калитки появилась старуха, Ануш крикнула ей по-турецки:

– Мы армянские беженцы, дайте нам пить.

Старуха подумала, потом вынесла ведро, предназначенное для скота. Ануш опустилась на колени и, сделав из ладоней желобок, принялась пить. Гоар никак не реагировала.

– Ну пей же...

Ануш стала лить ей в рот, направляя струйку из ладоней. Старуха смотрела на них с отвращением.

– На какой улице живут армяне? – спросила Ануш.

– Никаких армян у нас нет... Все уехали...

Она вошла во двор. Ануш последовала за ней.

– Дайте кусок хлеба, мы не ели несколько дней...

Старуха юркнула в дом, и минуту спустя показался верзила с палкой в руке, которой он помахал в воздухе.

– Прочь со двора! Идите в другое место попрошайничать...

Ануш была в шоке: она – нищенка!.. Взяв за руку Гоар, она двинулась вверх по улице в сторону церкви, колокольня которой виднелась издалека. Прохожие едва взглядывали на них. Никому не было до них дела, и ее охватил страх: они могут умереть среди людей. Этот враждебный город не хотел подать куска хлеба. В какую-то минуту она позавидовала бедной Гоар, которую ничто не трогало, она шла рядом только потому, что Ануш вела ее

Они пришли к церкви. Обидное разочарование! Небольшое здание было наполовину разрушено. Почерневшие балки свисали со стен. Только колокольня держалась.

Что делать? Из камней соорудила подобие сиденья для Гоар.

– Жди меня здесь, я пойду, попытаюсь достать еды.

Девушка посмотрела на нее. В ее глазах чуть забрезжил огонек. Удивленная и обрадованная Ануш погладила ее по голове.

– Ты узнаешь меня? Я твоя подруга Ануш. Вот увидишь, мы выберемся отсюда, мы свободные, нет больше солдат, мы в городе...

Огонек погас. Ануш разочарованно вздохнула:

– Никуда не уходи, я скоро вернусь...

С тяжелым сердцем ступила она на землю. Караван верблюдов с арбузами двигался посередине дороги. Женщины в чадрах переговаривались с уличными торговцами и медноликими от загара крестьянами, покупая у них яйца и птицу. Лавки с армянскими вывесками были разгромлены. Глаза Ануш застыли, и ноги остановились перед витриной с хлебами, галетами и различным печеньем. Ее охватил озноб, сознание помутилось, она едва одолела порог и вошла в двери. Хлебный дух застрял у нее в горле и не давал говорить. Булочник, чернобородый, с обнаженным торсом, уставился на нее, насупившись, и спросил:

– Чего тебе? Здесь не просят, убирайся!

Ануш не двигалась. И сказать не могла ни слова. Она вдруг зарыдала, слезы полились двумя ручьями, оставляя на грязном лице следы. Она невольно поднесла руки к горлу, больно схваченному спазмом.

Булочник взял ее за плечо и подтолкнул к двери. Ануш повиновалась безропотно. Ей было все равно, иссякло желание бороться. Она не видела никого вокруг. У выхода хозяин оставил ее, и она бессильно прислонилась к стене.

– Это все, что я могу сделать для тебя, – сказал он, сунув ей под руку сверток с сухим хлебом. – Напротив есть родник, иди, смочи хлеб...

Ануш покинула булочную. Подойдя к роднику, сунула сверток под тонкую струю и, не дав хлебу намокнуть, вонзила в краешек зубы. Она ласкала верхний кусок лаваша с ладонь величиной, прикладывала к щеке и целовала, он хрустел на зубах, как сахар. Она ни на минутку не забывала о Гоар, но тянула, не в силах подняться, встала, наконец, и, отламывая по кусочку от прижатого к груди свертка, пошла в сторону церкви.

– Это армянки, вот они!

Мальчишка показывал пальцем на Ануш и Гоар, лежавших на полу в церкви после их первой за неделю трапезы. Офицер бросил быстрый взгляд на их жалкие фигуры и спросил недовольно:

– Что вы делаете в городе? Почему вы не ушли со всеми?

Ануш произнесла чуть слышно:

– Нашу группу уничтожили курды, нас бросили...

– Здесь нельзя оставаться, – он не скрывал отвращения.

– Откуда вы?

– Из Трапезунда.

Ануш лихорадило. От малейшего усилия ее бросало в пот. Лицо Гоар превратилось в сплошную вздувшуюся рану, от которой Ануш отгоняла мух.

– Вставайте. Сейчас мимо города должна пройти колонна, пристанете к ней. Она направляется в лагерь для беженцев. Идите за мной.

Ануш встала с трудом, помогла подняться Гоар. Офицер шел на приличном расстоянии и время от времени оглядывался. Когда они вышли из города, он показал на горизонт.

– Вот и они...

Показались черные точки, поднялось облако пыли. Ануш пригляделась: верховые солдаты, посередине сотни женщин и детей, в лохмотьях, изнуренные, покорные. На месте дороги – длинное челове-

ческое болото.

– Идите к ним, – приказал офицер.

Ануш и Гоар повиновались. Их приход остался незамеченным, никто не разговаривал, только плакали дети.

Пожилая монахиня с пергаментным лицом подошла к Ануш.

– Из какого вы района?

– Из Трапезунда.

Монахиня покачала головой.

– И там не осталось больше армян... Где ваши дети?

Ануш не ответила. Она не думала о своих детях и муже. Ее постоянные муки перетерли, наконец, нить, которая связывала ее с прошлым. Она была не более чем бездушным объектом, который зачем-то таскали по дорогам.

Монахиня подбодряла ее:

– Мужайтесь, мы дойдем...

– Слова больше не имели смысла для Ануш. Они придут. Куда? Зачем?

После двух особенно изнурительных дней они достигли Сирии. На пустынном плато были установлены сотни палаток. Тысячи женщин, детей, стариков вяло сустились вокруг них. Турецкие солдаты повернули назад.

Ануш, Гоар и трое других женщин оказались в небольшой палатке, которая спасала их от солнца. Стоны и вопли стояли над лагерем, который исходил тошнотворным запахом.

Не было дня. Не было ночи. Призраки бродили по преисподней, мощеной горячим песком. Неубранные трупы разлагались на месте. От грифов чернело небо.

Ануш, растянувшись на земле, ожидала конца. Она больше не занималась Гоар. Не испытывала никаких чувств. Даже не страдала. Она не существовала больше.

– Разрешите мне...

Кто-то поднял ей голову и влил в рот горячей жидкости. Она услышала незнакомый голос и, открыв глаза, увидела над собой лицо белокурой женщины, которая улыбалась ей.

Ануш закрыла глаза и снова открыла их.

– Кто вы?

Женщина показала на красный крест, вышитый у нее на блузе.

Сестра милосердия отошла к другим женщинам. Ануш поднялась

и вышла из палатки. Неподалеку она насчитала четыре крытых грузовика с красными крестами. Мужчины грузили трупы, женщины раздавали воду и галеты.

Прихрамывая, она подошла к одной из сестер.

– Вы говорите по-армянски?

– Я армянка, – сказала она, ободряюще улыбаясь.

У Ануш прервалось дыхание. Слова застряли в горле, мешая вырваться наружу тысяче вопросов. Сестра сказала:

– Ваша Голгофа кончилась. Через два дня вас отправят в Дамаск... Вас примут христиане-марониты.

Ануш упала, как подкошенная. Глаза наполнились слезами. Она уцепилась за крест на блузе сестры, склонившейся над ней.

– У меня три сына, – простонала она. – Их зовут Завен, Ваган, Гарбис. Где я могу их найти?

Белокурая женщина развела руками, улыбка ее стала грустной...

Х

Уже месяц Дуряны жили у Софи, в греческом квартале. Гаянэ с сыном занимали одну комнату, в другой, напротив, жила Седа со своими двойняшками. Старики располагались тоже в отдельной комнате

в конце коридора. Сама Софи оставила за собой две комнаты на первом этаже.

Все имущество Дурянов реквизирировало правительство, как это было сделано с другими имущими армянами. Дома, конторы, склады, счета в банке... Ничего не осталось. Типография Азада «Арарат» была разгромлена. К счастью, в семье сохранились кое-какие драгоценные камни, на них была вся надежда.

Школы были закрыты. Отелло и его приемный сын – глухонемой Каро были высланы. Оставшиеся армяне не выходили в город. Между тем жизнь турок шла нормально. Они откровенно ненавидели христиан, и не проходило ни дня без инцидентов. Все знали о бойнях, учиняемых в провинции, но ни одна страна не принимала мер. Предоставленные самим себе, армяне в Константинополе выходили из положения кто как мог...

Дверь открылась, вошел Дикран. Он держал в руках учебник по арифметике и имел расстроенный вид.

– Я ничего не понимаю в этой задаче, – сказал он с кислой гримасой. – Наверное, здесь опечатка...

– Давай посмотрим, – Гаянэ взяла учебник, пробежала задачу и улыбнулась сыну: – Никаких опечаток, все очень просто. Но если хочешь, давай лучше позанимаемся по грамматике. Напишем диктант.

– Да-да, – поторопился согласиться мальчик. Он достал с полки книгу и протянул матери. – Можешь диктовать любой текст. Ты увидишь...

– Готов? Я начинаю...

Сквозь стену глухо слышались привычные для этого часа звуки. Проснулись двойняшки, и Седа заговорила с ними своим певучим голосом. Снизу доносился кашель Софи, которая никак не могла окончательно расстаться со своими длинными папиросами и проклинала тех, кто выдумал табак, а заодно турок и Магомета. Служанка звенела посудой, накрывая на стол для завтрака. Тише всех вели себя старшие Дуряны. При всех обстоятельствах они умели сохранять достоинство. Никаких жалоб, ни слова о прошлом. Хотя Бедрос Дурян потерял все, всего большее было отсутствие вестей от сыновей. Несмотря на пожилой возраст, он каждое утро одевался с прежней тщательностью, словно собирался в контору или на деловое свидание: завязывал свой черный галстук, проверял, в

кармане ли четки, и... никогда не выходил из дома.

– Я не понял последнее предложение, повтори, мама...

Гаянэ повторила и отвернулась к окну. Манерой сидеть, писать, подперев голову рукой, Дикран напоминал отца. Снова ее охватила волна нежности к мужу. Она с трудом удержалась, чтобы не показать сыну слезы, не расстроить его лишний раз, мальчик и без того сильно страдал без отца. Она обернулась, Дикран трудился над текстом.

– Думаю, что будет не больше трех ошибок.

– Проверим после завтрака...

Дурян дочитывал утреннюю газету и бурчал недовольно:

– Предатели! Труссы! Они осмеливаются говорить о переселении! Кругом бойня армян, а этот журналист пишет черным по белому, что речь идет о нескольких недоразумениях!

Вошли Софи и Седа.

– Ты плохо спала, дочь моя? – спросила госпожа Дурян невестку.

Лицо ее было усталым, иногда ночи бывали тяжелые из-за двойняшек.

– Ничего, я отдохну немного после обеда.

Каждое утро Софи со служанкой отправлялись за покупками. Дурян спустился на первый этаж и на выходе, остановив Софи, заговорил не очень уверенно:

– Уважаемая Софи, я давно хочу поговорить с тобой. Мы захватили твой дом кавалерийским натиском. Такое положение стесняет и тебя и меня, поэтому очень прошу тебя, подыщи небольшую квартиру в греческом квартале, неподалеку отсюда.

Слушая, Софи подставила лицо под лучи солнца, проникавшие сквозь занавески. Глаза ее светились. Она сказала тихо и твердо:

– Господин Дурян, вы знаете, что я не люблю кривить душой и говорить лишнее. Мой ответ таков: если вы еще раз заговорите на эту тему, я потихоньку соберу чемодан и скроюсь из этого дома. Вы хотите этого?

Она дружески кивнула и пошла к двери, оставив Дуряна в задумчивости. Седа и Гаянэ возились с посудой на кухне. Седа вздохнула:

– Сегодня мне приснился сон, будто Тигран на белой лошади верхом скакал под облаками и делал мне знаки. Ты можешь объяснить значение этого сна?

– Спроси у Софи, она сразу скажет. Мне кажется, хороший сон. Белая лошадь...

Они замолчали. Послышались шаги и тихое пощелкивание четок Дуряна, который часами мерил из конца в конец длинный коридор.

Сверху, через открытое окно доносился плачевный голос муэдзина, звавшего к молитве правоверных.

– И все-таки мы в привилегированном положении, – сказала вдруг Гаянэ. – У нас есть над головой крыша, и мы едим досыта.

– Мы едим досыта пока, – отвечала Седа. – Не забывай, что мы потеряли все.

– Я готова есть черный хлеб и пить воду, лишь бы они вернулись! Как ты думаешь, они вернуться? – в ее голосе было столько тоски и надежды.

– Не знаю, – едва слышно ответила Гаянэ. – мне кажется, что наше солнце зашло...

...Несколько человек решили уничтожить целый народ и запустили машину, которая не встречала на своем пути никаких серьезных преград. Турки довольным взглядом встречали людские стада, которые тащились сквозь города и села, покорные, на последнем дыхании, окруженные бравыми кавалеристами, которые гнали их на бойню, в преисподнюю, принявшую вид пустыни с мигающим на горизонте огоньком надежды.

Армяне были христианами, и при их меньшинстве, – упрямыми христианами. В течение нескольких месяцев половина из них была истреблена. Теперь следовало позаботиться о другой половине. Искоренить целиком эту расу, ковать, пока горячо, – война не вечна. Не то зашевелятся другие нации, надо поставить их перед свершившимся фактом, а там видно будет. Кто станет интересоваться армянами? Маленький народ, затерянный в исламской массе, тщетно пытающийся поднять голову и провести свои реформы!

Отелло шел в ряду со своим тринадцатилетним приемным сыном Каро. Второй день мальчик не спрашивал Отелло ни о чем, хотя тот уже хорошо разбирался в мимике и выражении глаз глухонемого. Он не жаловался ни на усталость, ни на жажду.

Колонна была составлена из стариков, подростков и значительной группы умалишенных. Разве можно игнорировать душевнобольных, ведь они могут выздороветь!

В течение первых сорока восьми часов колонна имела сносный

вид. Перед высылкой из Константинополя им дали время для приготовления, и теперь многие несли корзины с едой или хранили ее в чемоданах. Предполагалось, что «перемещение» не займет много времени, ведь ехать предстоит на поезде.

Говорили все о том же городе Алеппо, который их всех примет и даст приют до наступления лучших дней. От столицы до Алеппо, если даже идти пешком, две недели пути.

Отелло нес небольшой чемодан с одеждой, у Каро на плече ловко сидела корзина с продуктами. Умышленно не взяли ничего пить, полагая, что с этим не будет проблем в дороге. Однако за двое суток сделали всего лишь два коротких привала, а дни были жаркие, солнце быстро сушило горло.

Отелло почувствовал, что его охватывает какое-то особое недомогание. Он посмотрел вокруг и вздохнул. Тысячеголовая толпа разбилась на группки и змеилась по дороге, насколько хватало глаз. Сам он был окружен стариками и подростками. Что-то будет со всеми ними? Он, разумеется, слышал разговоры о массовых убийствах, о курдах, которые набрасываются по-воровски на измученных переселенцев, режут их и рассеиваются в ночи. Выбора не было. Его заставили под страхом смерти идти под палящим солнцем неизвестно куда и зачем. Что делать? Восстать? Наброситься всем вместе на солдат? Но вместо этих солдат придут другие. Убежать в горы? Он думал над этим выходом, но боялся за мальчика, что они будут делать в горах? Кроме того, люди говорили, что из Алеппо их эвакуируют в Дамаск, где живут христиане, арабы-марониты, ортодоксы, католики. И главное – все эти земли принадлежат Франции.

Деревья не приносили больше плодов, но ветви их гнулись под тяжестью повешенных. При въезде в село десятки деревьев были увешаны затвердевшими трупами празднично одетых армян. Тысячмуж роились над ними.

Между тем это было небольшое цветущее селение. Через него протекали ручей и родник, всюду во дворах пестрели цветы, в полную силу расцвели за домами ухоженные сады. На пороге церкви покоились в разных позах человек тридцать детей, одетых для первого причастия. Библии, молитвенники и псалтыри порваны и рассеяны повсюду. Крест священника был забит ему в рот. Лепестки роз

кружились в воздухе.

У дверей сельской лавки стояли один на другом фруктовые ящики, и в них – армянские головы с ухоженными усами.

Женские шляпы, цветастые платки, какая-то обувь валялись под окном, из которого торчала тонкая девичья рука.

С небольшого моста свисали повешенные за ноги мужчины, руки их омывали текущие воды реки.

Застыли, как сидели или свалились на столы и на землю посетители уличного кафе. Пыль покрыла чашки, наргиле, тарелки.

На площади к столбу была приставлена доска, а к ней привязан тот, кто теперь стал трупом со свалившейся на плечо седой головой. Мужчина был наг, на месте карманов были сделаны прорезы в теле, в которые вставлены его ладони. Возможно, это был староста, и его поставили на площади, чтобы он видел все, что делали изверги с его родным селом...

Колонна прошла через село в траурном безмолвии.

Село называлось...

Не было больше у него имени. С этих пор оно ушло в небытие вместе с тысячами подобных селений, где когда-то жили армяне...

– Нам везет, мой дорогой Каро. Вот уже семь дней мы в дороге – и еще живы. Теперь ты знаешь правду: турки не хотят нас больше видеть живыми. Они гонят нас, уничтожают. Придет день, и они пожалеют об этом, а пока что нам придется идти в неизвестность. Ах, какую приятную жизнь вели мы в Константинополе! Наши прогулки по Босфору, наш маленький домик, наша школа, какая жалость! Но мы с тобой вместе – и это главное. Я могу разговаривать с тобой, прикоснуться к тебе. У нас есть еще кое-что из еды, очень мало, конечно, но я надеюсь, что скоро мы достигнем цели нашего путешествия. Но успокойся, мы не одни, с нами идут наши друзья и соотечественники. Скоро для нас начнется новая жизнь. Ты увидишь... Столько планов у меня в голове! Ходьба стимулирует мой интеллект, и я думаю о твоём будущем. Тебя оперируют, и ты выберешь карьеру адвоката, врача или инженера. Если же останешься в царстве тишины, ты сможешь стать сапожником, ремесленником, портным. Дело не в специальностях, главное – быть в собственной шкуре. И оставаться армянином...

Наступила ночь – теплая, пахнувшая травами. Луна залила ярким светом долину. Время от времени подавали голос лягушки, и это был единственный звук, нарушавший торжественную тишину ночи. Воздух был чист и свеж, его вдыхали с удовольствием и с сознанием, что сама по себе жизнь всегда прекрасна.

Люди отдыхали, растянувшись на земле, смотрели на неяркие звезды, мечтая и надеясь; другие, собравшись в кучу, беседовали, комментировали события.

Вдруг до ушей Отелло, любовавшегося звездами, донеслось имя Азада. Он поднялся на ноги, подошел к говорившим. Невысокий человек с заросшим до самых глаз лицом продолжал:

– Надо было поступить по примеру Азада Дуряна. Он сейчас в горах с сотней вольных патриотов.

– Азад Дурян погиб.

Отелло, пораженный в самое сердце, подался вперед.

– Что ты говоришь? Ты имеешь в виду Азада Дуряна, сына Бедроса?

Послышался горестный вздох:

– Да, я говорю о нем. Есть один Азад Дурян, редактор «Арарата». Он погиб в стычке с жандармами во время облавы в горах.

Безмерная тоска охватила Отелло. Он сжал зубы и закрыл глаза.

Азад Дурян...

Он положил голову на чемодан, закрыл глаза. Его охватил вихрь воспоминаний. Он видел Азада молодым, на репетициях «Скупого». Азад и Гаянэ. Что она будет делать без него? Он слышал голос Азада, чистый и звонкий, его немного грустный смех. А эта щедрость, составляющая сущность его природы!

Смерть таких людей как Азад – это смерть Армении по частям. Что станет с Родиной без ее составляющих? Земля анонимная, поля и реки без души... Можно обрабатывать эти земли, поливать цветы и растения, трясти плодородные ветви садов, но всегда будет недоставать запаха пота, силы настоящих корней. А армяне? Кем они станут без своей земли?

Солдаты упали с неба, вылезли из земли. Застучали пулеметы, и тысячи пуль впились в беззащитные тела доверчиво раскинувшихся во сне людей. Застонала, содрогнулась долина, взметнулись в предсмертных судорогах руки и тела, искромсанные горячим железом...

Солдаты ушли, исчезли в песках. Им в спины летели проклятия, стоны, плач. Была уничтожена вся колонна. Отелло инстинктивно прикрыл собой мальчишку. Каро был цел и невредим, он растерянно смотрел на ранение, которое не минуло Отелло. Пуля попала чуть ниже колена, в мягкую ткань, ток крови был невелик, сама пуля виднелась темной шляпкой, и казалось, ничего не стоило ее извлечь, но сначала следовало остановить кровь.

– Пустяки, – заверил Отелло перепуганного Каро. – Сейчас мы подлечимся.

Он вытащил из чемодана белоснежную рубашку, порвал надвое и обернул вокруг раны. Потом встал, попробовал землю, поставил ногу.

– Прекрасно, я почти ничего не чувствую. Можно продолжать путь...

Два часа шли они по пустыне. Каро нес корзину с огурцами. Сыпучий песок утекал из-под ног, смывая следы. Два привидения, избежавшие бойни, две песчинки в бесконечности. Солнце начинало остывать. Белые облака плыли со стороны моря. Каро шел своими мелкими твердыми шажками. Отелло втянулся, и боль в ноге была терпима, он отгонял все черные мысли и улыбался Каро.

На пути стали попадаться платки, обрывки ткани, брошенная обувь... – следы колонны.

– Ты видишь, Каро, я не ошибся. Здесь проходили до нас, и, наверное, они уже дошли до цели. Хороший знак!

У Каро сияли глаза. Он взял из корзины огурец и протянул Отелло.

Незаметно подошла ночь, и пустыня напоминала огромную тень. Потянуло холодком. Послышались голоса обитателей пустыни – непонятные и разные. Прижавшись друг к другу, путники уснули.

На заре, проснувшись первым, Отелло развязал ногу и, вооружившись ножом, спрятанным в складках одежды, намерился извлечь из раны пулю, но кончик металла ушел слишком глубоко в мышцу ноги. Все попытки выковырять пулю лишь усилили боль и не дали желаемого результата.

Он заново перевязал ногу и вздохнул. Каро показал рукой в сторону точки на горизонте. Отелло напряг зрение и различил караван. Десяток верблюдов и люди в тюрбанах. Он вскочил с криком:

– Какая удача, мой маленький! Ты видишь, я не ошибся, этот

уголок часто посещают любители пеших прогулок. Нам останется только идти по следу каравана, а уж он куда-нибудь да приведет.

Счастливый, он приподнял Каро и прижал к себе.

Весь день они шли по следу каравана. След исчезал в песке, но оставался запах. К вечеру они достигли островка из скал, образующих подобие бухточки в этом безбрежном море песка. Финиковые косточки, апельсиновые корки на песке говорили лучше всякой карты, что они не сбились со следа. Другие следы, следы непомерной усталости читались на лице мальчика. Черные круги легли вокруг глаз, потерявших свой прежней блеск. Опершись о скалу, с руками, бессильно упавшими на колени, он уставился на Отелло вопрошающим взглядом. Бесполезно было ободряюще улыбаться. Отелло придвинулся поближе и заговорил, четко артикулируя:

– Тяжело, я знаю, но разве я предложил бы тебе этот маршрут, если бы не был уверен, что у него счастливый конец? Я бы сказал: закрой глаза и усни, усни навеки. Но ты сам видел караван, который прошел у нас под носом. Ты видел людей. И я не брошу свою роль, я доиграю ее до того, как будет спущен занавес, я понесу тебя на руках, если потребует. Где-то недалеко нас ждет другая жизнь. Кто сказал, что однажды мы не вернемся в Константинополь? Мы найдем наш домик, и отправимся в Пера есть сладости...

Каро закрыл глаза, он уже ничего не понимал от усталости. Отелло умолк и стал устраиваться на ночь, пытаясь уснуть и усыпить свою горящую огнем ногу.

Проснулся Отелло с криком, с трудом выбираясь из обрывков сна. Каро уже был на ногах, с корзиной, в которой еще лежали несколько увядших огурцов. В его облике была заметна какая-то перемена. Он был причесан, самодельный пробор, сделанный без гребня, одними пальцами, разделял надвое его буйную шевелюру. Каро улыбался. Охваченный патриотическим порывом, Отелло закричал:

– Да здравствует Армения!

Каро показал всем своим видом, глазами и головой, что он понял и согласен. Воодушевленный Отелло продолжал:

– Долой турок! Мы им еще покажем! Мы им ничего не забудем! Мы с ними сочтемся. Через десять, сто, тысячу лет, годы не имеют значения. Армения не пропадет, нет!

Он попытался встать, но не смог. Было такое ощущение, будто раненая нога зарыта в песке. Он не мог двинуться. Сжимал и разжимал с силой ладони, чтобы заставить кровь циркулировать, но все было тщетно. Отелло понял, что пришел его конец. И так как Каро смотрел на него удивленно, подмигнул ему и сказал:

– Слушай меня, Каро, я видел прекрасный сон. Ты не разгадаешь? Мне приснилось, что ты говоришь и слышишь. Ты увидишь, мой сон исполнится, и очень скоро. Но обещай мне, что первое слово, которое ты произнесешь, будет «Армения», это не так трудно. Подойди, посмотри на движение моих губ, подражай мне: Ар-ме-ни-я.

Он крепко держал мальчика за плечи, энергично двигая челюстями. Каро подражал ему.

– Продолжай, продолжай, у тебя получится!

Вдруг он умолк и окинул внимательным взглядом горизонт, задержавшись на том направлении, в котором они шли.

– Мой мальчик, кажется, мы спасены. Я чую запах верблюда... Посмотри хорошенько вперед. Ты должен увидеть караван!

Он был прав. Когда спала пелена поднятого песка, четко обрисовался караван. Он пересекал направление, которым они шли, и был не более чем в пятистах метрах.

– Иди, Каро, сообщи им обо мне...

Но, несмотря на самые выразительные жесты, Каро не двигался с места. Он все понимал, но не решался оставить Отелло одного.

– Иди! Разве ты не понимаешь, что это наш последний шанс?

Каро упрямо покачал головой. Караван удалялся. Собрав все силы, Отелло сделал попытку подняться. Самое большое, что ему удалось, это покачаться на одной ноге и затем рухнуть на руки Каро, который не в силах был удержать его.

Непомерная усталость овладела Отелло. Лежа на спине, он смотрел в небо. У него не было больше желания ни бороться, ни просто двигаться. Тысячи воспоминаний были ему мягкой подушкой. Но он увидел лицо Каро, склонившегося над ним, и улыбнувшись, подтянулся и сел.

– Итак, мой мальчик, что у нас в меню? – Каро услужливо протянул ему огурец. – Это все?! Поищи хорошенько в корзинке, ты найдешь там хлеб, мясо и даже немного сладостей...

Каро покачал головой со всей серьезностью. Нет, нет никакого хлеба, мяса, ничего...

– Ну-ну, я пошутил...

Отелло тяжело было сидеть. Он решил осмотреть рану, для этого пришлось разрезать брючину. Он развязал повязку. Рана сильно загноилась, от нее шел тяжелый запах. От раны к ступне стекала кровь. Это не была его красная кровь, а совсем другая...

Отелло скрестил на груди руки: консилиум поставил диагноз, больше некуда спешить. Жаль, что он не сможет выкопать для себя яму... Вот только мальчишка, милый Каро... Сознание, что он уже ничего не может сделать для того, отравляло последние часы. Каро заполнил пустоту в его жизни, и он был за это благодарен мальчику. Отелло был уверен, что скоро начнется агония, ему хотелось оставаться в сознании мальчика живым и здоровым. Первым делом следовало отослать его вдогонку каравану. Только необычное, торжественное прощание могло произвести впечатление на Каро, это же самое было по сердцу и самому Отелло. Все-таки в глубине души он оставался актером...

– Сядь ближе, Каро, мне нужно сказать тебе два слова.

Мальчик опустился на колени. Отелло отметил какое-то возмущение в его чертах. Не было в его лице ни испуга, ни отчаяния. Отелло сказал ему:

– Ты сейчас же пойдешь догонять караван, он недалеко. Ты пообещаешь мне, что не вернешься. – У Каро скривились губы, что должно было выражать протест, но Отелло продолжал. – Это моя последняя воля. Возьми огурцы. Нет-нет, не оставляй ничего, все разложи по карманам, мне ничего не надо.

Волнение сдавило горло, огнем жгло сердце. У Отелло не было уверенности, что Каро послушается и оставит его, и он приступил к задуманному.

– Дай мне твою руку, мой мальчик.

Не колеблясь, Каро протянул руку. Отелло достал свой ножик и сделал на белой, тонкой коже маленький ладони надрез, из которого показалась нежная капля крови. Потом он проделал ту же операцию на своей руке и смешал обе капли, приложив свою руку к руке мальчика.

– А теперь иди, – сказал он торжественно.

Все произошло так, как он задумал, предсказав движение в душе мальчика. Чтобы не давать волю чувствам, Отелло отрешенно закрыл глаза. Когда он открыл их две минуты спустя – увидел силуэт,двигающийся вперед. Тень, которая двигалась к другой тени. Песчинка

катилась к другой песчинке.

Он улыбнулся, предстояло выполнить еще один театральный жест. И гражданский тоже. Надо было убить турка. Он сжал, сколько мог, рукоятку ножа и полоснул от раны вниз, чтобы дать дорогу новой, красной крови...

Каро жив!

Он – гражданин России, ливанец, американец, француз, бразилианец...

Он не глухой и не немой.

Его можно встретить в любой части света. Он вам расскажет свою историю. Расскажет, как выжил, когда губили его народ.

Он расскажет о своем деде и отце, о ком-нибудь из близких, которые сгинули в дни Геноцида.

Вы не обязаны верить ему.

Но если он решится разжать свою ладонь или разожмет ладонь своего сына или внука, вы поверите.

Потому что в ладони каждого армянина, как и на сердце, кровоточит незаживающая рана...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	Жизнь в Константинополе.....	4
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	Оборона Зейтуна.....	102
ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ	Перед грозой	164
ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ	Восхождение на Голгофу	183

ББК 84 (2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1
К30

КИНЖАЛ В САДУ

Роман

Издатель: ООО «Рекламно-издательское агентство
«АлВи-дизайн»

Художественный редактор: Х. В. Мхитарян.
Технический редактор: М. В. Харченко
Обложка и иллюстрации: В. Г. Пьянков
Верстка: Г. А. Гончаренко
Корректор: Т. И. Феодосиади

Отпечатано:

Типография «АлВи-дизайн» г. Краснодар, ул. Суворова, 49
Заказ № 411 от 05.04.2012 г. Тел.: (861) 210-07-07

ISBN 978-5-904942-05-2

9 17859041942052